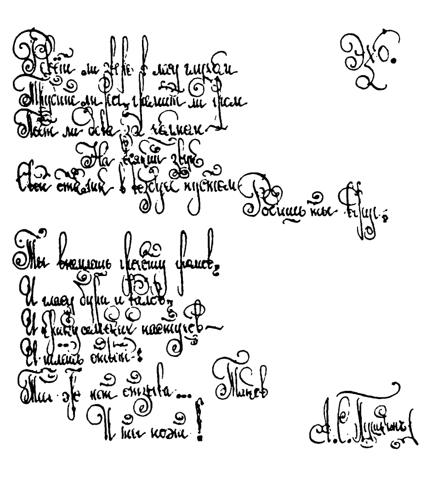
ЭХО 3 ECHO

ПАРИЖ 1980

ECHO

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

3(11)1980

PARIS

Журнал редактируют:
Владимир Марамзин
Алексей Хвостенко

Оформление А.Хвостенко

Directeur responsable N.Secinski

Вся переписка по адресу:
V.Maramzine, 302 rue des Pyrénées 75020 Paris

"ЭХО" ПОЗДРАВЛЯЕТ АВТОРОВ И ДРУЗЕЙ

*

в ЛЕНИНГРАДЕ

Бориса ВАХТИНА

с пятидесятилетием

3 ноября 1980

*

в ПАРИЖЕ

Владимира МАКСИМОВА

с пятидесятилетием

27 ноября 1980

*

в ПАРИЖЕ

Алексея ХВОСТЕНКО

с сорокалетием

14 ноября 1980

ПОВЕСТЬ

Г.Лифшицу

ЧУДИЩЕ

Израильское общество недооценивает значения русской прессы в Израиле. Быть может, на ее страницах решается судьба нашей страны.
М. Агурский

Пройдя земную жизнь до половины...* Позвольте представиться, Леонтий Прайс, отличная фамилия для зубного врача - израильским коллегам, не дожидаясь вопроса, тут же поясняю, что не для *стоматолога, а - зубного врача,* смеются; в стране шестой год, из коих три, второй, третий и четвертый, бездельничал в безлычковом звании "офицера от медицины" в Уллисе, Дуллисе и Жуликсе - Нижняя Галилея, Верхний Гилеад и Средне-Еврейская возвышенность (пример, как должно хранить военную тайну, а то еще ненароком проговорился бы печатно, что все три года проваландал в Иерусалиме, в казармах "Шнеллер", хотя, кстати, в "Джуллисе" тоже приходилось бывать, и признаюсь, ничего позорней тамошней поликлиники я не видывал).

Теперь основные жизненные вешки. Возраст я уже указал, место рождения - пос. Ижма, Фижменского автономного округа, Усть-Пижного края, области малоисследованной, где малорослые брахицефалы - принимая во внимание продолжительность их жизни, все до единого родились при советской власти - по семи месяцев в году спят, обмазанные оленьим жиром, месяц охотятся, три месяца, покуда длится навигация, пьянствуют и месяц затерялся. Желающие, сдав устный экзамен - сколько люксембургов умещается на территории Фижменского автономного округа? (правильный ответ: солок) сколько франций, вместе взятых, умещается... (правильный ответ:

...строки - позвольте представиться: Леонтий Прайс; я буду сопровождать вас и в подстрочных примечаниях, по крайней мере до конца этой части. (Здесь и далее примечания автора. Ред.)

На снимке слева: Леонид Гиршович

сесть) сколько Фижм можно разместить на территории Советского Союза? (осень-осень) - могли быть зачислены под начало Аарона Прайса, офицера конвойных войск. Последнее прошу в дальнейшем учитывать как смягчающее обстоятельство - дурная наследственность...

Впрочем, все это, ребята, неверно, в действительности я родился в Ленинграде и отца своего ни разу не видел: он снюхался с одной марьей ивановной, когда мать была мною беременна - чем и объясняется мое желание тихого снабженца представить злодеем-бериевцем, фижмы же брахицефалы здесь и вовсе ни при чем, и - буде таковые водятся - я прошу их великодушно простить меня. Мальчик рос под крылом дяди Мони с улицы Некрасова, милейшего старика, которого зря обидели - пройдет двести лет, и каждый школьник поймет, о чем идет речь; нет, опять вру, один раз отца я видел... Но не слишком ли у меня много вводных? Я собирался привести только некоторые даты. Извольте: когда родился,где родился, пятая графа - это все известно. Теперь:

- 1955 г., золотая осень, первый раз в первый класс.

- 1956 г., второй раз в первый класс - весь прошлый год проболел.

- 1958 г., украл из буфета три рубля, был пойман,но прощен; в том же году взято три урока музыки, один на рояле и два на аккордеоне.

- 1959 г., поздняя зима или, чтоб не так мрачно,ранняя весна - бит за двойку по (не помню, неважно).

- 1960 г., весь - кропотливейшее исследование всемирной литературы с единственной целью: извлечь, чем побольше,клубничной сладости, в особом почете Ст. Цвейг, Ген. Манн ("Юный Ген."), Мопассан, но даже своей матери Горький долго и больно мнет груди. В этот же год узнаю от соседки, что дядя Моня мне никакой не дядя.

- 1961 г., в ночь с 10 на 11 сентября первые слоники.

- 1963 г., март. Дядю Моню разбивает паралич. Мать выходит за него замуж (тайн от меня уже давно никаких нет).

- 1965 г., тоже март - ветер, снег, мерзко, в двух шагах от нас подслеповатые старички, он и она, что-то ритуально вкушают из крошечной кастрюльки, сидя прямо на промерзшем холмике - на Преображенском для дяди Мони места уже не нашлось. Дядя Яша.

- 1966 г., воскресенье, страшная сцена на улице, мать подкарауливает меня, выходящего из кино под руку с сокурсницей: проститутка! шлюха! я тебя на 101 километр вышлю! Ужас,народ смотрит. И потом долго еще не могла отойти: ты такой же, как и твой отец. Только попробуй, приведи мне фонячку в дом.

- 1967 г., июнь. Победихом, посрамихом.

- 1968 г., август, то же самое, только наоборот. Дядя Яша, в отличие от дяди Мони, заядлый любитель-коротковолновик.

Последние дни - 1972 г. Встреча с отцом. На этой дате,конечно, я мог бы задержаться основательней, но коль скоро сам не выношу подобных встреч на страницах книг - глупо, замусленно - то и читателя уж как-нибудь избавлю от литературного муслина. Мимоходом лишь замечу, что герой я только на бумаге, на деле же порядочная тряпка: как заяц трясся, покуда *тот* по-всякому варь-

ировал на тему "лепешки с родительским проклятьем", лепешка - Израиль. Но передумай я вдруг, благословить он был бы так же мало способен, как и проклясть, лишний раз это подтвердилось при составлении им бумаги для ОВИРа, где формальное разрешение на выезд тонуло в каком-то борще из идейных соображений и осуждений "поступка". Даже его баба поморщилась,когда прочитала - или мне так показалось, и было это всего лишь натуральным выражением лица коренной русачки в компании еврейца, точнее сразу двух.

Ныне, подводя черту всей этой перечнице дат - горькая,горькая юность - я не перестаю удивляться, как из такого множества величин отрицательных слагается благополучие текущего момента, пускай это не есть еще итог, пускай благополучие лишь материальное, то есть чисто внешнее, но факт остается фактом: в отличие от - 1956, - 1968, - 1972, + 1978. Я вижу в зеркале... (опустим покамест, что́ я вижу и как отражение одето). Об том же благополучии свидетельствует и прибитая к двери большого углового дома на Нес-ле-гоим (последним перевожу: Чудо для гоев) на уровне виска взрослого человека дощечка: "Денталь-депо. Удаление, лечение, протезирование". Кстати, рвач я только в прямом смысле слова, достаточно открыть прейскурант доктора Прайса: вырвать зуб 170 I.L., простая пломба 170 I.L., пульпидный зуб 320 I.L., наркоз бесплатно. *Больше того,* по секрету откроюсь,что с марокканцев и с приезжих ме-русия беру и *того меньше,* с первых исключительно назло последним. Благодаря магнитофонному устройству, которым снабжен мой рабочий телефон - легко запомнить: 15-36-83 - запись пациентов производится круглосуточно. Ну-с...

"Ну-с..." Я отложил шариковый "паркер" и задумался. Кое-кому из читателей я не нравлюсь: развязная манера держаться - писать, не обращайте внимания,это от застенчивости. Застенчивость ведь Протей - принимает миллион обличий, в этом нетрудно убедиться хотя бы на примере тех, кто в силу этой же черты характера уже готов откусить мне язык за словцо-другое,только б както оправдаться в глазах неких светлых личностей из об-ва Русско-Еврейской дружбы, которым не приведи... словцо это в нос может шибануть. Эка беда, мало ль чем их товарищи мне шибали в нос. И если словом - так еще ничаво.

Другое дело *мой* читатель, тот, что в обход всех этих глупостей сразу же отмечает поразительное литературное качество первых прочитанных страниц, их благородную вязкость,стилистическую сбалансированность, так не вяжущуюся с м.-д. психозом сказа - не более, правда, увязывается с ним и фигура преуспевающего зубняка (умная клешня, легкий флюс бумажника). Да. Увы. Лишь ты, в огне мечты моей живущий читатель, лишь ты бы узрел, что за вывеской зубаря нет никого. Вон я - там, видите, за пригорком,еще вся в лесах! золотится моя вавилонская башня, нет?..

Мучительно быть безвестным зодчим невидимой башни - но это только мысли, для бумаги никоим образом не предназначенные, помнится, ведь я отложил перо. Обмакнув (раз шарик, то только в себя), снова продолжим в присущей нам вязко-развязной манере: ...но существеннейше-сокровеннейшее доктор Прайс все же придержал за полями своего "горчайшего перечня",и не по малодушию (через это я уже прошел); и не затем, чтобы сказать: вот смотрите,

с шестнадцати лет человек ведет двойную жизнь,эдакий "тяни-толкай", сиамские души, живущие валетом... и даже не ради удовольствия, что кто-нибудь, какой-нибудь читатель-отличник в саламандровом галстуке - лишь ты, в огне мечты моей живущий - какой-нибудь пионерик-саламандрик, как бы опережая учительские объяснения, выбросит вдруг руку: мол, догадался,понял,можно сам... "Вы никакой вовсе не зубняк, вы Леонтий Прайс, изумительный писатель, это же сразу видно..." - нет, даже не ради этого - что практически все равно невероятно при двадцати десятках читателей, включая совершенно случайных (но при этом исключая встретить очередной отказ в редакции). А ответ прост, как куриное яйцо, нет - как колумбово: набурлил сумбуру и в этой мути незаметно протащил самое основное, самое сокровенное... Ненавижу лобовые столкновения с читателем.

Еще в возрасте, когда юнцы выбирают себе дороги жизни,а юницы с букетами выстраиваются по обочинам этих дорог, я написал первую повесть и послал ее в журнал с лихим названием. Содержание вкратце:

> Юный Рысс случайно из радиопередачи узнает историю создания Мусоргским "Картинок с выставки". Воображение Рысса больше всего поразило то, что сами акварели Гартмана во время революции бесследно исчезли. Во что бы то ни стало решает он их разыскать. Некто Ива́нов, молодой специалист из Управления культуры, высмеивает Рысса,причем делает это в присутствии своей жены, волевой загорелой грации. И все же мысль о пропавшей коллекции не дает Рыссу покоя. Начинаются поиски - похождения в духе остаповых, хотя и на зловещий лад (так, аналог инженера Щукина Волох во время пожара плюхается в до краев наполненную ванну, но вскоре вода в ней закипает и т. п.). В Караганде герой встречает Зинаиду Оскаровну Волох (урожд. Гартман), мать незадачливого купальщика. Бедная женщина рассказывает об обстоятельствах гибели большинства работ ее деда, в том числе "Лиможа", "Гольденберга и Шмуля", "Гномуса" - пошли на самокрутки зеленым. Казалось бы, этим все должно было и закончиться, но Рысс принимает решение подделать те из гартмановских вещей, что легли в основу цикла Мусоргского. Как в сказке,откуда ни возьмись появляется живописец Сахно,которого Рысс некогда отогрел, отдав ему свою дубленку. Долг платежом красен. Наконец явившись со своей фальшивкой к Иванову, Рысс узнает, что тот - едва ли не его сверстник! - умер. Тогда с дьявольской настойчивостью добивается он, чтобы молодая вдова не только разделила с ним ложе, но и разделила его, Рысса, потенциально-клинический взгляд на окружающее, "взгляд желтоглазого оборотня", по его собственному выражению. Книга заканчивается словами: "Плачь и торжествуй, рысь. Она верит в

> подлинность рисунков, она растоптала в себе образ покойного Иванова, доселе ее переполнявший".

Забавный сюжет для отрока, во всяком случае, младогвардейцы мне так прямо и отписали: "Надуманность сюжета,его явная привнесенность извне, с ветром чуждой нам традиции, делается особенно заметной, когда узнаешь возраст автора". Меня призывали оздоровить и упорядочить свое мироощущение, начать самостоятельно мыслить, а главное - не стесняться следовать образцам русской классической прозы (хотя уж, кажется, что может быть беззастенчивей эпизода с дубленкой). Интересно, что рецензента "почему-то" смутило местожительство Зинаиды Оскаровны - обожаю эти хитрющие "почему-то".

Приписав неудачу кознедейству властей (словно по уговору с простоватым героем одного диссидентского рассказа), я со спокойным сердцем стал дожидаться своего часа, не предпринимая уже ничего для его приближения. Об этом периоде моей жизни биограф скажет:

> Благотворность объявленного советским издательством бойкота не замедлила сказаться на творческом росте молодого писателя, видевшего своей задачей создание совершенно изолированного, как бы замкнутого на самого себя мира; это была абсолютная новизна абсолютно иной планеты,где перекрыты кислородные краники испытанных приемов и царит тотальный ужас первопознания - тотем, тот, тоталис.

Другими словами, моя беспризорная фантазия зацвела,как вода в запруде - знаете, эти подернутые ряской русской поэтики пруды.

За восемь лет своего существования население новой планеты чудовищно размножилось, и когда вопрос стал об эвакуации его - дотоле мирно собиравшего пыль в огромном тазу под кроватью, - я так растерялся, что готов уже был отбросить всякую мысль об отъезде,из страха разделить судьбу поэта Теренция... заинтересован в знакомстве с интеллектуальным читателем средних лет - впрочем, в тот год мне было не до трепа, невозможность вывезти весь этот ворох бумаг грозила мне помутнением рассудка, причем начальная стадия распада, как я теперь понимаю, уже тронула мой мозг - иначе чем еще объяснить затею с микропленкой, которую предполагалось зашить в ногу. До сих пор не возьму в толк, о чем думали все эти пронины с Литейного, покуда собачонка носилась по вверенному им городу, рыча без разбору на каждого прохожего: "Микррр-кропленку! кррапленку..." И не раз, наверное, вытягивал я из трехмиллионной колоды действительно крапленую карту. Выручил меня случай - за что крепко жму ему руку - сведя на ниве изучения иврита с нужным человеком, он был нужен моей бедной гибнущей планете, моему развинчивающемуся сознанию.

- "Так, сказал бедняк, выпить хочется, а денег нету".

- Нет, отчего же, - возразил я, также вполголоса. - Если немножко...

В целях конспирации мы встретились в укромном садочке где-то в районе Староневского. У него была серенькая, ничем не приправленная мордочка стилизованного резидента.

- Ну вот,вы и шуток не понимаете... - Не то себе в оправдание, не то мне в укоризну - не то с куста нашептывает ветер,не то бормочет что-то себе под нос агент сионизма, день стоял белый и ветреный, сидевший подле меня на лавочке своим молчаньем, своей неспешностью меня страшно угнетал. Вот он сперва попьет чайку, затем, напившись, достанет папироску, закурит - дескать, у меня время есть, а вы, если вы торопитесь, можете идти. - Ну,так что там у вас?.. М-да, верно, уже говорили... М-да... очень сложная задача... Сперва нужно будет ознакомиться с вашим творчеством, вы сами понимаете, что я канал с ограниченной проходимостью.

О!.. Вспышки на сердце. Этот,я бы сказал,проходимец с ограниченной канальностью так же годился мне в эксперты,как и в резиденты, к каковым, вероятно, себя относил. К счастью,я догадался его надуть, подсунул два или три аккуратно переписанных рассказа И. Переца. Экзамен на тупость цензор мой сдал блестяще, и вскоре вдвойне контрабандный груз, превращенный в пленки,отправился безымянной тропой на юг. Скажу сразу, чтобы больше к этому не возвращаться: я всегда был далек от мысли отождествлять Израиль с еврейством и потому любую критику этой страны (евреем) не считаю национальным предательством; довольно с нас партийной мистики тридцатых годов. Это не мешает мне, однако,воздерживаться от каких-либо высказываний по поводу государства-голема - безусловно лучшего места на земле, в рассуждении моей специальности, и абсолютно гиблого,по мнению матери и ее супруга, потащившихся за океан в надежде на призрачных родственников призрачное состояние.

Все у того же Переца есть печальный - не только одной своей беспомощностью - рассказ: умершему бедняку, чья слава в горней сравнима лишь с безвестностью его земного прозябания, заоблачная братья готовит торжественный прием (И.-Л. Перец "Бонце-молчальник"). Вылетая из Ленинграда, я чувствовал себя и Перецом и Бонцей в одном лице. Понятно? Это ощущение не покидало меня также на первых порах в Израиле, где я как бы жил инкогнито,в предвкушении эффекта, с каким в один прекрасный день - любой, когда назначу - подниму забрало. Чтение местных русских журналов только добавляло, что называется, сахару в сироп - один пишет: "Потом я лег на землю и сперва посмотрел на звезды". У другого,рифмоплета, "Ольга" преспокойно побивается "фольгой" - в строках с мужским окончанием, впрочем, поэт убежден, что половой метаморфозе обречена лишь бедная прокомпостированная Ольга́ - впрочем, не стихи моя стихия. Третий, "известняк",судя по аннотации,предлагает вниманию читателя чудо-человека, у которого "руки и ноги ходят в другую сторону", четвертая, Галина Гениальная, по произвольному прозванью доктора Прайса (Вера Гринкарт), взяв эпиграфом "Во Францию два гренадера", с трагикомической серьезностью начинает: "Идут на плаху три еврея" - и пока все пятеро удаляются, что-то там вслед им матереет и уже гонорея... Короче, долго я смаковал весь этот вздор, но ведь и сластене, отъявленному самому, иное зелье начинает казаться приторным. И я решил: дай-ка нанесу легчайший укол рапирой - из-за укрытия,как бы из-за угла - а сам посмотрю. Оружием своим я избрал отточенный во

всех отношениях, с элементами слиза рассказ, представление о котором может дать - ну, хотя бы такое предложение:

> Она ступала по кромке влажного с ночи песка, разрушая ее и обнажая скрытый под ней слой сыпучий, чем как бы помогала солнцу в предстоящей ему гигантской работе, и в мыслях возвращалась к ужасной действительности...

- поверьте, взято наобум; честь первого укола была оказана журналу с пленительным именем "Ами" - обожаю французский, - прикрывать меня согласился таинственный Сами Нисами, номер полевой почты... (один капитан, мой сменщик - к описываемому времени я уже настолько окреп на новой земле, что власти сочли возможным залучить меня к себе на службу). Какими же словами передать мое изумление, когда однажды, войдя в кабинет и поздоровавшись с уходившим "Сами Сусами", я нашел на столе конверт с моей рукописью и пришпиленной к ней запиской такого содержания: "Дорогой/ая (от руки вписано имя)! К сожалению, присланный Вами материал не отвечает направлению нашего журнала. Уважающая Вас закорючка." Я даже не рассердился, это больше смахивало на первоапрельскую шутку, которую какой-нибудь шутник в редакции мог со мной сыграть - мне еще виделось по старинке: редакции со своими шутниками, с дежурными фразочками, которыми сотрудники встречают какую-нибудь свежую новость или старую сплетню, со знаменитым бильбоке... Но когда спустя полтора месяца - так и не дождавшись письма, отменявшего или хотя бы как-то истолковывавшего предыдущее - случаем узнал я, что "Ами" олах ле-оламо (приказал долго жить), то сразу понял: то была с их стороны, так сказать, выходка под занавес - и почувствовал себя как пассажир, опоздавший на самолет, о котором стало известно, что он похищен или разбился. Кстати, это единственный на моей памяти случай в Израиле, чтобы русскоязычный, в двести страниц журнал вдруг закрылся*. Остальные русские издания, напротив, обнаруживали чисто биологическую потребность к сохранению вида, достигая посредством простого деления - на два совершенно идентичных журнальчика - большей степени устойчивости, поскольку стояли уже как бы на двух ногах. Парность поражала даже в названиях, и скользя по прилавку, взгляд вечно цеплялся о какие-то двойняшки: "Менора" - "Минарет", "Синайское откровение" - "Сионское обозрение", "Шамир" - "Тамир". Какой восхитительный спорангий здесь потрудился!.. И уже готов каламбур: споры редакционные.

Смотрю в окно - и презираю,
Смотрю в себя - презрен я сам.

Я отношу эти стихи на свой счет - ведь могло иметься в виду и окно "Плимута", и водительское зеркальце... Из окна, подле дома, где я припаркован, открывается вид на таблицу Снеллена:

**Порнографический "Сиам" не в счет.*

Презираю. Но вот я дотягиваюсь взглядом до зеркальца - чтобы проверить, в порядке ли уголки глаз. И за то, что я могу волноваться, что я смею волноваться - презрен я сам. Напрасны попытки кривить душою, доказывая себе, что такой мандраж неизбежен при переходе из одного, безусловно, приятного состояния в другое, приятнейшее - с высот тайных на высоты явные. Попутно "ведется репортаж с места событий" - в будущее; в тех же целях самообмана (если не самообольщения) происходящему придаются черты хрестоматийные, как это было бы рассказано от третьего лица эдак в третьем поколении... "Откинувшись на покрытую недешевой плетенкой спинку сиденья, он бросил взгляд на кисть руки: пора, полдень. Хотелось еще повременить с началом этой новой жизни, в последний раз ощутить привычную сладость тайного превосходства. На память пришли случайные ходасевичевские строки (идут строки). Было грустно..."

Нет, переключим это элегическое вранье - было страшно. Что бы ни говорил я и как бы ни выпячивал грудь, я отлично понимал: сбылась мечта русского графомана, пресса в его руках. И по праву: литература, что правительство - она стоит своих читателей. А при таком положении вещей рукопись моего романа... гм,пристегивается к графоману; что при таком положении дел рукопись моей повести "Без стыда и без совести"... нет, всяко в рифму - а хулиганю-то, хулиганничаю-то как жалко. Нет, не станет печатать меня литературно-независимый "Анахну кан" - мое для них то же, что их для меня. Означает ли это, что в двенадцатый день месяца тебета, в четверть часа пополудни герой, утопавший в своем цвета водоросля "Плимуте", распростился даже со слабенькой надеждой?.. В таком случае вы нас совсем не знаете. Ничего "слабенького", никакой половинчатости! И если бывает мощная уверенность, то такая уверенность была у меня. Я даже мысли не допускал иной, как о полном своем триумфе. Только в одном я был уверен столь же неколебимо - что потесниться, подпустить меня к своему блинчику они просто (они - это в конкретном случае Иванов, главный редактор) - они просто не в состоянии, зоология другая. Еще я думал описать, как между этими двумя уверенностями,одной мощной и другой - неколебимой, как между стенками взвывшего зуба,мается мое нетерпение, но все же, умный, сообразил, что дальнейшие мои старания пойдут прахом из-за фамилии главного редактора, в которую, надо полагать, уже обеими ногами провалилось читательское внимание. Что до меня, то я этого типа в глаза не видывал и только читал его чудовищные эссэ (на пасху Агасфер пьет из ча-

ши святого Грааля элексир жизни - прямо по "Бессарабцу"). В прошлый раз, быв в редакции в его отсутствие и сдав "дело" на руки некой мадам Папироске, за пятнадцать минут разговора выкурившей четыре моих сигареты "More" - суть не в притяжательном значении, я сам пихал ее в More и вообще вел себя так, словно от нее зависело давать или не давать "делу" ход - обычная глупость: развести дипломатию с вахтером; ну в какой, спрашивается, связи были хронограф своей атлантиды Пень (Д-р Прайс "Цвишен ям унд штерн") и выпустившая гвоздь босоножка, которую мне, как "колёсенькому" - ласковое прозвище автомобилиста - доверялось отвезти в сандаль-депо...

Значит, тем разом я Иванова не видел и лишь узнал от Папироски, что это сущий левиафан темпераментом. На мой вопрос, хорошо это или плохо - не рискнул полюбопытствовать,каким ей представляется левиафаний темперамент - она закрыла глаза и многозначительно подняла брови: "Не знаю". Зато я выяснил,что редкой фамилией мой будущий издатель обязан своей супруге, каковую принял, не супругу - фамилию, из тактических соображений еще в бытность свою демократом.

- И, смотрите-ка, не меняет, - деланно восхитился я.

- А что менять, привык, детей нет. (За прочими рассуждениями касательно фамилии "Иванов" читатель при желании хоть сейчас может отправиться на стр. 78, но тогда, как преждевременно насмотревшееся взрослых фильмов дитя, он уже не оценит всей волнующей прелести осторожного введения нами в текст героини.) ...Вот видите, кладу прямо к нему на стол. У нас ведь,сами знаете, от этих графоманов отбоя нет.

- О да, я знаю...

Вышла заминка.

- О чем ваша вещь?

- Да, видите ли, в двух словах не скажешь... Первая,вы сказали, направо, второй дом с угла?

- Вы там увидите, под большим железным сапогом.

- О'кэй. Ну, а недельки через две в это же время (на всякий случай я посмотрел на часы: четверть первого) я к вам наведаюсь.

Так заключаются убыточные сделки: взамен своей хрустальной прозы я получил далеко не хрустальный башмачок.

На обратном пути в попутчики я избрал себе солдатку,а позднее, специально для нее, прихватил бедуина - из тех, что годами измеряют время в ожидании тремпа. Обожаю экспериментировать с пассажирами. Стерто. Чинно подрулив к тремпиаде, я принял на борт строго в порядке очереди четырех человек. Обожаю мужской разговор. Всегда можно что-то рассказать, что-то объяснить... Вот вы спрашивали меня давеча, о чем моя книга. Ну как на это в двух словах ответишь? Я ведь писал ее не день. И не год - если переводить в единицы времени, принятые у арабских тремпистов... И, если угодно, вообще не думал ее вам, господин Иванов, давать - думал маленько пофехтовать... играючи... лишь раздразнить ваше редакторское чувство. Для этого хватило бы и пары миниатюр, скажем, "Сова и я, сова меня уводит", или в прозе: "Он был лет тридцати с фигурой дамы, принадлежащей кисти Иорданса, и головой Черкасова младого..." Да, такие вот штучки,батенька. Но поз-

же я понял,мне был знак (про "Ами" молчок)... палить надо сразу из тяжелых орудий, и потому вы получили то, что получили - "Цвишен ям унд штерн". Прочитайте это, милый Иванов, и вы поймете (ни черта не поймет)... и вы увидите, сколь уместен вопрос "про что там". Даже дайджест этой прозы, так сказать, различными издательствами схож не более, чем моль и эмаль... "мечта и мачта"? ладно, он-то всяко не помнит - Жерико и джерикан. Вот взгляните, коллега, видите? В этой руке у меня советское издание "Цвишен ям унд штерн" (изд-во "Гефильте фиш", М.):

> "В книге рассказывается о любителе легкой наживы, о человеке, который, торгуя в открытом море судовым оборудованием, кончает тем, что продает врагу золотые слитки уникальной научной ценности".

Мораль: даже расхищая казенное имущество, держись границ благоразумия.

> "Попутно автор дает широкий срез внутриполитической и культурной жизни развитого рабовладельческого общества".

В этой руке та же книга, выпущенная в Мяуане, провинция Кисуань:

> "На примере продажного историка С. Рубинстайна автор убедительно показал, как в угоду империализму и гегемонизму в отдельных странах фальсифицируется история народов стран третьего мира. Большое аллегорическое место показывает, какое глубокое влияние испытал на себе автор китайской литературы".

В этой руке у меня аннотация литературно и религиозно независимого "Анахну кан" - кстати, Иванов, дорогой, все хочу спросить, от чего зависит журнал, который не зависит ни от религии, ни от литературы?

> "Эта книга об одном из самых феноменальных явлений нашего социума. Избегая четких определений, порой эзоповым языком, автор тем не менее решительно заявляет, что антисемитизм был, есть и будет первейшим индикатором ценностно-нравственного в разрезе общечеловеческого".

И в этой руке у меня экземпляр, выпущенный мичиганским издательством "Дай дайейну", которое пишет так:

> "О чем бы ни повествовала книга, об эсхатологической сущности гомосексуализма или о "Большом карнавале" Шумана, о горечи эмиграции или о самовоспитании чувств древнейшими эфебами,о катастрофально-низком качестве русских скафандров или о поругании материнства - знай, читатель,она повествует о тебе".

Что с вами, Иванов, почему вы смотрите на меня, как на хоровод маниамский?

Подобные воздушные беседы (с воздухом) я обожаю, но если уж и вовсе не с кем поговорить - воображение сухо - то приходится,

настроившись на волну будущего, слушать, что скажет обо всем этом сидящим вокруг костра саламандрикам их саламандрвожатый.

...Он со вздохом откинулся на спинку сиденья. Хотелось как можно полней напоследок насладиться своей небесной славой - славой Бонци-молчальника, в последний раз почувствовать себя в шкурах литературного Робинзона. Было грустно (а Робинзон, саламандрики, даже плакал, покидая свой остров). "Ладно, пора", резко молвил он, но тут же, смягчившись прибавил: "Зовет труба восстать раба - обещал быть в 12. 15, держи слово".

Хлопок дверцы прозвучал как залп "Авроры", ознаменовав начало новой эры в истории - будем скромны - моей жизни. Читатель сам скромен и того же требует от других. Читатель сам честен и... особенно это на руку нам, чьим принципом является ложь во имя прекрасного. Обделенный не то эпохой, не то природой - второе, по крайней мере, не так обидно - читатель сам серьезен, и тут уж ничего не попишешь: быть серьезным по отношению к нему в его понимании значит уважать его - сказывается многовековый комплекс попранного достоинства. Уважим. И глядишь еще, книгочий клюнет, а клюкнув, и полюбит беллетриста - и все ему простит.

Я люблю, чтоб меня любили, я изголодался по чьей-угодно любви. МНОГОУВАЖАЕМЫЕ читатели, автор ПОЧТИТЕЛЬНО ПРОСИТ вашего внимания сроком на одну минуту и сорок восемь секунд. И вот почему. По лестнице я всходил так, чтобы не влететь в помещение задохшимся грузчиком, несущим на потном плече собственный язык. Возможно, имелись и другие причины не спешить и икр не окрылять: все то же сентиментальное желание замешкаться в жизни прежней, или страх - я ведь правду тоже знал... Словом, если пятьдесят четыре ступеньки помножить на две секунды, то в моем распоряжении окажется еще минута и сорок восемь секунд. Этого достаточно, чтобы, ну, описать свою внешность - что давно пора сделать, тем более, она того заслуживает - либо попытаться сформулировать свои принципы. Доводы в пользу последнего: внешность моя, в отличие от принципов, никуда от меня не денется; страшно хочется поделиться некоторыми соображениями с УВАЖАЕМЫМ читателем. Хотя бы такими:

Первопричина*: художественного творчества, равно как и истоки религиозного мироощущения, кроется в искомом стремлении индивидУУма - не обращайте внимания на этот биплан У-2, идите дальше - к духовной автономии, к эмансипации души, как то понимали еще древними (катарсис Аристотеля, забвение душою тела посредством переживания религиозного или эстетического характера) Протрем зеркало. В царстве плоти отражением аналогичных в функциональном отношении процессов выступают эротика и оргазм, соответствующие искусству и катарсису "только на зеркальный выворот"**. И - развивая начатую параллель - как внушаемые Астартой

*Автор признает, что в своих рассуждениях всецело основывается на самоанализе, почитая таковой за единственно эффективный метод познания, автор твердо верит: то и это - одно и то же, все мы люди, все мы один черт. Вера, с которой никакие обобщения уже не страшны.

**Лв. Нирис "Рад".

целенаправленние движения (цель - антикатарсис, забвение телом бытия) все же не являются осознанной попыткой пресечь пульсацию духа,так и желания творческие обусловлени исключительно потребностью безотчетной, надволевой, пребывающей вне всякой связи с истинним назначением искусства. Отсюда, кстати,распространенное заблуждение, возникшее в результате смешения творческих побуждений и собственно задач творчества - видеть в искусстве акт самовыражения. Но обратимся к сказанному выше. Не только возможно, но и самой природой оправдано существование художника творчески фригидного и неспособного к катарсису. Идея последнего в этом случае подменяется идеей игри, игри как таковой - что отнюдь не зазорно само по себе (коль скоро уже подчеркивался надволевой, безусловный характер творческого влечения), но при этом требует одной оговорки - элементарная честность ее требует: игровой аспект искусства - это всего лишь аспект,он может преобладать над каким-то другим аспектом, скажем, над идейно-нравственним,у которого, в свою очередь, в вассалах числится прикладной жанр, и так до бесконечности; однако суть искусства,его абсолютная ценность в другом - в экстатичности, в способности повергать нас в самозабвенное переживание, составляющее главную потребность человеческой души. Лишь ценой такой оговорки,лишь ценой осознания собственного места в искусстве адепти игри, к которим поневоле принадлежу и я, д-р Прайс, могут бить сопричислени к его жрецам, так сказать, рукоположени малим посвящением. Покуда же этого не произошло, в основе игри всегда будет лежать принцип обмана,надувательства* - принцип!!! - который я оттого довожу в своем творчестве до абсурда, что втайне надеюсь подать этим знак: не верьте, берегитесь - и виговорить себе тем самим почетное звание "истинного жреца второго круга" или,еще лучше,"первого среди вторих". Dixi.

Вы же, саламандры - я люблю вас, проба пера вспять не ввела вас в заблуждение, вы сразу разглядели охоту в чужих угодьях.

Поднявшись на второй этаж (по российской арифметике третий), я правым глазом (то же, что и по правую руку) увидал знакомый тест:

а н а х н у к а н
ANAHNUKAN
ЛИТЕРАТУРНО
религиозно
независимый
журнал

и с непроизвольностью близорукого потянул на себя дверь. Сандрильона, она же Папироска, вся в кудряшках изрезанной бумаги, с головой ушла в аппликацию - а то с чего бы ей было со мной не

**Выдавая себя за своего господина, он (Лепорелло) все же не мог дать им (испанкам) того, что они вправе были от него ждать.*

здороваться. В таких случаях принято кашлянуть - разок прочистить горло, не больше. Ваш герой, однако, поступил иначе,он засмеялся. Формальное объяснение этому ломкому смешку простое: вошедший при виде дамы в редакционных папильотках вновь пережил трепет паломника к древу интеллектуальной клюквы - левиафаны, граали - ну, и содрогнулся животиком (формальное, совсем формальное объяснение).

- Рукопись там, - сказала секретарша.

- О, я не сомневаюсь, что она на месте и что с ней ничего не случилось. Пускай там и лежит.

- А что, вам она тоже не нужна?

Это иронический шутник Иванов, прежде скрывавший свое присутствие путем неведомых мне чар, вдруг подал голос, да заодно и сам сгустился в существо бородато-зримое в каком-нибудь шаге от меня, так что дивясь фокусу, я даже отхлынул в П дверного косяка и оттуда в тон ему игриво отвечал:

- Так же как и вам, сэр, так же как и вам...

- Ну, так я ее выброшу, - говорит Иванов и веером пускает листики в большой картонный короб.

- Да как!..

Поневоле вынужден я опуститься перед этим человеком на колени, чтобы выудить моих заживо погребенных церасов,моих познавших ужас повторной атлантиды церасов из урны, где они уже смешались с мусором, отбросами *отбросов* - под самым последним разумею журнал. Надо бы что-то сказать... Эй, Иван, болван, баран... А ваши эссэ, почтеннейший, можно читать как слева направо, так и справа налево, главное в них - определение жанра, а оно полиндром... Все... все... все... вот слово-шляпа,нахлобучь до ушей "все кончено", и ток моментальной смерти... кряхтишь-кряхтишь... Бог знает что себе бормочешь, ища пенснэ или ключи...

Между тем в вышине голос Иванова уже сливается в тривиальном дуэте с голосом нового просителя.

- Прошу тебя в который раз: покажись Скуркевичу, эти твои вечные простуды...

- Не смертельно.

В волоске от моего сопящего носа слегка сбитая снутри лодыжка с жилкой - стойкий символ моего позора с той поры.

- Я искала Нату подарок.

Меня Иванов словно и не видел больше, а я его не "словно", я его точно не видел, одержимый лишь желанием поскорей убраться отсюда. Помню только, как мелькнула надо мной открытая в резко очерченном густом окладе шея.

Ценнейшим свойством автомобиля является его экстерриториальность, способность превращать в частное владение - читай убежище - Х кубометров любого пространства, даруя целительное уединение раненым бойцам. Отсюда и внимание, которое те уделяют интерьеру своих крепостей на колесах - по аналогии с новым выражением "моя машина - моя крепость", а вовсе не с бронепоездом - но не в том смысле, что выстилается салон розовыми мхами и подвешивается к зеркальцу диснеевский пупс, нет - внимание направлено на воссоздание домашнего привета; взять хотя бы любителей

"забывать" в машине разные домашние вещи, которые с течением времени в глазах собственных же хозяев обретают статус "вещей дачных", порождая ни с чем не сравнимое, какое-то умильно расслабляющее чувство - в моем случае стимулирующее работу кишечника; так, простите за откровенность, не знаю, что сталось бы с моим режимом дня, если б в определенный час я не вспоминал о четвертом томе Лескова, уже несколько лет как валяющемся за задним сиденьем - вместе с пристежной подкладкой от сношенного пальто и старой сигарной коробкой..................................
...................тон, перемени-ка тон, дружище................
...Эх, и радостно же было наконец пасть не к ногам Иванова,но в кресла собственного лимузина! Сразу погасло лицо - а ведь горела козья щека (какая-то школьная прибаутка), как горела лишь раз, под гулкими сводами венского вокзала, удерживающими, верно и по сей час,инфразвук невероятно звонкой материнской затрещины. Напомним, тогда, шесть лет назад, я не просто отказался ехать в Индеи с Яшей и мамашей - хотя, сорвись они под прямым углом книзу, признаюсь, рванул бы прямо - но, самое страшное,отказом своим я посягнул на верховное божество семейного пантеона, подвергнув сомнению реальность если и не самого дядюшки Велвела, то его баснословного богатства.

Да позволено здесь будет трижды пропеть петухом, условно,по трем разным направлениям:

У) за поступок много худший я бы не схлопотал по коже - наш брат кактавит - но именно с маминым братцем Well-well'ом и его романтическими сокровищами связывались сокровеннейшие чаяния - в страшные же времена мысль о заокеанском джентльмене в лосинах согревала совершенно бескорыстно - так что я до некоторой степени осквернил капище;

zwei) поразительно, но ни сейчас, ни во время прошлого публичного поругания меня не оставляло чувство какой-то внутренней отстраненности от происходящего; в тот раз, когда мама сыграла клюшкой, я, помнится, во внутренних своих покоях - в полном соответствии с указанным помещением - обсасывал слово "сокровища", как первоначально "добытое со кровища", в этот раз я,так же *преспокойно*, разыгрывал в мыслях дебюты с Паулиной Мальчик;

dry) пожар, бушевавший на моем лице, в обоих случаях был лейтмотивом колебаний - тех самых, "камо грядеши,жидовине" - колебаний, я бы сказал, штурманских, поскольку, ползая по окаменевшим половичкам "Анахну..." с пыхтеньем доисторического паровичка Ползунова,я вдруг воспылал гневом не на Иванова, а... на Израиль! искренне пожалев, что сбился с верного курса, указанного еще шесть лет назад штурманом умным, Яшей. "Поезжайте в Израиль, поезжайте в Израиль (говорил дядя Яша), там вы наконец перестанете чувствовать себя евреями", вспоминал я, брызжа слюной. - А может, я хочу чувствовать себя евреем, а может!..

Так на третьем, *сухом* крике петуха я раскололся. Выручил меня уже воспетый мною мой личный автомедон (разве подросшим читателям Куна, нам не пора дать этому имени реверс?), да, спас меня от постыдного падения до уровня брюзгливого русича - о русиче ниже - мой славный "Плимут", внушив мне мысль куда более достойную, судите сами: они - нашептывал добрый "Плимут", раз-

умея под этим настоящих поэтов, - *не ходят пешком из дома в дом,* а ездят в "Плимутах". Те же, *оборванные аббаты с улицы,* добывающие свой скудный хлеб ремеслом, которое для тебя лишь барская причуда - те не могут не ненавидеть тебя, хотя бы уж за одно это. Ты и миллионщик - подле них, и творец, в миллион раз их превосходящий. Ты - *сам себе господин* (за вычетом нескольких часов в неделю, чистая синекура), словом, в их глазах ты *Чарский,* барин, к которому такие как они *пешком ходят в дом, выспрашивая себе вспоможения...* И, наконец, ты для них... - тут начитанный "Плимут" сделал рывок во всех смыслах: захваченный неожиданным парадоксом, я слишком резко отпустил сцепление, - ты для них попросту еврей... (но об этом, где и о русиче).

Через квартал мне пришлось пристать к тротуару снова - моя экзальтация приняла опасные для тель-авивского движения формы, к тому же мне претило изображать из себя Айседору Дункан за рулем. Успокоиться, взять себя в руки..............................
......................и сказал д-р Прайс так (саламандрики): мыслям следует учиться у стана, рассудку же у тела - столь строен был доктор Прайс и здрав. И было у него три костюма, четыре пиджака, а также брюк без числа, из коих носильных вещей соединялись разные комбинации и ни одна при этом не повторялась, разве что умышленно, с желанием умалить богатство гардероба. Галстуки повязал он только одноцветные, обувь же, наоборот, носил лишь двухцветную. И когда кланялся, то приподымал шляпу, зимой гомбург, летом канотье - но непременно рукой, затянутой в лайку или бязь, опять же, смотря по сезону. И дивились встречные: вот шут гороховый. И всегда ему выходил навстречу из зеркала благородный сеньор в тисках седых висков (из ранних, значит...). Что черная расселина среди скал, то складка его между бровями. Что лощина, полная снегу между черных гор, то ослепительная стрела среди темных волос. "Ибо туалетом своим я лишь довершаю Богом данную мне внешность красивого идиота", так говорит д-р Прайс (соломондрики)............................кстати, будь я в джинсовой робе да в бурой майке, все мои манипуляции на уровне пола там, в редакции, выглядели бы необидной производственной гимнастикой под водительством физорга Иванова.

- Нет, посмотрите, это же Паулина! - Внешнее зеркальце отразило неравномерное приближение субъектки-гуигнгма (стерто, позже), чей застегнутый на одну великую пуговицу живот своим внезапным вздутьем оттеснил за рамку пращурно-ящурную головку. В следующую секунду движение преломилось и реальная особа зашагала в обратном направлении. Звучит мой возглас.

- Если вы не очень против, - продолжал я, не давая ее удивлению взойти, - я охотно вас подвезу, тем более что нам, как я понимаю, по пути, верно ведь?

- ...простите, я прослушала - что "верно"?

Ничего не поняла, ладно, проще.

- Вы сейчас идете к "Машбиру", не так ли?

- Да...

- Ну и я туда же. Поехали.

- Куда поехали?

- К "Машбиру". Разве у нас не там свидание?

Я приоткрыл дверцу. Паулина села - не без колебаний и притом обойдя машину сзади (одностороннее движение).

- Ну, здравствуйте.

В меру своих еврейских возможностей я старался валять ваньку в идеалах "Мосфильма", имитировал открытый взгляд, свинство манер - все-все, что в совокупности на кино-опыте оборачивается честностью. Можно было еще сказать: даешь 5 (шутка). "Ну,давайте знакомиться, меня зовут Егор Кузмич (шутовство)".

- Ну, здравствуйте, - ответила она. Что ж, вполне осознанно интонирует кино-девушкой, с искоркой, а что размерами малость гуигнгм - так ты сам этого хотел, Жорж Данден. Ибо, хоть "черна я, но красива", как Жорж Дантес, какой-нибудь карликовый прадедушка во мне по-прежнему сластолюбиво зудит: брунгильдочку, поздоровей да посильней.................... между прочим, запоздалое решение: здорово, коли не шутишь. - О чем вы задумались?

- Я? Ах, Паулина, меня мучает одна мысль. Хотите?

- Да.

Она закурила. Сигарета - это маленький тест, и пускай меня осмеют миллионы - если не людей, то раз - курящая женщина дает больше оснований - и т. д.

- Я перебила вашу мысль.

- Вот именно - мысль. Ее внушил мне один субъект - вы знаете, что значит "субъект"?

- Конечно, - подивился гуигнгм простоте вопроса, - субчик...

- Я был сейчас в гостях у одного такого субчика. Он обозвал меня... - не без смака позволил я себе люфт-паузу, - евреем. Представляете, в Израиле назвать человека евреем.

Что я городил ей потом - несущественно, истина удерживалась в той же пропорции, но для вас, в огне мечты моей живущий читатель, для вас, мой саламандр, я организовал новую потраву чужих огородов. Теперь поозорничаем слева направо.

Вы обращали внимание на то, как отчетливо в масштабе Израиля проявляется картина нравов народов мира, как явственно проецируются на него - крошку Изю - силовые линии, возникающие в клубке расового сцепления человечества? Та национальная рознь, которая в итоге предстает спасительной центростремительностью племен, не давая человечеству распасться в космосе трухлявой звездой - она и у нас в стране служит залогом исполнения обетов, или проще - предохранительным клапаном. Ам Исраэль хай за счет этого. Но если представить себе Израиль отдельным шариком, куда нанесены в миниатюре те же материки, те же государства - филиалы России, Америки, Индии, заселенные израильскими русичами,израильскими англосаксами, израильскими сингхами, повторяющими в общении друг с другом привычную схему сожительства межнационального, то возникает вопрос: что же делало их евреями в метрополиях и что заставляет их при всей их этнической разнородности по сей день выступать на арене международной в столь единообразном качестве - ведь даже на "немой" политической карте Израиль угадывался бы, как угадывается затесавшийся в толпу еврей. Еврейство не есть какая-нибудь определенная черта или совокупность черт, оно - знак нашего смещения,как относительно отдельных на-

родов, так и всего человечества в целом (сдвинулась калька). Ergo, причины, по которым г. Белоцерковский (пульпидная тройка) и р. Бен-Хамму (сломанный штифт) являются евреями, сокрыты не в них, а в тождественности этого смещения. Не будучи типом расовым, еврейский тип вырабатывается всякой нацией самостоятельно - как печенью вырабатывается желчь - и тут am Israel не составляет исключения. Как и прочие отряды землян, этот *ам* нуждается в своих евреях, так сказать, для внутреннего потребления. Впрочем, по имеющимся сведениям, к созданию их уже приступили. Так, с одним из первых, пока еще пробных экземпляров еврея в еврее, доктором Прайсом, вы знакомитесь на страницах этой книги. "Доктор Прайс, не хотите ли вы сказать нашим читателям несколько слов об этом невиданном в истории человечества эксперименте?" *Д-р Прайс:* "Охотно. Тем более что ваши читатели - это как никак и мои читатели тоже. Слушайте меня, саламандры. Работы по созданию шкатулочного, точнее матрешечного еврейства продвигаются успешно. Мы стоим на пороге массового производства евреев-матрешек. Особенно радует высокое качество продукции, вполне отвечающее уровню мировых стандартов. Не далее как сегодня, двенадцатого тебета, новая модель блестяще выдержала решающее испытание, пройдя курс лечебной гимнастики под руководством заслуженного тренера Иванова. Модели чуть-чуть хочется плакать.......... ....ну вот, и славно поохотились". Я ждал,что скажет Паулина.

- Выходит, там были правы, когда писали, что в Израиле антисемитизм. - Вот что сказала Паулина.

- Видите ли, я не то имел в виду... я думал...

Или черт с ней, с этой вумницей. По ней ведь душевная близость - это сообща мыться в душе... фу, стерто,стерто до дыр... Ничто так не отупляет, как непристойности на голодный желудь... желобок... ("Вот пепельница, зачем же в окно?") голодный желобок. Же. Лобок. Сеньоры - которые прекрасные сеньоры - потерпевший поражение всегда испытывает страшный голод. Голод заполняет все его опустошенное нутро. Ни чувств,ни мыслей больше нет. Я, милые дамы, в силу некоторых жизненных убеждений - почерпнутых отнюдь не из природной немочи - был долго лишен вашего общества. Художник, я пуще огня боялся - воспользуюсь собственной терминологией, отчасти раскрывающей мотивацию - *забвения телом души*. В часы подъема... о! было совсем не страшно и потерпеть. Правда, формально я не стеснял себя никакими запретами, от соблазнов предпочитал избавляться, уступая им, притом с такой поспешностью - для соблазна оскорбительной, что в итоге нечему было уступать. В этом смысле о Паулине Мальчик, касательно ее поведения в сапожной мастерской две недели назад, можно было сказать: вон - выходящая из ряда! Услыша, как Сапожникошвили читает по пегой подошве ее имя, я не утерпел:

- Такой балшой красывый малчик.

Ответом мне было тихое ржанье получательницы.

- Послушайте, - "дерзнул" я,подкупленный еще больше,чем незлобливостью субъектки, косой саженью в плечах, к чему, верно, питал генетическую слабость. - Давайте встретимся?

Не стану утруждать себя воспроизведением нашего глупейшего диалога, единственным стимулом к прочтению которого могло бы быть желание узнать то, что и так известно - достаточно,если вы оцените, в какой день (весьма отдаленный в практике подобных встреч) я решил побаловать себя. Ведь к означенному часу двенадцатого тебета я предполагал уже стать властителем дум - пускай у горстки русичей, которых одних я только и вижу сквозь мглистую "ту-земщину". В этом случае встретиться с Паулиной значило бы снизойти до некоторых человеческих слабостей, а это вовсе не то же, что сорваться в половую горячку, когда ты сломлен, когда никто и ничто тебя не страхует. Разница между первым и вторым, тем, что могло выйти и вышло, такая же, как между выпивкой и запоем.

Но вернемся к................... (точечному) письму, более подобающему................... источенному (кап-кап-кап) временем Прайсу: многовековое воздержание плоти... одному уж не по силам... подержим вместе... Внутренний голос выводил теперь одни лишь контрапункты: мужчина небрежно рулит, выпирая локтем и напевая "Капли, капли, капли, дождик..." Его пение совершенно естественно для великанши рядом, которая и сама-то мурлычет: "Руди, Руди, Руди, ры! а по-русски Рыжик..." Ей невдомек, что мужчина про себя пел что-то грубое... "Жлоб о желоб оперся́ и играет желваком (вполне ладовый контрапунктик, надо сказать),ой,ладушки ладу, плывет лебедь в трусиках..."

- Вы сегодня какой-то странный.

- Еще бы! Ответьте, только начистоту, хотите по-большому? - "по- взрослому" думал ска... - Ос-торожно! Не ударились? - "Водитель, почувствовавший себе плохо, обязан резко затормозить независимо от показаний дорожных знаков". Царств (Фараонов) § 5.
- Вы сказали, что вы медицинский работник, так?

- Да, я ахот хирургит в гинекологической клинике профессора Прелла... - Неважно, если ответ заранее отпечатанной карточкой хранился у ней в сумочке, копия же - в картотеках брачных контор, "об ентом" (ввести в словарик) мы потолкуем позже.

- Отрадно. В таком случае я выскажусь с гинекологической прямотой, и заметьте: с риском для своей репутации - всегда рискуешь, когда режешь правду-матку (не засмеялась, что ж, острота тоже не моя). Я испытываю нестерпимый половой голод. У меня сто лет не было женщины. Вблизи вас я сплошной половой инстинкт. Я не могу управлять машиной. Дрожу. Вы же ахот...

Лукавые саламандры, наперсницы мои, никакого размягчения мозга у меня не случилось, напротив, одною фразой я - отвел нежелательные подозрения, будто бы вчера выпущен из тюрьмы или диспансера - - намекнул, что в принципе и по закону Моисееву рад, но только чтобы без предварительных условий - - - и даже под конец ухитрился ввернуть магическое для русичей/ек.

- Замуж, - сказал я, - за меня все хотят, а чтобы так встречаться - нет, а я что, я и чтобы замуж не прочь, но чтобы не за деньги, чтобы человека во мне увважжалли, - и смачно заключил:
- Один я, Полька, ох один... (кто б, на каком мосфильме,одолжил пудовый кулачок, чтоб было во что тюкнуться лбом).

Ставлю десять Бродских против одной Галины Гениальной: ее ответ не сумела бы вычислить ни одна ЭВМ, поэтому читателю не очень следует сокрушаться о свою несообразительность (время,отпущенное на обдумывание выражается пространственно:

).

- А чью босоножку вы тогда отдавали в ремонт?

- Полина! Заклинаю вас... если мне удастся доказать вам - и убедить вас! - что та, чью босу ножку вы видали, не в состоянии решить мои проблемы, вы... вы поступите со мной, как велит вам женская и медицинская совесть?

- Я не знаю, я должна подумать. (Конечно, деточка,дело серьезное.)

- Я вверяю себя вам, Паулина. (Порукой же мне будет твоя честь, мой широкоплечий рыцарь.)

Идентификация хрустального башмачка. Секретарше:

- Подтвердите моей жене, что это ваши онучи я носил в починку! Я не желаю из-за вас семью рушить... - В таких обстоятельствах шляпе позволительно и упасть на стол, прямо на священные бумажки, скажем, опрокинув стаканчик с ножничками и ножичками, - а если те в ответ изорвут ее, искромсают, то будем считать ее цилиндром г. Шарлюса. До чего мучительное наблюдение... я ведь вообще люблю облизывать воспаленные места - но этого места мы еще коснемся. - Как! Молчите? Ей-богу, вы хотите, чтоб я применил электрошок... Сейчас же покажите туфлю. Что,узнаешь? - спросил я у Паулины, беря четырьмя пальцами - не в щепоть, а обеими руками - доказательство своей супружеской верности. - Надеюсь, к этому сушеному крокодилу ты не станешь меня ревновать.

Мы дробно отстучали с Паулиной два марша вниз - ровно столько, чтобы с верхней площадки зрителям, случись таковые, ничего не было видно.

- Разве можно так...

- Молчи и дай губы. - Фраза переводная,с французского. И не потому, что чувственные токи предполагалось будить в ней посредством шаблонных оборотов,делавших желание менее предосудительным, но не менее волнующим - отнюдь не к ней,к себе адресовался я, говоря так,ведь куда сладостней падение полное,когда забвение нравственное сочетается с забвением культуры... забвением культуры... Ничто не пробуждает во мне дурной крови так,как явление дурного вкуса. О чита, у меня есть чудо-словарик с веселым и точным названием, и содержащееся в нем, если только влагается воображением в девичьи уста, в тысячу раз эффективней любого порнографического снимка... но, чита! - ладно, не буду уж больше звать вас уменьшительным именем, хотя вот опять вы ошиблись, читатель, теперь насчет моего словарика. Со временем вы поймете свою ошибку. И - поскольку уж я отвлекся - хочется мне оправдаться заодно и за свою Паулину Мальчик, объяснить плюшевую ее покладистость не беспомощностью своего пера, неспособного к писанию выпуклых образов... ого! еще как способно... но слепым, ничего не замечающим

эгоизмом доктора Прайса - посему мы обречены на сказ-фантомас с его фантомами вместо живых фигур, такова сэ ля... (в словарик! совершенно великолепный экземпляр!).

"Ну вот",думает другой читатель,покуда первая чита (ой!..) вчитывается в наши увертки - как сказано: ремесло писателя состоит в умении заметать следы - "ну вот, свинство", думает другой, "в самый такой момент, когда полез к бабе под юбку,нас поворотил спиной".

- Ой, зачем вы треплетесь... (Подразумевалась прическа.)

- Это я так веселюсь... у меня праздник сегодня... ну,сколько раз выжмусь? - я взялся обеими руками за поля шляпы. - Ну,наклонитесь же - вы, принцесса, живущая высо́ко. - И опять гуигнгм добродушно заржал, должно быть, рефлекс.

- Да, праздник, - продолжал я уже в машине, глядя, как она усаживается на пачку сигарет, выпавшую из меня, пока я открывал ей изнутри дверь. - Сегодня, в двенадцатый день тебета мне исполняется тридцать лет.

- Да? Ну так я вас...

"Поздравляю", мысленно и не совсем точно упредил я лексический ход событий.

- ...понимаю. Вот почему вы сегодня такой, все шутите.

- Да... тридцать лет... земную жизнь пройдя до половины...

- А я думала, что вам больше.

Вместо ответа я вполне по-израильски "шумно высосал мясцо из дупла" - цокнул отрицательно.

- Скажите, Паулина, что вы предпочитаете, пойти в ресторан, или отметить эту круглую дату у меня дома?

- Пойти в ресторан. А потом поедем к вам.

- Милая... вы сидите аккурат на сигаретах... не трудитесь, я вытащу сам...

В поисках пачки моя рука протиснулась меж двух седалищ (искусственного и естественного), и, верно, поисками безнадежно сломанной пачки я бы закончил главу, когда - не обстоятельства нового дня. Наутро, сидючи в кровати - интерьер дополним бельевой упряжью на полу - моя Паулина-утолительница вдруг рявкнула: "Что ты?!" Я в это время просматривал газету в ожидании свистка с кухни - умыт, причесан, умащен, не в пример ей, приятное зрелище.

- Все хорошо, прекрасная маркиза, - даже не столько спел, сколько пропищал я, когда она нагишом уже подбегала ко мне с протянутыми ручищами своими.

- Может, тебе прилечь лучше?

- Да нет, с чего ты взяла... ну-ка, почитаем, что тут еще пишут.

Широкое движение, имитирующее переворот страницы,и я вновь, теперь под плач чайника ("Поля, свистит, ты что,не слышишь?"), перечитывал... и вновь, словно площадь в несколько квадратных сантиметров давалась в масштабе бесконечности. К сведению некромантов: Координационное Управление Комиссиями Абсорбции с ужасом извещает о безвременной кончине Льва Иванова (Горнфельда) б. п., главного редактора журнала "Анахну кан",человека с большим сердцем. Вынос тела из больницы "Врата справедливости" в 11 часов. "Уже",подумал я,"однако ж и спаулину мы развели..."

Простившись с Паулиной и условившись о следующем разе,я погрузился в размышления о непостижимости божественного промысла. Наиболее вероятным казалось дорожное происшествие (а то с чего бы ему помирать в иерусалимской больнице?), но могло быть все что угодно, от убийства до самоубийства - что, конечно, очень трудно предположить, равно как и трудно мне было предположить, чтобы моего ровесника свалила какая-то хвороба в считанные часы.

...Голубая змейка, как символ моей науки, вокруг щиколотки с незаживающей ранкой; ее близнятка билась на моем виске в волоске от нее - спортивном, золотом, какие растут на крепкой икре, нет, не идише мэ-э-эйдалах... насмешливо-мэдовый сдвиг век.. нет, шиксэ! (отрывисто! дьяволова бровь!). Конечно, то была Иванова, перечитай их диалог... "Прошу тебя в который раз,сходи к Скуркевичу, эти твои вечные простуды..." "Не смертельно". Его жена. Его вдова. Которая потеряла все.

ЧУДОВИЩЕ

О, ты не знаешь, как месть сладка!..
Опера "Паяцы".

Вы, верно, заметили, вы не могли этого не заметить,если только внимательно читали, что я не сторонник сюрпризов,неподготовленных ходов, мешающих читателю сосредоточиться на тексте и в ущерб высокому наслаждению качеством исполнения лишь разжигающих сомнительного качества любопытство. Вообще-то это вопрос философский - затрагивающий процессуальное и результативное в их соотношении - а также нравственный, поелику указанные понятия на языке этики суть понятия средства и цели. Другое дело, что нас сейчас это не интересует, а хотели бы мы знать совсем другое: до какой степени - и в какой степени - читатель правильно себе представляет дальнейшее развитие событий. Мы, со своей стороны, честно следовали традиции, ведущей свое начало от дионисий и.сохраняющейся по сей день разве что в оперных программках в виде сжатого пересказа либретто. Если же иной читатель этого не заметил, то нашей вины тут нет.

По истечении какого-то срока с момента, которым завершилась предыдущая глава - не сменился год, но сменилось его время - в газетном объявлении с фантастической *опечуткой* в слове "одаренный" сообщалось о вечере памяти Льва Горнфельда (Иванова). Я нацепил фальшивую бороду, надел зеленый армейский парик и отправился на встречу с духом... вру, но не очень: я изображал мелуимника, прямо с передовой примчавшегося послушать глас "певца за сценой" (анонсировалась звукозапись). К защитным свойствам униформы я прибегнул, еще не имея никаких твердых планов,просто из нежелания, чтобы кой-кому на меня насмешливо указали пальцем. Не так давно секретарша из какого-то там "обозрения" - вид с минарета? - не хочу помнить! - только полез я со своей рукописью, сказала мне:

- А-а, вы тот самый, который про педиков пишет, у вас еще изумрудный "Плимут"?

- Цвета неочищенного изумруда, мадам. - И, переждав немой вопрос: - Он, видите ли,еще не очищен от жабы.

Саламандры, вы все знаете! Когда уже закончится эта игра в жмурки? Но хоть не прежде, чем я отправлюсь вслед Иванову? Кстати, из некрологов я узнал, что своим транспортом он избрал кровоизлияние в мозг. Как представитель транспортной фирмы заявляю: лучший способ сообщения с лучшим миром. Вот выдержка из рекламного проспекта, сымпровизированного доктором Прайсом: *Летальный исход при гнездном поражении мозговой деятельности. Мозговой инсульт.* Проследим картину болезни на примере некоего лица,условно скажем, Иванова - не правда ли, скорей смахивает на окончание какой-то другой фамилии, и ничто не препятствует воображению уширить ***иванова до Селиванова, Диванова, а то как пирог без начинки. Но, по крайней мере, хоть теперь мозг его начинен. Диагноз: apoplexia sanguinea - излитие массы крови под оболочку головного мозга в результате оторвавшегося тромба. Симптомы: временная потеря сознания, частичный паралич чувствительных и двигательных нервов. Как побочное явление, неконтролируемая дефекация. Всякий раз, когда лик ***иванова каменеет,присутствующие уже знают в чем дело. Безобразный страх терзает умирающего, что нередко ведет к инфаркту или умопомешательству. Обливаясь холодным потом, ***иванов ни на секунду не перестает шевелить теми частями тела, которые сохранили свою подвижность - все проверяет и проверяет их дееспособность. О, как мешает при этом простыня, сползающая липкая простыня... Аллегорические головные шарики выросли до размера биллиардных шаров, и со страшным стуком кто-то гоняет их по всему черепу красным кием. Перед рассветом, проведя ночь без сна или в лучшем случае забывшись на часок,Иванов умирает. Не смерть, а мечта.

Предварительно пристрелявшись из надежного укрытия к стулу под надежной вуалеткой, я захватил его с быстротой, до известной степени оправдывавшей незаконное ношение формы - не так, не так мыслил я свое появление в литературных салунах.

На эстраду взошло шесть человек медиумов с вытянутыми физиономиями. Их безмолвный транс только изредка нарушался изъявлениями какой-то нечеловеческой заботливости по отношению друг к другу. "Вот стул, Нат, не упадите, он качается". "Спасибо, Борис Блондинович. Тут край, вы, пожалйста, крепче держитесь" (конечно же,"Владимович"). "Илья, я подержу твой портфель". "Не надо, я уже открыл замок".

Без объявления номера Вера Гринкарт пропела в низком регистре свое уникальное "Идут по пляжу три еврея" - с лермонтовским эпиграфом. Я узнал Гениальную по частым фотографиям на страницах русской периодики, где с *неизбывной* задумчивостью она подпирала то висок, то щеку, то подбородник (честное слово,следующую главу возьму и тоже подопру чем-нибудь из Михаила Юрьевича).

Поэтесса кончила, свет чуть прибрали, начался сеанс. После нескольких досадных неудач - магнитофон включали одновременно шестеро - голос за кадром произнес: "Мы сошлись днесь здесь, чтобы..." Это была записссь доклада Иванова, посвященного, очевидно,

проблемам ихтиозаврии - все тот же Левиафан,печально крутя головой, плавал в ледяных водах Коцита. Про себя - не без удовольствия - я отмечал стремление докладчика постоянно что-либо привносить и чему-либо подпадать (дать-тельный). Еще он уважал противительный - не "а",но "но". Под конец выступления к привязанностям этим прибавилась новая - слово "воля" во всех его трансвыкрутациях: своеволие,волеизъявление,просто вольность, покой и воля, воля и представление,мелькнули и скрылись вольнонаемные большевизма (о "новой вольной"*) - в итоге я вволю наглотался слез, в особенности на заключительном пассаже оратора,когда сразу после слов "но уж это увольте - слуга покорный" вдруг заиграла веселенькая попмузычка и медиумы долго не могли с нею совладать.

Засим состоялось некое подобие монтажа, вы на своих линейках это и сами часто устраиваете, саламандрики: кто-то из участников говорит что-то и как бы роняет знамя, другой подхватывает и т. д. Покуда говорит один, лица пяти... по тому, как каменеют они, как сосредоточены... мы в недоумении, боязно подумать... возможно ли, чтобы сразу пять лужиц? Или это морок, мираж автомобилиста?

Рассказывает Нат, тот самый, под которым качается стул:

- Собрались гости. Ждали только Льва. Все шутили: "Заработался Лева". (Действительно смешно.) Но никто не сердился. Знали: дел у него невпроворот. А еще до Эль-Кудса надо добраться, как он всегда в шутку величал Иерусалим. (Черт побери! Я б тоже, может, пошутил, будь я с ними - за минуту до звонка я бы сказал: "Ах, этот Лева, его только за смертью посылать...") Вдруг телефон, слышим - Лева в "Шаарей Цедек". Надежды нет. Еще не верим. Еще звенят в ушах его смех и шут... (В каком именно, Нат - быстро загадай желание.)

Галина Гениальная: "Ах,зачем эта ночь так была хороша,не болела бы грудь, не страдала душа". Лев любил эти строки. Еще он любил Киркегора, Рильке, Платона, "Роллингстоунс". Настольной его книгой являлась "Игра в бисер" Германа Гессе.

Пожилой господин: Кхе-кхе, их-хо! Мне так и не посчастливилось лично знать Льва Ива̊нова. Но помню, как потрясло меня его открытое письмо некоему Иванóву, редактору юдофобского журнальчика "Се Он" в Буэнос-Айросе. "Кто он, кто автор?" - спрашивал я себя восхищенно. И вот я уже в Тель-Авиве. Вхожу в дом тридцать пять, что на улице Фошкин (мерси, пригодится). Дверь открывает стройная молодая женщина в черном...

Тут, как по команде, захрустели шеи, и головы все повернулись. Я тоже украдкой выпростал свою из невода занавеси - стул под вуалеткой - нет, не узнал бы... (Но ведь и она бы меня не узнала... доннер веттер!!) Если мне не изменяет память - а она мне не изменяет, - то Фошкин же и сказал: внимание женщины есть конечная цель всех наших усилий (из письма к Вяземскому). Так какова ж она, та, в чью честь Иванов совершил столько натужных и, следственно, роковых для своей апоплексической натуры усилий? В горе ли она, в театре ли? Сушит ли свои перси на огне Весты (атанде, цитата) или втайне озабочена приисканием себе нового столпа взамен оплаканного хладного, à propos, вдовий плач,вклю-

*Вольный перевод.

чающий элементы публичной некрофилии,подробно описан Рубинштейном в его книге "Неолит сегодня" - см. S. Rubinstein "Neolithic today" и в частности главу "Иованка оплакивает Хераска", где в виду всего честного племени "вдова нежно прощается с теми частями умершего супруга, по которым,кроме нее,никто не вправе горевать". К сожалению, моноглотам придется удовлетворяться картинками, рисованными их собственной фантазией (да сбиранием,как притворных слезок в ладошку, жемчужин отечественного промысла: порок и смерть язвят единым жалом - у меня вообще в последнее время полные пригоршни кончеевских строк). Я, конечно, ничего конкретного не имею отнести на счет того или иного индивидуума в зале, хотя вслушайтесь в это "уу", в этот пещерный вой, разом вымарывающий из истории пять тысяч цивилизованных лет,в особенности это касается индивидуууууумов, приобщенных к цивилизации волоком в последнее ее тысячелетие,а до того колядовавших даждьбогу.

- А помнишь, Илья, это было, наверно, на второй день по приезду(уу!), Лева подошел на улице к шотэру и поцеловал его?

- А помните, Борис Владикович, как он потом ходил и все дурачился, все дурачился, приговаривая: "Ну и делов, моя полиция и меня же бережет..."

Я заинтересовался; почитатели, стремясь к большей непринужденности, стали декорировать свои реплики вопросительной заставкой, но при этом незаметно сбились на самообслуживание, когда сам спрашиваешь, сам же отвечаешь.

- А помните, Нат, как Лева идет, олимовской книжицей помахивает, увидал каких-то русских и спрашивает: "Ну,где у вас тут сохнут?" Ха-ха-ха... Их-хо!

Нату бы ответить: ну как же, отлично помню,я же сам вам это третьего дня рассказывал... Только куда ему, Нату-простоте, он, знай, тянет: "Да-а..."

- А помните, ребята, как Левка всегда говорил "кипка", - встряла Гениальная зайцем - не в свой черед.

- Да-а-а, - вновь протянул Нат - с каким-то удивлением, не то загримированный укор Гениальной, не то и впрямь был прост: то-то его "да" на "эхма" больно смахивало, и вообще его - вполне секуляризованному, впрочем - лбу не хватало разве лишь этакой по-шоферски заломленной кипки. - А помнишь ли,Вера... - Тут он рассказал, как Иванов захватил террориста, случай почти правдоподобный. Резервист Иванов охлопывает детей Измаила, идущих через мост Алленби. У одного измаилыча пачка "Тайма" показалась ему увесистой. Без лишних слов он высыпает сигареты и находит... жетон с эмблемой "Фатха". "Рахманут, рахманут!" - вскричал досматриваемый, падая на колени.

Вот теперь была очередь Гениальной, я уже усвоил правило. "А помнишь, Лео..." - говорит Гениальная - это значит, что следующим заговорит Лео. Так неужели же никто?.. Я обернулся на безмолвные гряды - нет, никто. Ряды овощей доверчиво внимали этому испорченному телефону.

А сейчас, саламандра, я покажу тебе,что такое идиотизм божьей милостью. Перед самым концом задули свет, только узкий луч проектора уперся в стену, или, воспользуюсь терминологией об-

стоятельств, в задник. Слышна возня, напоминающая шум борьбы, потом все стихло. В круглом срезе луча, не сразу нащупавшем нужное место, гуляют частички интерьера. И голос,сдавленный микрофоном в глас, рек:

- В сегодняшнем вечере участвовали...

В дрожащую на стене фишку въехала огромная красногривая морда и ощеренно мотнулась вправо, на невидимку - такое домашнее "Метро Голдвин Меир", или...

- Лео Кислик...

За ним следом в нимб просунулась маска-тройка: очки, нос,ус - впрочем, лоб, кажется, тоже был картонный, крытый мочалой.

- Зеев Моргалис...

Зеев Моргалис экспонировался долго, держался как изваянный и только часто мигал.

- Вера Гринкарт...

Подали на блюде голову Гениальной. Нездешний ужас исказил прелестные черты,рот отверст в предсмертном кличе-судороге,обычный колтун преобразился в оживший змеюшник, вылезшие из орбит глаза по-рубенсовски повернулись зрачками долу...

Потом получилось два конфуза кряду.

- Борис Бронхман...

Пусто в иллюминаторе.

- Борис Бронхман...

И вдруг пожилой господин, тот который их-хо - с расплывчатым отчеством, запрыгал мальчонкой, пытающимся разглядеть что-то из-за спин взрослых. И сколько раз удавалось ему это, столько раз из наполненной светом лунки выныривала физиономия старого малого, глазами кричавшего: "И я, и я, тятенька!" Но до чего серьезный подобрался народ, даже попрыгуля не насмешил.

Не больше повезло в этом смысле и участникам парной клоунады, выступавшим следом. То ли впав в детство,подобно Бронхману, то ли вообразив, что отныне все позволено, в том числе и безобразничать, Илья и Нат с двух сторон одновременно метнулись в светящийся пятачок и, как следует боднувшись, застыли: ни дать ни взять два оторопелых барана на мосту. Диктору ничего другого не оставалось, как представить их обоих разом:

- Илиягу Козловский и Нафтали Кайфман (бывают же друзья,что водой не разольешь)...

Музыка - туш! В лучах проекторов Лев Иванов-Горнфельд. Увы, в фотографическом портрете, сохранившем нам ржатлеемую оболочку этого человека, все меньше и меньше оставалось сходства с оригиналом в его нынешнем, так сказать, состоянии. Я уже подумывал удалиться на циничках (циничные цыпочки) при всеобщем скорбном молчании - хотя, если быть правдивым до конца, не всеобщем, отдельные, лишенные сердечной чуткости души попробовали выразить охватившее их чувство хлопками, что на деле явилось проявлением чувства куда более мелкого, скорее желанием поощрить задумку с волшебным фонариком, как бы представлявшую покойника живым среди живых (что было красиво), даже символизировавшую, возможно, его зачисление в списки данного литературного полка навечно, но - все же неуместность этих аплодисментов была столь очевидна, что они пресеклись сами собой, без дополнительного ошикивания.

Однако не к месту захлопавший уже не станет реветь "браво", даже когда это позволительно. Профан, он себя выдал и тем самым выбыл из состава ценителей. Если к тому же он гордец,то ему остается только уценить все увиденное и услышанное и - механически очутиться в лагере доктора Прайса. В противном случае чем еще я могу объяснить столь возросшее число единомышленников к концу этого вечера: едва я успел подумать о циничных тапочках (обувь для покидающих собрание наперекор всеобщему энтузиазму),как все старушки разом повставали с насиженных за три часа мест. Я думал уйти быстро и незаметно, как пришел - но бабки этому воспрепятствовали, ровно в той мере, в какой вообще старость может воспрепятствовать порывам мо́лодежи - оттого-то и возникло это дикое ударение... и, кстати сказать, характеристика собравшихся как "сплошь бабусь" верна на 80%... да - так отчего сместилось ударение: мешают "мо́лодежь" и "молодость"... а вот отчего пустился я вдруг в филологические изыскания - вот интересно... и напустил уже мушиного помёту... точечного письма... бабуси-ягуси все спутали. И сам того не ожидая, очутился я из-за них позади двух дам, одна была пониже ростом и пополней, сквозившая сквозь газовую блузку тушка ее казалась, благодаря туго перекрещивающимся на спине телесного цвета бретелькам,стеганой и снутри вроде как подбитой ватой: дескать, тепленько мне; другая,высокая, в простом черном платье с сильно выступавшей во всю длину позвоночника молнией говорила ей:

- А чего это так быстро свернули? (Москвичка и русская, она говорила: А чиоэт быстра свернули?)

Я описал языком кружок во рту, облизнул десна - движение, в моем случае говорящее об известной работе мысли, и вывел - беснуясь глазами: счастливые часов не наблюдают. (Или она ожидала, что чествовать ее будут до самого утра?) Не полагаясь на хваленую мимикрию своего армейского платья, я постарался их не обгонять.

"*Глумление*. Психологический термин, обозначающий род оборонительной тактики... Безостановочное глумление есть верный признак слабости... Вложенные в уста отрицательного персонажа или группы таких персонажей глумливые речи широко используются современными писателями в целях косвенной характеристики того или иного положительного, по их мнению, явления... Тонкий писатель хорошо знает, что глумливый образ мысли почти никогда не выдает злодея, но всегда человека беспомощного..." (Д-р Ирма Люге "Психология современного искусства". Пер. с нем. СПб. 2***г.)

Каков доктор Люге! Как бобика уделал доктора Прайса (конечно, и "бобик" и "уделал" тоже просятся в словарик,только не мой, другого лексикографа). Безостановочное глумление есть верный признак слабости... Безостановочное глумление... Безостановочное... это стало моим *кошмаром*, я просто не в силах остановиться... Пожалейте меня, люди добрые... Я добрый человек с душевным надломом... Сдавивши лобную кость, я мечусь по бедно (богато) обставленной комнате, и звук не вполне оправданного падения стула действует мне на нервы... Следующий кадр: из зеркала на тебя глядят два страшных глаза, большой и указательный пальцы, оттягивая нижние веки, медленно стекают по щекам, по́ходя ладонь при-

хватывает и нижнюю губу - Боже! и этот человек когда-то звался Леонтьем Прайсом! Или: разве мама такого любила... Читатель! Дарите ли вы меня своим прощением? Пониманием!!! Ох-хо-хо (винюсь, не смог подавить зевоты). Так вот - доходчивости ради стилизую хама - *нэ трэба*. Я из региона - эль где-то гу́лит - чтущих послеобеденный сон. Я из легиона (гуля воротилась) прошитых от головы до пят жирными красными нитками - что с того, что иногда шалю да дурачусь, как еще развеять *непритворной скуки сплин* ^^--^^^-. Нет-нет, мой глум на голову здоров, обходится без заламывания себе рук, он весельчак и большой любитель поболтать ногами над Аму-Дарьялом - будь то прорва, будь то речка, ему неважно. Но когда меня - и это прошу заметить и запомнить - кусает блоха, я, не считаясь с тем, сколь она ничтожна, произвожу некоторым образом шщел!чок... неудачный пример, в жизни не кусали... Но - прошу заметить и запомнить - покусавшего меня комарика могу в ярости гонять по комнате, покуда не прикончу - метко! тап-ком! (И ведь если удерет, засну неудовлетворенный.) Почему-то мне кажется, что вы, всерьез следуя совету присяжного юмориста "не верить глазам своим", не верите моему Леонтию и, чем принимать его таким, каков он есть, "провидите" за всем за этим существование некоей личности, Леонтия II, стремящегося посредством литературного рычага II рода внушить вам, благосклонным, отвращение к Леонтию первому - через его же собственные словеса. К примеру: не прочитав ни слова из написанного мной, вы стопроцентно убеждены в безосновательности моих писательских амбиций - это если выражаться в вежливой форме, а если проще, то просто человек дрянцо, к тому же страдающий мания грандиоза. О человеке, впрочем, не спорю, тут уж с кем поведешься, но что до всего остального - рэбойно шелойлом! (Иисусе Спасителю! - смею кощунственно переложить.) Словом, позвольте дать совет: если вам и кажется порой, что в клетке с надписью "Слон" сидит буйвол, поверьте писавшему - ему видней. И когда раз с нечаянной интонацией я обмолвился: дескать, я правду тоже знаю (стр. 15, дурацкое место), я имел в виду только, что идиот Иванов никогда не возьмет моих церасов и я, не-идиот, это хорошо знаю.

А теперь вернемся к комарику, на которого уже упала тень от моего тапка, вобрав при этом его собственную - и, кстати, всегда предательски отличающую его от ложной мишени, неживой соринки, что за неимением ножек сливается с пятнышком своей тени - комарик же никогда не сливается; хотя гораздо эффективней тапка - который скорее есть красочная иллюстрация моей ярости - бьет по злодею большая подушка; несколько сложней, зато гигиеничней, загнать его в синусоиду занавески и выкрутить ее затем. Короче, есть много способов войти в соприкосновение с Юлией Ивановой.

В одном из моих текстов говорится о врушке пустого завирушничества - я люблю таких. К чему это я? Да сам не знаю.

Один день у меня ушел на приготовления. Невидимо эскортируя ее до места работы и назад, я установил, что передвигается она исключительно общественным транспортом - "да-ро-гай длинною" (хоть и без пересадок, а то бы я упустил ее из виду) - и что кроме меня ее особой никто не интересуется; так, на 105 страни-

це мне пришлось прервать чтение "Соборян",как раз на слове "повесили бы" ("В Англии вас за это повесили бы"), и украдкой скатиться на четыре дома вперед (Фошкин 43), куда моей поднадзорной вдруг вздумалось направиться, но только она поднесла руку к "интеркому", как в дверях показалась Стеганая спинка,вся в слюдяной корочке принарядившейся куда-то нищенки, и после двух минут не представляющего трудности для воображения разговора моя ушла назад ни с чем.

Решив, что виденного вполне достаточно и передвижение слюдяных звезд что-то да сулит мне, я укатил домой. Спать. (Но при выезде на автостраду, на долгом светофоре, еще раз проверил наличие в кармане бумажных орденков с эмблемой "Вицо", оптом приобретенных - для всей семьи - у какой-то уличной активистки с лицом барыньки и руками удалившейся от дел прачки - что не только характерно для деятельниц этой однополой корпорации,но и симпатично в них.)

С наступлением утра началась атака,конница Мюрата... В 7.55 я начал обнос вицовскими облатками жильцов верхних этажей, сбывая свой товар по себестоимости и наклеивая на дверные косяки бумажные ярлычки в знак совершенного побора. В одной квартире - из-за неотпертой двери - сонный женский голос до моего сведения довел, что я нахал. Я этого не оспаривал; к тому же мне почудился румынский акцент, что всегда чревато для мошенников разоблачением. (Так и остался этот дверной косяк негашеным.) В 8.08, уже с полным карманом мелочи, я пребольно надавил на кнопочку ее звонка. От сильного волнения лицо мое обрело обморочную неподвижность, веки томно вытянулись, застив взгляд ресницами,что придало мне сходство с героем постановки птах-тыквского театра на идиш "Ви эфотзих фархартавет штол". Возможно, при этом надень я свитерок и сандалики, сходство было б еще разительней, а решение поставленной задачи значительно упростилось бы, но мне с моим масимализмом - все или никогда! - даже мысль подобная могла явиться разве что парафраза ради: вы нас беленькими полюбите, а черненькими нас всякий полюбит.

- Шалём (с французским пузырьком'ме в конце).

По-советски твердо: - Шалом.

Ну так я с твердостью старого билуйца: - Тыслыхылы, аны ми "Вицо"...

- Ма еш? (Мол, чего надо?)

- О, вы, кажется, говорите по-русски?

- Ну...

- Я по поручению "Вицо". "Вицо" приступило к сбору пожертвований во вновь учрежденный фонд "Эзрат альманот" то есть "Помощь вдовам" - всего две лиры.

От такой чудовищной наглости она теряется, и только машинерия нервов срабатывает с безотказной четкостью. Потупившись, очень сухо:

- У меня нет времени.

- Постойте, это поправимо... у вас может не быть времени - конечно, вы спешите на службу... у вас может не оказаться лишних двух лир... две лиры - это проезд в автобусе. Вы отдадите их мне, и потом вам придется разменивать у шофера бумажную ку-

пюру... э... э... что создаст затор при посадке (на всякий случай я придерживал дверь ногой). Но, повторяю, это легко поправимо. Я охотно подброшу вас... в переносном то есть смысле... вам куда, в центр? (Уж я-то знал, куда ей.) Зато вы пожертвуете тем самым... двойным дублоном, который приберегли для ...нашего эгедского харона. (Как я многословен, как я волнуюсь.) Как вам эта идея?

Она смягчилась, сходила за сумочкой. Они, безлошадные, всегда мягчают, когда доходит до тремпа.

- А взамен вот эту мезузу я вам наклею... - Пауза, облатка розовая сохнет на воспаленном языке. - ...вот сюда, рядышком с железной.

- А деньги?

- Ах да, я совсем и забыл про дублон. Благодарю вас от имени вдов (так!). Так я вас жду.

- Сейчас, я только допью кофе. Проходите. (Что ж, пройду.) Хотите кофе?

- Не пью кофе, спасибо.

- Вообще?

- Вообще.

- Тогда чаю?

- Нет, и чаю не хочу. Вот если б можно было стакан холодной воды... ледяной... в горле пересохло.

И как единым духом осушил я стакан, так же единым духом избавлюсь я и от скучной обязанности описывать ее: маруська. Они делятся на дунек, марусек и наташ; так вот, это была маруська - зла, костиста и порочна, впрочем, третье Ближний восток из них выпаривает.

- Ну, я готова, поехали, раз вы такой добрый.

Я предвкушал ее знакомство с моей красавицей. Когда я указал ей на нее - "сюда пожалте", - она сделала так: ротик набок, носик набок и свободной ноздрей выпустила пар:

- Фф... "Понтиак" - понт в условиях Израиля. (Я не скрыл улыбки, на сей раз искренней - от каламбура шел трупный запах.) Вы что, - продолжала она, - "чио", оле из Америки?

- Нет, я оле лукойе, чародей. Свой скромный "Плимут" превратил в "Понтиак".

Зная, как не к месту многие женщины любят закуривать - подчеркиваю, закуривать, а не курить - да и иные хлипкие мужи тоже, я предложил своей пассажирке тонкую чернокожую сигарету, при этом выдвинув пепельницу движением до того церемонным - чаепитие с отставленным мизинчиком - что не воспользоваться ею лицу, усвоившему замашки русского манерного варварства, мнительного как сто горбунов - уже невозможно было. Это не помешало ей в остальном по-прежнему держаться роли "ожесточившегося сердца", каковую, по-видимому, для себя раз и навсегда избрала, понимая ее как беспрерывную цепь произносимых и совершаемых бестактностей. Не всякая предложенная сигарета нуждается в слове "спасибо", как не всякое "спасибо" нуждается в "пожалуйста" - нет, я не про то; я про ее замечание: "Это что же, вам так хорошо в Вицо платят?" Хотя даже и не про это: с высоты своего благополучия Прайс не может чувствовать пущенных в него шпилек. Он про-

стодушен, как богатый турист: "Ну что вы, Вицо же некоммерческое предприятие, я там сотрудничаю на общественных началах..." Но простодушный, он далеко не прост: "Хотя, признаться, не бескорыстно - я слышал, что они бесплатно сватают..." И наконец, он остроумный собеседник, этот Прайс: "Знаете,как говорится,женить бы его, да не на красной девице, а на даме из Вицо". И сразу ясно, что все сказанное шутка, в которой, как в каждой шутке, содержится некоторая доля правды - поди разбери... ("Бога ради, только не в окно, вы прожжете кому-нибудь шину".)

- А вы давно из России? - интересуется она - вопрос скорее рекогносцировочный; правда, под видом попытки придать разговору более невинное направление.

- Гм... да пожалуй. Шесть лет - это как полжизни, если считать, что по-настоящему начинаешь жить с восемнадцати. (А ну-ка, сколько дяде лет?)

- А я уж подумала, что вы из Китая.

- Что вы, я из Ленинграда. Разве я кажусь вам таким старым? - Последнее трудно произнести, не понижая блудопризывно голос. Мне удалось.

- Вы разговариваете так, как будто закончили гимназию в Харбине... и вообще как-то...

- Как-то не похожу на недавнего обладателя "теудат оле", вы это хотите сказать?

- Нет, уже теперь походите.

- Пеня за самонадеянность? Принимаю. - За этим поворотом ей выходить.

- А вот я не принимаю, в этом нет ничего обидного или постыдного.

- Два ноль. Держу пари, что вы посрамите любого,кто вступит с вами в словесный поединок. Я отдаю вам шпагу, сударыня.

- Отдайте ее тому, кто в ней нуждается.

- Вы меня неправильно поняли, шпагу можно отдать только победителю. Она отдается не из милости, а по необходимости.

- Ну тогда приберегите ее для других необходимостей.

- Что приберечь?

- Ну, эту вашу... шпагу.

- Какую шпагу?

Тр-пр, растерялась.

- Ой, я с этими разговорами уже все на свете проехала.

Так уж и все - метров двести, пожалуй.

- Здесь?

- Да, пожалуйста.

- А знаете, если б и меня не ждали уже пациенты,я бы охотно предложил вам прогулять сегодня работу.

- Ну, вот еще.

- А что? Ма еш - как вы изволили меня приветствовать. (Порозовела.) Но,конечно, если вы замужем или помолвлены,я не смею... но если вы, как пушкинская волна, о которой известно, что она гульлива и вольна...

- Не говорите пошлостей. Противно слушать. - Открыла дверцу и выпростала одну ногу - с оцарапанной лодыжкой; если б она знала, с какого расстояния я уже видел эту ссадинку,как ползал во-

круг нее, и голос этот тоже слышал... Ну, говори же, решайся... я приказываю, именем саламандров. Трудно сказать, магнетическая ли сила моих заклинаний в последний момент подействовала, или оправдался мой изначальный расчет, но...

- Так знайте же, - сказала она - до того исступленно, словно предстояло, по меньшей мере, публичное исповедание гонимой веры со всеми вытекающими отсюда последствиями. - Я вдова человека по имени Лев Иванов-Горнфельд. Спасибо, что подвезли. - И, гордая, удалилась.

Я еще постоял немного, на тот случай, если она обернется - чтобы видела пригвожденную к месту машину. Как, однако,все здорово вышло. Нет, в умении спланировать ситуацию мне нельзя отказать, как и в умении сыграть на человеческой слабости. Не зная, какими бы словами еще поощрить себя, я наподобие четок стал перебирать свои *карманные деньги*, многажды при этом повторив: "Тут есть дублон старинный... вот он. Нынче вдова мне отдала его... - И снова: - Тут есть дублон старинный, вот он, нынче вдова мне отдала его..."

В это утро я изменил Кончееву с Пушкиным (инцест!).

В этот вечер она была озадачена (и не ври своей Стеганой спинке - приятно) получением письма, к которому прилагалась визитная карточка Л.Прайса, доктора медицины. Письмо, отправленное, как легко догадаться, с нарочным, содержало следующее:

Т.-А. 1. 4.

Г-же Ивановой-Горнфельд

Надо ли говорить, что несчастный случай, слепым орудием которого я послужил,удручил меня без всякой меры. Сознаюсь, я позволил этому содружеству скучающих тетушек завлечь себя исключительно потому, что битье баклуш в благотворительной форме счел наиболее естественным для своего, граничащего с барством, времяпровождения - признание, не делающее мне чести, не правда ли? Итак, я поплатился за свой снобизм: угрызения совести - наказание куда более суровое, чем это могут представить себе иные циники или не ведающие за собой грехов святоши; молю Бога, чтоб вы оказались не из их числа. Как видите, впридачу к тому, что я сноб, я еще и эгоист: прекрасно понимая, что тем самым причиняю вам дополнительную боль, я все же осмеливаюсь спросить у вас: отпущен мне мой грех (невольный!) или нет - ведь делать из этого тайну от меня уже само по себе есть наказание. Оно предусмотрено? Если нет, то что вам стоит снять трубку и набрать номер моего телефона. Только не подумайте, что я навязываю вам разговор, вероятно для вас тягостный. К вашим услугам будет безответный механизм - диктофон, установленный в моем кабинете. И скажете вы лишь то, что вам угодно будет сказать, ни слова больше...

В эту ночь я развлекался с Шодерло де Локло. И между прочим, по сѐкрету, будущим прайсоведам: письмо датировано неверно, оно

писалось днем раньше,но - что является лучшей аттестацией прагматиста Прайса - опущено было мною в ее почтовый ящик без каких-либо исправлений в тексте.

"Доктор, я сломала передний зуб, можно ли его склеить? Если да, мой телефон шестьсот три пятьсот семь, рехов Соколов, пять на три. Яффа Мехис".

"Доктор, запишите, пожалуйста, на прием. Черняховского три, телефон двадцать три пятнадцать восемнадцать. Шалом Гросфатер".

"Шалом. (По-русски.) У меня есть схуеты, так как я до трех лет в стране. Принимаете ли вы со схуетами? Нужна ли справка от мехиса? Скажите, что еще нужно? Все это скажите семье Чериковер, чтоб передали мне или ихнему соседу Чорфесу Мише. Шалом".

"Да, вот телефон: двадцать два два нуля пятнадцать. Орлова пять, третий этаж. (А знаете ли вы, саламандры, что этого человека я буду лечить бесплатно?)"

"Это я... (пауза, в которую можно провалиться с головой) ну, что я могу сказать... (далее паузки помелководней.) Я не хочу, чтоб вы себя все время обвиняли в чем-то таком... если это все правда, что вы писали. Вы же не знали ничего. Вы вообще тоже странный человек. (Ол-ля-ля, в мой актив.) Другому бы даже извиниться в голову не пришло. Он-то тут при чем. Это я сама виновата... не сдержалась. А вы что... не принимайте близко к сердцу. В общем, будьте счастливы... И знаете еще что, не очень бахвальтесь своими деньгами, не нужно это никому..."

"Мир и благословение. Доктору Прайсу. Я не смогу прийти завтра. Прошу перенести меня на какой-ниубдь другой день. Рабби Бен-Хамму, улица Вавилонского Талмуда, без номера, звонить..."

Так. Значит, советуете мне не очень выставлять напоказ свои денежки, говорите, что пересолил? Не думаю - хотя в душе я расстроился из-за того, что, может, и в самом деле пересолил, хоть и справедливо утешал себя - вновь и вновь прослушивая эту лирическую интермедь - ею и утешался, находя в лиризме ее - нет-нет, действительно справедливо - интимно-дательный залог - пускай даже причастный к некоторой противительности - и даже хорошо, что причастный, потому как поначалу дóлжно противиться - но,заметьте (возвращаясь в мир сложной подчиненности), абонентке я ведь ничего не предлагал, никаких денег не обещал, а она уже сама говорит, первая, что не нужно это никому, значит все же мысль была, может даже и к Стеганой спинке ходила за советом. Отмотаемка чуть-чуть. "В общем, будьте счастливы... И знаете еще что: не очень бахвальтесь своими деньгами, не нужно это никому..." Разрази меня гром, если за этим не следовало "кроме меня" и просто чертов Хамму-рабби с Вавилонской улицы каким-то чудом влез прежде, чем она кончила. Когда столь решительно отвергают еще не предложенное, я говорю: зелен виноград. Сами посудите, включаю сначала.

"Это я... (С интонацией по ремарке "девушка,преодолев стыд" - и многозначительное молчание.) Ну, что я могу сказать..." Отбросьте "ну", прибавьте другое слово, и у меня уже достаточно оснований ее презреньем наказать. Дальше. "Я не хочу, чтоб вы себя все время обвиняли в чем-то таком". Ну, положим, по отношению к вам, дорогая, "в чем-то таком" мне себя обвинять прежде-

временно, туда же, в область грез отошлем и классическую отговорку "если все это правда, что вы писали", ибо в противном случае выходит, что *я тебя обманул,* только это лучше получается женским голосом: *ты меня обманул,* или даже хором: *он ее обманул,* то есть, повторяю, чистая греза, не более того. Но это еще не все. "Я не хочу, чтобы вы себя..." - не *ее,* не предмет до нее относящийся, а *себя...* И неважно, что́ именно, важен факт хотения чего-то *от Прайса ради самого Прайса* - скажем, под видом заботы обо мне, потому что я хороший: "Другому бы даже извиниться в голову не пришло, он-то тут при чем? Это я сама виновата... не сдержалась..." А знаете, Ю. Иванова, что эта несдержанность вас и погубила. Она многих женщин губила.

Снова включаю аппаратик: "Это я... Большое спасибо за цветы. Только больше не надо этого делать..." А я больше и не собирался, седьмица тайного унижения предстояла ей - по нескольку раз на дню заглядывать в ящичек с анахроническим вкладышем "LEV & JULIA IVANOV (GORNFELD)",а вечерами небрежным пожиманьем плеч удовлетворять любопытство своей приятельницы. К исходу недели обе, должно быть, махнули рукой на "принца Вицо". Зато в последующие несколько дней ей трижды попадался на глаза знакомый "Плимут" - раз на светофоре, прижатый к борту ее автобуса, раз мелькнул в потоке машин, когда она выходила из кино ("Эксодус"),и в третий раз... Но этот эпизод нуждается в более подробном описании.

Я выбрал для стоянки улицу, которую каждый день утром и в четыре с копейками пересекал пешеход Ivanov. Дисциплинированный с детских лет ОРУДом, сказанный пешеход и на сей раз сперва поворотил головку влево, желая "убедиться в отсутствии на проезжей части транспорта", а с середины улицы сделал привычное равнение направо... прямо на гревшийся на солнышке "Плимут", чей хозяин в угловом продмагазинчике одолевал к этому времени уже четвертый по счету бублик.

Воровато осмотревшись по сторонам - я это видел - она подошла к машине: красный магендавид на стекле, возможно еще какие-то приметы - что уж она там для себя заприметила - словом, никаких сомнений насчет принадлежности сверкающего полировкой "Плимута" быть не могло. Оглянувшись еще раз - смею предположить, в поисках подходящего места для засады - она в конце концов решила последовать моему примеру... Так, правильно, сперва надо пересчитать имеющуюся в сумочке наличность. Честно говоря, я не был уверен, что меня станут подкарауливать, просто я бы на ее месте стал - а мой девиз известен: обобщение через самоанализ, то и это - одно и то же; и потом, на веселенький вопрос, побеждает любовь смерть или не побеждает, я, не моргнув глазом, отвечаю: не побеждает, если никто не видит. А Юлию кто видит (деньги пересчитала и опять оглянулась), райская птичка?

- Вы?! - сфальшивили мы в один голос. Хорошо, что я как-то оповестил ее автомобилем, иначе вспышка гордости при внезапном появлении национального буржуа Прайса - и в этот момент все трын-трава,даже "свой интерес" - грозила сорвать мне все планы. Итак: - Вы!? - после чего я по-рыцарски вежливо, но по-мужски решительно взял инициативу в свои руки. Она держалась изо всех

сил, не дерзила, в свою очередь,я старался не очень себя обнаруживать, чтобы не дразнить в ней маруську.

Маленький экскурс в прошлое, "русская старинка": в особах класса "маруська" я всегда возбуждал непреодолимое раздражение, они ж во мне... тоже... иного свойства... так сказать, семейная слабость... род тайного порока, вынуждающего к постоянному ношению бандажа (иносказательно)... бандаж режет (иносказательно).

Тогда, в России, правда была на их стороне, я даже научился кое-как греться в лучиках сощуренных от ненависти глаз. Через этот подростковый мазохизм я едва не "подпал соблазну" другого, уже сугубо мужского греха, о чем непременно расскажу, благо еще раньше обещал, если кто помнит - помните? Тогда еще прихотливое перо вдруг вывело на строке имя сердитого барона Шарлю... я шарлю, ты шарлишь, мы шарлим...

Что говорить, в России сила была на их стороне. Родимая чаяла уберечь меня от их свирепых чар, вырастить мстителя:

Когда сыночек вырастет большой, как его мамочка,
Он станет грозным воином, отмстителем за мамочку...
(*Из текстов Прайса*)

Мечтанья брось. С детства закалявшая мое тельце в ванночке, до краев наполненной проклятиями *им, той,* позднее дежурившая у дверей кино и прочих мест увеселения, новая Фетида повторяла ошибку прежней, разве что, купая сынка, держала его не за пятку... Мама (следует обычное при этих звуках троекратное оттточие)... но даже будь у тебя мой ум,моя хватка,ты все равно осталась бы для меня *кассиршей Броней;* кассирша Броня,существо вполне реальное, продавала билеты в "Спартаке" (после чего толкуй о мистике имен), и в ней я вчуже видел свою мать - в таком же мышином халатике служащей, с тем же кислым паводком на лице; я даже предполагал у них одинаковые цветом и размером бюстгальтеры... Все такое знакомое, наскучившее, славянской бы вольницы!..

Беседуя (насмешливый курсив), вышли мы из лавочки. Коль скоро уж все житейские ситуации, благодарение кино,отстроены и под соответствующей литерой внесены в наши черепные картотеки,я, не мудрствуя лукаво, попросту указал ей на карточку "тремп". Таковая имелась. Затем, как в цирке, достал у нее из-за уха следующую каталожную карточку, "обед в латах" - латы добродетели; на картинке рыцарь и прекрасная дама - он после турнира, судя по костюму, шахматного, она - миловидная служащая в конторе КУКА, Координационное Управление Комиссиями Абсорбции - закусывают в ресторанчике под покровом случая.

- Что до меня, то я чертовски проголодался. Да и вас обличает ваша булка хлеба (купленная ею по той же причине, по которой я умял четыре бублика - цена наблюдательного пункта в булочной для людей щепетильных). Знаете, эти батоны южной выпечки и называть хочется по-южному... А что если на сей раз позволить аппетиту восторжествовать над собой? Я знаю поблизости один французский ресторанчик "Chez Dauphin", что можно перевести как "уда финна" - приют убогого чухонца. И если вы не против...

Тут-то и извлекалась из-за уха картинка соблазнительного - веселым целомудрием своим - столика на двоих; он по-рассеянно-

ти хочет налить ей минеральной воды в полный бокал,она смеется: "Мое стеклышко уже полно".

Разговор скачет енькой - милой и смешной. Моментальные снимки с него:

"Французская кухня - это кухня соусов...

"В лепешку разобьется, а самолет посадит (о летчике)...

"Чипполино? Нет, я обожал Незнайку. Там был шофер Бублик. Нет, вы понимаете, шоферы-то баранку крутят...

"На самом деле все эти "шато" поставляют католические монастыри...

"Открою вам, настоящий мужчина тот, которому идет черный цвет...

"Не только "Незнайку", но и "Приключения Пушкина и двух его друзей" - ничего себе опечаточка, вместо Пушка...

"Эти пра-пра-пра вздумали показать небу непристойную штуку, а наш брат расхлебывай... (О незнании нашим братом иностранных языков, версия столпотворения.)

"Ах, эта эксклюсивная публика... (О еврейском симфоническом оркестре п/у господина, чей первый слог - мета моему рукоделию.)

"А я говорю: кто не любодействовал в сердце своем - скопцы? Следственно, в очах Господних дон Жуан и святой Антоний равны...

"Девиз: самое страшное впереди.

"Страничка логопеда: ладно - гадно, стол - стог, рвать - хвать, руль - и т. д.

"Страничка славы: "В борьбе обретешь ты право свое" (Рихард Зорге).

"С кого смеетесь, господа, с себя смеетесь (Гойголь на биробиджанер сцене)".

Некоторая гастрономическая импотентность шофера Бублика была принята тем более благосклонно,что оба мы работали челюстями за двоих,она за меня над тарелочками, я за нее над словечками. За крем-бруле я поведал ей *Повесть о Капитайкине:*

Капитайкину понадобилась энная сумма для тайных нужд.Он попросил знакомого ссудить его ею,на что тот сказал: обещаю постараться. Так случилось, что власти отменили академическую пошлину, и нужда в деньгах отпала. Тогда Капитайкин звонит к знакомому: "Не надо мне ваших грязных денег", и ударяет за неимением двери трубкой по рычагу. Знакомый не давал повода к такому обращению - виной всему был многолетний театр жизни,навсегда связавший в представлении Капитайкина отказ от денег с образом негодующего героя. К тому же, по Капитайкину, благородный характер негодования сам по себе обличителен для объекта негодования.

Капитайкин всегда ходил легкими путями, хотя этого не сознавал. Как-то при нем кто-то кому-то сказал, что ушел с половины фильма. Капитайкина

это задело крепко. "Легко живете", - подумал он. - "Не понравилось, встали, ушли". И стало ему, тоже смотревшему этот фильм, вдруг досадно, едва ли не до слез.

Вскоре в Израиль приехал тот человек,что собирался - или не собирался - дать Капитайкину взаймы. Узнав об этом, Капитайкин, у которого с именем приезжего до сей поры связывалось какое-то смутно-сладостное воспоминание - что-то насчет собственной неподкупности - стал божиться, что в свое время швырнул ему в лицо пачку денег со словами: подавись ими, я на низость не пойду.

Спору нет, Капитайкин дурак и ничтожество,из тех, кого я называю "бумажными чертиками". Но ведь и он однажды испытал за себя нешуточную боль от мысли, что кто-то другой с легкостью уходит "с половины фильма". И цвет у этой боли был...

К концу притчи я сомлел. Став самоуправляемой,она назло крошечным сверхчеловечкам в моей крови самочинно уподобилась нагорной проповеди. Но тут на помощь мне поспешила Иванова, своеобразно понимавшая свое место во вселенной.

- И вы думаете, мне жаль вашего Капитонкина? (Я не стал поправлять.) Ну ни чуточки. Вылитый Моргалис.

- Простите?

- Ну, есть здесь такой деятель. Горд тем, что работал в... ну, как его, советский журнал на жаргоне... "Ге..." "Ге..."

- "Гефильте фиш".

- Да, что-то (чиотт) похожее. Нытик и полное ничтожество. Чего их жалеть.

Ах, чего их жалеть? Правильно, нечего вас жалеть.

День занимался сладкий - молочный кисель, в котором утонувшая розовая ягода хоть и дала сок, но слишком глубоко, чтобы кисленькие нити могли пробиться сквозь толстый слой ванилина,молока и крахмала. Струям воздуха стоило бы сперва помешать блюдо, а то его рассеянный свет вновь убаюкает и так насилу пробудившихся тель-авивцев; субботнее утро правой ленью благословенно. Впрочем, как раз поэтому сладким день остался бы в любом своем метеовиде: и с неразмешанной до вечера облачностью,и пронзительно синий, ветреный, и - ведь еще стоял на одной ноге апрель - сконденсировавший сны минувшей ночи в грибные дождички.

Зеленая улочка в северном Тель-Авиве ("Лонжерон", "Большой фонтан"), где мы условились с Ивановой встретиться,все еще бездетна = безлюдна. Только две социально не вписывавшиеся в пейзаж фигуры стояли подбоченясь, и то не красы ради, а чтоб было куда продеть зеленые армейские тулупчики, прихваченные на случай внезапного крапления = кропления.

Не успел я мысленно приискать им "место в жизни",кроме прочего объяснявшее их присутствие, как белый с красной надписью ТАЛЬБИЯ "Форд-транзит" принял их на свой борт и укатил дальше - подбирать следующих. Санитары на субботнее дежурство - я бы не

угадал. Как раз перед этим бисером заткало мне стекло и надзиратели за психами повлезали в свои куртки; глядя,как их зеленые надувшиеся спины исчезают через задние створки в глубине тендера, я вдруг понял, что же всегда напоминали мне поднятые армейские капюшоны - затылочные кости грузинских репатриантов,гм...

Если чете психагогов, верно уж отъехавших квартала на два, субботний адончик в "Плимуте" мог внушать чувство зависти, то пара, сменившая их, самого адончика повергла в душевное смущение. Говоря образно, стекла изнутри покрылись испариной завистливых вздохов: под теплыми струями последнего в сезоне дождя ехал левантийский отрок, медленно вращая педали велосипеда; на заднем колесе, положив руки на плечи своего возницы, запрокинув голову к каплющим небесам, стояла в полный рост темноволосая допризывница-амазонка.

(Там светлый космос возникает
Под зыбким пологом ресниц.
Он кружится и расцветает
Звездой велосипедных спиц.)

Чудным сим кончеевским строкам не достает только музыкального сопровождения в виде каких-нибудь там "свинглов" да титров по-французски... Так незримый зодчий, наставник саламандров, я прельщаюсь пустотой чьей-то юности, тем, что не метеки они, что стандартный мозг их, куриный их мозг не изъеден талантом.

Санитары, я полагаю, уже подъехали к "Тальбии"; велосипедист унес свою диву в противоположную сторону.Полярные виды безумия, из коих одно я постыдно себе возжелал. Но как бы там ни было, плохую погоду они отбуксировали, и когда на балкон вышла Юлия, небо буквально горело синевой. Сцена...

- Здравствуйте, Юля.

- А, здравствуйте.

- Распогодилось,а?

- Ну, если снова не польет...

- А... вы думаете...

- Ну, откуда я знаю.

- Было б обидно, а?..

- Ну...

- Мы с вами как пионеры - все больше по междометиям. Вы позволите сказать вам нечто важное?

- Важное - не позволю.

- Жаль, вам потом самой же станет интересно, а спросить будет неловко.

- Оп-пля. Угрозы?

- Прогнозы.

- Будем посмотреть.

- Гы-ы, хэ-хэ...

- Вы никогда этого не слышали?

- Нет, ха-ха-ха. Безумно смешно. Ну, так как же мы сегодня жить-то будем? (Ответ "нерегулярно" отправляется в словарик.)

- Я должна вернуться...

- Постойте, не пугайте меня. За полчаса до того, как вы захотите быть дома,вы мне скажете. А сейчас я не хочу ничего знать. Поехали?

- Куда?

- А там увидим... куда-нибудь, где нет ни транспорта,ни полиции.

- Это еще что за штучки?

- Никаких штучек. Я думал, вам будет интересно попробовать поводить машину.

- А вы тип.

- Я? Помилуйте. Просто я из кожи вон лезу,чтобы вы меня оценили.

Сцена представляет собой облитые цементом руины. (Кстати, в основу пломбирования и в основу предохранения архитектурных памятников от окончательного разрушения положен одинаковый принцип, на это когда еще обратил внимание Стефан Болт [†1897], называвший, по словам учеников, полость рта не иначе как "Парфенон".) С крепостной стены открывается панорама Сарона: зеленый луг, скорее даже лужайка ("Соток тридцать, поди", говорит мужичок. "А то и полдунама", уточняет бедвин), сразу справа гудит гидравлический насос, в ржавой трубе плещется вода - здесь берет начало Яркон. Далеко-далеко ("Верст этак..." но бедвин перебивает: "Врешь, от силы парнасаг") виднеется город. Это Птах-Тыква, египетский храм посреди бахчевого хозяйства... но куда сердечней воспринимается тихое: Пейсах-Тиквэ, еврейская земледѣльческая колонія в Палестинѣ,синдикатъ "Пардесъ", двѣ школы, дѣтский садъ,библіотека, музыкальный кружокъ, почтовое отдѣленіе и кредитное товарищество, сообщеніе съ Яффой на дилижансахъ. С другой стороны, столь же далеко и столь же древняя встает Кфар-Саба; и о сю пору на главной почте, как гимн почтовикам старого времени, хранится некогда полученное здесь знаменитое письмо Ваньки Жукова. На заднике проступает очертание еще одного города, возникшего лет семьдесят тому: Тель-Авив. От него до Антипатриды, с которой мы обозреваем местность, ровно сто пятьдесят стадий, это абсолютно точная цифра. Основанная Иродом-детоубийцей, Антипатрида получила свое название по имени казненного царского первенца Антипатра. По свидетельству хроник, Ирод, любивший Антипатра больше двух других своих сыновей, Александера и Аристобула, к тому времени уже обезглавленных, страдал хроническим воспалением десны (похоже на гранулему). Зубная боль издревле считалась карой богов за дурные дела - такого же мнения держался и Лев Толстой, что не трудно проследить на примере его сочинений - и вот Ирод, по совету врача (!), закладывает на равнине Цафр-Савской город в честь своего невесть за что умерщвленного сына - кажется, старшенький всего-то и хотел, что отравить папа̀. По поводу всех этих казней тогда хорошо выразился Август, который сказал, как об этом пишет Макробий в своих "Saturnalium conviviorum libri septem": "Я скорее хотел бы быть свиньей Ирода, чем его сыном". А знаете (бодро-весело), в этом году память великомученика Антипатера (отчеборца) отмечалась 12 тебета, то есть *одиннадцатого января,* как раз в день моего рождения... Вам не... простите, вам неинтересно?

- Нет.

Вряд ли ее лицо выражало скуку и вообще что-либо однозначное, но уж раз я сам подставлял горло...

- Коли так, то будьте откровенны до конца. Вам вообще со мной неинтересно?

- Не люблю трепачей.

Опешил.

"За что!?" (Седого большевика в 37 ведут на казнь... и здесь царь и великий государь повествования вдруг пожелали покаяться: все же я плохой писатель, моя мысль слепа, и слово поводырем у ней; это оборотная сторона моего умения провоцировать нужный мне ход событий - в писании, ради впрок заготовленных словес, в жизни, как эрзац отсутствующей находчивости.) За что!? Да, неловок в обращении, не умею подстроиться под собеседника - не мудрено, при моем-то анахоретстве... Забываешь, что не все, чем живешь сам, интересно другим. Одиночество - в радости, в досуге... Пускай - но это не самая высокая плата за мою безграничную внутреннюю свободу... решительно во всем - в поступках, оценках, вкусах. И вот к чему я это все *треплю:* никто, конечно, не обязан делить со мной мои пристрастия и увлечения, но, скажите, за что, за что же надо непременно оскорблять? Вам скучно слушать про Ирода - но вы же сами согласились со мной поехать, вот мы уже здесь, в Антипатриде, и вы видите, я стараюсь как-то... говорю что-то... так зачем же мне гадости... Наконец, если вам угодно, я специально привез вас сюда, будучи убежден, что здесь вы вряд ли бывали прежде, что здесь-то я не потревожу ненароком ваших воспоминаний... Я не должен был этого говорить, пускай для вас я останусь таким, каким вам удобней всего меня представлять - зубняком, пижоном, снобиной... Будьте добры, возьмите *это* назад...

Я расстегнул рубашку - на мне был кремовый чесучовый костюм и тончайшая голубая сорочка без галстука, под ней, в зеленой ладанке, в каких солдаты-аккуратисты хранят личный знак, лежали две лиры.

- Возьмите *это* назад. - И во избежание недоразумения пояснил: - Это те самые, которые вы мне когда-то дали ("когда-то" - не более двух недель назад, но кто в такую минуту станет считать лу́ны).

Монетки я положил трогательной стопочкой на каменный зуб иродова детинца, а сам медленно, tempo di marcia lugubre, стал спускаться вниз, к своему катафалку; затем несколько минут прочерчивалась стереометрическая пантомима: точка Р перемещалась по долони, J сходила долу, тут Р ей опостен карабкалось на стену, между тем по отвеси низом брело J. Соединились наши инициалы на плоскости, служившей крестоносцам полом, римлянам же - потолком.

- Простите меня, - сказала Юля, утыкаясь носом в пустую ладанку, с моей стороны было бы невежливо отстранить свой нос от ее чуть лоснящейся макушки.

Журнал "Анахну кан", основанный Л. Ивановым, а точнее зачатый Л. Ивановым от трех гекатонхейров, Мида, Калиты и Кука (координационное управление комиссиями абсорбции) - что называется "дитя любви", к тому же не оставленное заботами анонимного родителя, здесь трех, в силу специфики журнального чадородия - формально являлся собственностью своего главного редактора. Трех-

значное число подписчиков, двузначная цена и однозначный критерий качества - первая ступенька уровня, по словам самого покойного, с недавних времен горячего поборника всяческой доступности - все это создало журналу репутацию устойчивого (об 4-х ножках) издания. Иванов был горд: стоял на четвереньках и победоносно повизгивал - де нас читают; и как приятно было,что последнее подтверждало правильность "курса на первую ступеньку уровня" (а надобно знать еще, что̀ есть уровень в понимании Иванова, отсчитывавшего к тому же ступеньки, на манер этажей, по русскому обычаю). Лишь одного боялся ныне обрамленный крылышками редактор - что инфляция поменяет местами количество знаков в графах "подписчики" - "подписная цена", как видим, не того боялся. И лишь одна история, достаточно темная, чтобы быть описанной - то есть кто не любит темные истории - омрачала *ровное яркое* прошлое журнала.

Иванов опубликовал какие-то присланные по почте стишки, чего обыкновенно избегал, предпочитая новоотечественную классику - Гринкарт и Зеева Моргалиса или же героев самиздата Сивухина, Карасика, ну, на худой конец москвича Сапгира. Здесь же нашла на человека блажь: дай-ка взлелею хоть один росточек своими руками. На ловца и зверь - как специально приходит такое кисленькое письмецо:

> Уважаемая г-жа Редакция!
> Обычно дамам преподносят цветы, но также влюбленные слагают для них стихи. Вы прекрасная дама - я влюбленный, так где же стихи? Исправляя досадное упущение, я молю вас - даров моих не отвергать, капризницей не быть. Извините,что лично не преподнес их вам - мешает инвалидность.
>
> Э. Розонов, Иерусалим и т. д.

- Ну что, обычный граммофон? - спросил Иванов у съевшего на лирике собаку Моргалиса - придя в литературу из диссиды и, таким образом, имея душевную склонность к жанру нравственно-философической прозы, главный редактор свои собственные взгляды на лирику выражал крылатым чеховским афоризмом. Став и сам крылат, Иванов (и все же напомним, что рожден он был Горнфельдом) теперь представал в воспоминаниях современников эдаким универсалом-эстетиком, а ведь не кто иной как Моргалис, повторяем,съевший на Парнасе не одну бродячую собаку, раз был так уязвлен - когда "друг Лева" определил качество его новой поэмы наощупь, движением сугубо коммерческим, большого и указательного пальцев - что перешел в соперничающее "Обозрение", где недолгое время подвизался в должности ответственного секретаря. Этого Юлия Иванова (и еще напомним, что ударение как у болгарской певицы) ему не могла простить - хотя калибр ее вдовства был не таков, чтобы до ее обид, надо сказать, вполне профессиональных в рассуждении вдовства литературного, кому-нибудь было дело.

На вопрос Иванова, обычная ли это графомань, Моргалис ответил "не скажи" и выразительно прочитал:

> Кипяточек заварочкой крашенный,
> Рядом - родственная душа.

Ты меня, дорогуша, не спрашивай,
Почему от тебя я ушла.

Ты меня, дорогуша, не впутывай
В *ентот* цыонский круг,
Поезда в ночи плачут луково,
Сядешь ты под их стук.

- Довольно сильно, - заметил - чуть вопросительно - Иванов.

- Да, короткая очередь, - согласился Моргалис.

- Что ж, краткость - сестра таланта, - резюмировал Иванов.

А вскоре газета, выходящая на языке цвета нации - не будем обольщаться, "Джерузалем пост" - напечатала письмо одного сеньора из Буэнос-Айреса.

"За тридцать пять лет работы в прессе судьба сводила меня не с одними только рыцарями без страха и упрека. Журналисткое поприще, - продолжает сеньор, - не школа для "кабальеро" и не... мне, старому газетному волку, удивляться иным "подвигам" моих коллег... И все же, когда претендующий на основательность журнал печатает, не изменив ни единой запятой, фрагмент из *уже напечатанной поэмы,* да еще подписывает его не настоящим именем автора, а какой-то невозможной для русского слуха фамильей... то начинаешь чувствовать себя поповной, что за молоком на гасиенду ходила. Я имею в виду поэму Авраамия Палицына "Мутная волна", опубликованную в журнале "Се Он", две строфы из которой неведомо как, за подписью явно не существующего *Розонова,* попали на страницы "Анахну кан", журнала, финансируемого - что уже давно не секрет - русским отделом израильского МИДа. Что это, наглая демонстрация своей полнейшей безнаказанности? Я решительно отказываюсь понять, чем руководствовался г. "Иванов", столь возмутительным способом помещая в своем журнале стихи - и к тому же стихи для него некоторым образом обличительные - уж не тем ли мазохистским комплексом (украсть,быть пойманным,а после,размазывая кровь и сопли, блаженствовать: меня бьют), что так отвратителен нам в третьей эмиграции, уж не тем же, что определило и выбор его собственного псевдонима... Горек и скуден хлеб литератора-эмигранта, если за спиной у него не стоят известные силы. Не ему затевать дорогостоящий судебный процесс против министерства иностранных дел Израиля - дело Наврозова полное тому подтверждение.

Но есть и Божий суд, наперсники разврата,
Есть грозный Судия, он ждет,он недоступен звону злата

- вот это израильские "ивановы" пускай помнят.

Леон Иванов, директор журнала "Се Он".

> Если "Джерузалем пост" не найдет на своих страницах места для моего письма, прошу рассматривать его как платное объявление и счет прислать по адресу: Буйнос-Айрус - следует ряд цифр".

Место сыскалось. Подходила как раз к концу дискуссия о "белых номерах", и подлить масла в огонь казалось просто необходимым. Бедный "иванов", когда узнал, что написал о нем "буйный сайрус", так растерялся, что бросился в Иерушалаим на поиски *Розонова*, с которым даже не удосужился до сей поры связаться, и придя по указанному адресу, нашел там склад музыкальных инструментов. С Моргалисом к тому времени они раздружились, вот и пришлось разить врага в одиночку.

> "Как из-под мидасова колпака, торчат из-под котелка этого типичного недоучки-провокатора дракуловы треугольные уши амановского юдофобства, так что стоит ли нагромождать Пелеон на Оссу, окружая вершины их оссиановым туманом, когда попросту хочется "раздавить гадину" - благо под белоснежными крыльями этой нимфалиды недолго сыскать налитое черное брюшко; но патлатая Атэ израильской журналистики ищет все новых жертв: вчера - тифлисцы из Ашдода, сегодня "свободный независимый "Анахну кан". Ведь не перед черносотенцем из Буэнос-Айреса, не скрывающим, что он волк по крови своей, не перед тем, кто нашел себе убежище в соседстве Эйхмана и Менгеле, должен опровергать очередной кровавый навет новый Бейлис - независимый "Анахну кан", но перед наивным израильтянином, чьи представления о сложнейшем процессе интеграции советских евреев в израильском обществе стараниями наших присяжных острословов сводятся к пресловутому "вилла - вольво". Новый пасквиль, самый факт публикации которого уже оскорбителен для израильской публики... etc".

Именно это письмо имел в виду пожилой господин (Борис Блудливович), когда в собрании русских литераторов в промежутках между кхе... кхе... их-хо! пел вечную память редактору "А... на... х..." - и дальше буковки расплылись под ненароком скатившейся слезой. Менее сентиментален оказался всуе помянутый русский отдел МИДа - перестал выплачивать алименты "г-же Редакции" и вообще перенес свою благосклонность на "Сионское обозрение", редактор которого, кстати - некто Бухбиндер - потом еще долго не упускал случая порассуждать о профессиональной недоброкачественности некоторых изданий.

Но тогда я ничего этого не знал, а знал я только, что особа, представлявшая при моем участии на куртине Антипатриды живую картину раскаяния, была единственная законная владелица наиболее читаемого журнала современной русской диаспоры и, как законная владелица, могла взмахом ресниц положить конец царившему в нем семибоярию.

встречи третьего рода

Я тот, кого никто не любит.
М. Ю. Лермонтов. Демон.

У нее были твои ресницы, саламандра, оттого что по субботам она, стрекоза незапасливая, прикуривала от конфорок. Позже я подарил ей зажигалку - воздержавшись от соблазна купить ее в магазинчике "Эрос" (у той пламя било из известного отверстия как бы наглядным пособием к трудам первых структуралистов, к слову, тоже евреев: иша - иш - эш), каковое воздержание возместил маленьким богохульством: "Словно свечи Божии, мы с тобою затеплимся" - велел выгравировать я на своем подарке.

...В продолжение своего покаяния, своего уничижения,которое вдруг показалось ей не лишенным приятности, Иванова спросила (почти нежно):

- Что вы мне хотели сказать тогда... важное?

Но мое "...важное" отнюдь не являлось продолжением признания, косвенно уже сделанного - как ей бы, видимо, хотелось. И я честно сказал:

- Лучше не сейчас.

- Нет, я прошу.

Христианская культурная традиция, в отличии от некультурной и нехристьянской, учит нас исполнять прихоти прекраснополых созданий - поскольку она была Ивановой и в девичестве, я поступаю с ней по слову ее богов.

- Ладно, вы настаиваете, слушайте. Но это связано с вашим мужем. Продолжать?

Между моим носом и ее макушкой наметилась пропасть. Ее лицо - нет, оно по-прежнему выражало раскаяние... по отношению к раскаянию предыдущему.

- Я не хотел бы стать жертвой прокрустова ложа вашей памяти, - сказал я. Она нахмурилась и одновременно скосила глаза, как если б что-то пыталась вспомнить. - Не извольте беспокоиться, я *никого* не цитировал, вы *ничего* не забыли.

- Вы... в... азбк... - судорожно просыпался с ее губ алфавит.

- Я наблюдателен, у вас все написано на лице. - Поспешно отвернулась. Уже сейчас я мог бы обнять ее за плечи и привлечь к себе - что внесло бы только в наши отношения желательную для нее ясность. Но, как учил Мольтке-старший, желаниям противника нельзя уступать даже вопреки желаниям собственным. А Геракл в своей книге "Как я сражался с амазонками" пишет: "Интимные речи,не подкрепленные другими интимными действиями - вот что изматывает новейших амазонок, вот что валит их с седел". - Поймите меня правильно, - продолжал я, - хотя это очень трудно - ваша гордость... ваши самые прекрасные душевные качества мешают этому. Разве что одна гордость теперь протянет руку гордости другой... Моя гордость такова, что отвергает даже дружеские объятия в незримом присутствии третьего. - То есть моими стараниями дело выглядело так, будто она уже, пардон, легла, а я все еще стою и чешу затылок из высоких побуждений - ревность, да еще к памяти, побуждение очень высокое.

- Послушайте, чего вы, наконец, хотите?

- Вы меня так и не поняли. Жаль. - Я опустился на камушек (немой свидетель иродовых сатурналий, салладиновых баталий; если только не подброшен сюда при возведении водокачки прошлою весной). - Сигарету?

В который раз я уже предлагал ей сигарету без того,чтобы закурить самому - и все ждал, когда она обратит на это внимание. Зачем? Не берусь объяснить. Курильщик, хотя и умеренный, я без всякого смысла изобрел для себя эту муку: вот так, "всухую", угостил Паулину - преуспел, затем, уже "по традиции", Иванову - и заупрямился, стал разыгрывать из себя некурящего, имея в виду закурить не раньше, чем она сама меня об этом спросит; но она ни о чем не спрашивала.

На всех парах красный ободок двигался к фильтру, когда пепла наросло столько, что он повис хоботком, Иванова сказала (тихо):

- Я все поняла, это вы́ ничего не понимаете.

- О нет... То есть да, и я ничего действительно не понимаю, но при условии, если взаимность между нами ограничена подобными взаимными упреками... - В непонимании, саламандеры, в полном непонимании, она и впрямь не понимала ничего из того, что я ей говорил, не улавливала смысла. Состояние, вероятно, не из приятных: словарь ясен, предметом ты сам, все внешние стилевые признаки (знаки речевого качества) подтверждают наличие мысли, а мысль тю-тю - утюкает,не иначе как попадает в дырявый сосуд. По крайней мере, к такому выводу она неизбежно должна была прийти.

Нет, воля ваша, можно, конечно, потискать шиксу и черненьким (речь не о негритятах), и там, в той стране, мне бы в голову не пришло чиниться, но тут все так сошлось: и то, чтобы *вы нас беленькими,* а то черненькими нас и там можно было лю-бить,и что для этого надо уб-бить в ней все прошедшее, и горнфельдовское, и прочее, и что ис-треб-лять горнфельдовское и ивановское - это прекрасно, это желанно, и что без этого, наконец, она не отдаст мне всего, чем владеет, а владеет она, господа, журналом (чуть было не сказал "велосипедом").

За обедом я впервые покусился на идола, меня подстраховывало воздействие пищи на умы идолопоклонниц. Еще в "Уде финна" было отмечено, что моя дама не то чтобы прожорлива - этого мне не позволила бы заметить моя, признаюсь, не вполне натуральная широта натуры - но за едой как-то преображается, глаза начинают гореть, дыхание учащается - по-видимому, значительную часть жизни она систематически недоедала (это беда многих "марусек",природные хищницы, они мучительней очкарих "наташ" и беспачпортных "дунек" переносят голод). В такие минуты Иванова видела перед собой только тарелку, обычное ощущение ценностей смещалось за счет притупления сознания - соответственно мнительного и мнимого - своего человеческого и национального достоинства,и без того ее право на последнее, на национальное представительство, с переездом в Израиль сильно поубавилось. За столом рецепторы вкуса становятся носителями абсолютного смысла = блаженства = ценности жизни = *ее* жизни (это понятие всегда индивидуализируется при пониженной нравственной чувствительности),сплетаясь с искон-

но человечьим инстинктом *поядать*, вбирать в себя поблескивающие куски. Мне предстояло лишь найти подходящий момент для зубочинки.

В той части обеда, основная прелесть которой заключается собственно в его предвкушении, психологические опыты вообще не рекомендованы, состояние голодного раздражения чревато всякими неожиданностями. Для этого лучше использовать паузу перед десертом - "время сов и соловьев". Однако еще в ожидании основного блюда, оно называлось "Фантазия островов", я осторожно повел подкоп под Иванова (пограничника). Посягать на его авторитет *художественного* критика было бы преждевременным, и я только мимоходом - чем, впрочем, достаточно выявлял свое отношение к его литературному дару, в особенности учитывая хранимое мною до сих пор по этому поводу гробовое молчание - дал понять, что знаком как с его статьями, так и с мемориями о нем г. г. Кислика, Кайфмана, Их-хо Бронхмана и др.; кстати сказать, при печатном воспроизведении поцелуй с полицейским был заменен на поцелуй с полицейской, и далее - не сам араб, захваченный пограничником при попытке пронести в пачке "Тайма" свою арабскую свастику, закричал "Рахманут! Рахманут!", а это Лева, возликовав, засвистал рахманиновскую мелодию, будучи чрезвычайно музыкален, что для русского литератора вообще вещь небывалая. Именно Левкŷ, мастеру *художественного* свиста, я и собирался воздать по заслугам. Сперва, правда, долго парил в поднебесьи, рассуждая о беспричинной лжи как особом проявлении творческой одаренности и т. п. Обычно такие врушки пустого завирушничества (все это прямая речь), только более заурядные или менее развитые, заимствуют чужие истории - и, как правило, у себе подобных; так что переходящие и к ним не из первых рук, эти истории подвергаются очередной редакционной правке. Но наряду с кустарной продукцией я знаю подлинные шедевры этого жанра. Не будет преувеличением сказать, что в жизни каждого человека есть хотя бы одно бесцельное, им самим уже канонизированное вранье. Из какой-то косности мы годами повторяем его, не в силах в этом признаться даже самому близкому человеку. "Даже"... Прежде всего ему. Да и разве можно признаться в своей слабости, ну скажем, детям... жене... Это как если сказать им, что порой мысленно удаляешь их из бытия - воображаешь, как тебе приносят известие о несчастном случае, как ты начинаешь горькую, но не лишенную привлекательности жизнь мужчины-одиночки. А ведь я убежден: трудно отыскать такого, кто ни разу бы не представлял себя овдовевшим или осиротевшим - в этом ракурсе (конец прямой речи).

Когда от "Фантази" у ней в тарелке осталось только "я" - замена игроков - я сказал:

- Но эта ложь, в которую по временам якобы сам начинаешь верить, должна быть выполнена... - Вспомнив Сами Нисами, я сделал как он: губки бантиком, пальчики пинцетиком - "конфэтка". - Тут уж улик оставлять нельзя. Правда, их редко и оставляют. Пожалуй, ваш муж исключение, ведь это нереально - чтоб у человека, и в том числе феддаина, еще только пересекающего границу Израиля, в кармане лежал "Тайм".

Объяснение по пунктам.

Во-первых: моя вдовушка не сразу поняла, что я сказал; за эти несколько часов ей уже пора было привыкнуть - "вспомнить" через отложившихся в ней прамамаш и прапапаш (Иванов бы определил это ученым словом), что господские речи вообще трудноусвояемы,и, пускай безотчетно - прежних амбиций-то *воз пруди* - не покушаться дерзновенно.

Во-вторых: когда все же сообразила, я уже был далече.

В-третьих: оскорбиться не могла еще потому, что в любой момент могла икнуть.

В четвертых: я старался интонировать так, словно говорил о чем-то само собой разумеющемся - и вовсе не обидном, и вовсе не постыдном, и вовсе не оскорбительном.

- ...Но в виде исключения, вам, я готов рассказать случай, в правдивости которого не сомневается добрый десяток моих знакомых, - так говорил я из своего далече. - В сущности, пустяк: будто бы в филармонии, еще в Ленинграде (почему же вдруг дрогнул мой голос?), я шепнул соседке, эдакой "бородатой Нате", млевшей *всю дорогу* от концерта Рахманинова, что этой музыки не терплю. Ната видела во мне свой последний шанс уйти от распределения,но она захмелела от всех этих тим-па-па. "В тебе нет ничего святого", сказала она и через месяц уехала в Казахстан... Ко мне почему-то всегда сватались особы среднего ума, достатка и пола. Ах, - "спохватился" я, - вы-то знаете, что это - турусы на колесах, я и не отличу Рахманинова от музычки из голливудской мелодрамы.

- Хорошо, среднего ума и достатка - я еще понимаю, но почему пола? - Раз опоздав, она уже не хотела терять нить и хваталась за первое болтавшееся, причем отсутствие в голосе негодующей нотки, этого отголоска бестужевских курсов - как никак имело место неуважение к женщине - свидетельствовало об известном успехе практики "расшатывания основ".

- О, пола, - повторил я, грубо пародируя бровями мечтательность, то есть сведи я их не под прямым углом, пародия могла сойти за чистую монету. Было видно: эта сторона моей жизни ее интересовала. И что характерно, такая как она, окончившая институт суфражисток в Москве, как ангел с мечом, стерегущая врата гарема человечества - и чего только не готова злорадно выслушать о каждой своей подзащитной в отдельности. Эта классическая черта была мною учтена, когда я всласть поиздевался над вдвойне придуманной (придуманной, что придумана) бородатой дипломанткой, державшей якобы меня на мушке. Честно говоря, прототипчик имелся,некая Наташа Бородулина (так что "бородая Ната"!), но она и вправду мечтала стать "женою магната", да и потом меня, с моим бабелевским комплексом, ассирийское воинство не влекло - как и тебя, Иванов? И если тебе оттуда плохо видно, то женка твоя, покуда я расписывал, как провожал бедную девочку в Казахстан, как подарил ей на прощанье гедеэровский помазок, несколько раз с одобрительным смехом клала мне руку на рукав - хорошо, что я снял свой светлый пиджак. - Вот садовая голова, совсем забыл... вы-то знаете, что вся эта история - один сплошной турус на колесиках.

С некоторых пор современное сочинительство возрождает выражение "дико посмотреть" - желая идти в ногу со временем, пишу: она дико на меня посмотрела.

- Или другая представительница среднего пола. - И я, друзья мои (мною упоминался ведь добрый миньян друзей, верно таких же, как и я), с легким камушком оклеветал Паулину, в моем описании совершенную сестрицу Пресс - с таким во стальным прессом, в такой во броне мускулов. Хамсиновыми ночами эта диомедова кобылка - ваш муж, кажется, часто цитировал Геракла - брала меня на руки и убаюкивала, ходя по комнате. Но что верно, то верно - у нее было золотое сердце, у этого гуигнгма полосатого - ваш муж ведь много цитировал Дефо... (Как видите, я не перегнул палку.) И сейчас ее колыбельные звучат в моих ушах серебряным колокольчиком:

Дзинь, дзинь - ножки откинь.
Bell, bell - во древесну купель.
Лапки да глазки,
Лапки да глазки...

- вздор молол уже бесконтрольно, да и трудно в моем положении было не утратить контроль - это как, развращая кого-то, самому не развратиться - лапки да глазки.

- Вот бы вы на ней и женились.

Иванова, душечка, еще четыре часа назад вы бы сказали другое: "Фу, противно". Спасибо, родная.

- Ну, Юля, помилуйте, как же я мог жениться на девушке, фамилия которой Мальчик.

Время двигалось к вечеру, а Джульетта не обнаруживала желания расстаться с Леонтио. И только когда я почти "выходил из себя", она попросила отвезти ее домой - предполагаю гамсуновскую ситуацию. Изнемогающий - тысяча саламандров! - я даже не поиграл на прощание ее пальчиками, как намечал, а только договорился о следующей встрече: пускай будет через неделю - пускай спешат пешие (ну, кто из нас пеший?), пускай на досуге потопит воску ярого в паре со Стеганой спинкой, которой и похвастаться толком нечем, не то предлагал сердце, не то две лиры.

- Я не предлагаю вам подняться, - сказала она неуверенно.

- Ни-ни, сегодня тринадцатое - дурной знак, мы поссоримся.

- Вы суеверны?

- Нет, просто я чувствую правила игры.

Боже мой, наконец один! Но это еще не все, надо добежать до какого-нибудь заведения, умилостивить хозяина заказом и только тогда, проникнув в грязные потроха вертепа, можно выдавить с облегчением: "Ох, Лесков, Лесков... ох, соборяне мои,соборяне..." Но вообще в дальнейшем эту проблему необходимо как-то в шутливой форме обговорить... что-то вроде: "В интересах обеих сторон предлагаю провести переговоры по разоружению..." Почитаю ей вслух из Гамсуна.

Две вещи я бы не хотел говорить тому, кто в ожидании следующей встречи с Ивановой почитывает Прайса - что я думаю о человеке, сказавшем: "В паденьи покоя много"; лично я - я говорю по собственному опыту - не знаю ничего неспокойнее, ничего мучительнее, Кончеев платил по чужим счетам, когда писал:

Счастлив, кто падает вниз головой,
Мир для него хоть на миг, а иной.

И второе - оно действительно пребывает в некой запретной связи с фамилией Паулины, которой несколько раз я все же шепнул: "Мой Мальчик". Не хотеть говорить и не сказать - это настолько не одно и то же, что уже вошло в обычай у докучающих нам своими признаниями начинать со слов: "Я не хотел говорить, но обстоятельства..." - и следует перечень обстоятельств, ничтожных, как и сам говорящий - или ссылок на некие ранее данные обещания, давно уже всеми позабытые, воспринятые скорее как ляпсус, неудачная шутка или шалость в духе "шарлю - шарлишь - шарлят"; мы ведь тоже обещали что-то насчет шарлят, а кто об этом помнит? Мы, мы об этом помним! сухо затрещали саламандры, салютуя мне, словно из костра, языками пионерских галстуков. Есть какая-то беспризорность в пионерии, опасная для общества. Помню, в какую беду меня едва не вовлек один такой саламандр. Оборонясь тазом, как щитом, весь красный, вылез я тогда из душевого отделения. Но ожог и по сей день не заживает - рана Амфортаса, как сказал бы Иванов.

Было это так. Исключая нас, оказавшихся друг против друга - и, может, еще какой души в дальней клеточке лабиринта - баня пустовала. "Святой простец" визави, чей живот идеальным яичком лежал в рюмочке своих косых мышц, был как бы непропорционально своему субтильному сложению трехног. Украдкой, но не стыдливо, его взгляд скользил по моему блестевшему, в мыле, телу старшего - скоро мы побываем на пляже и тогда вы его увидите - и все чаще отвечал ему тем же мой взгляд. "Мальчик, я хочу ртом припасть к твоим ногам..." "Слушай, я не педрила, но у меня нет бабы, давай поможем друг другу..." Кого-то здесь, вероятно, спасла бы сила воли, мне силы устоять дала моя слабость: у меня не хватило духу сказать ему это. Сколько лет прошло с тех пор - я обрел себя, имею паспорт свободного человека, наступил + 1978 г., но презрительная усмешка, которой сопровождалось мое бегство "под прикрытием тазика", вдруг *достает* меня, тогда театрик теней вновь и вновь ставит "Упущенные возможности" Шейгеца. В такие моменты я обращался к Паулине исключительно по фамилии.

Неделя прошла. Хорош писатель, который, живя менее чем в пяти стадиях от моря (четверть парнасага), не поведет читателя на пляж. Спасательные вышки еще бездействуют - купанье предстоит сказочное. Реактивный самолетик выводит на небесах *ALITALIA*, остроугольные косые буквы делали небо похожим на вывеску греческого ресторана. Внизу пилот видит желтый песчаный массив, отделенный от бирюзового месива белыми нитями прибоя, игрушечную шоссейную дорогу с ползущими к морю игрушечными машинками, возможно видит он также, как один автомобильчик побольше, большая такая букашка, все норовит стежок за стежком обогнать остальные - не иначе как считает себя в своем праве за свои цилиндры в кратчайший срок достигать побережья. Но что это? Ретивая букашка, вместо того, чтобы следовать изгибу дороги, *по наглой* вдруг растолкала двух встречных муравьев, один из которых застыл, как втоптанный, другой, словно в необузданном гневе, *попер* на всех подряд, надо сказать, испугавшихся одинокого хулигана и беспорядочно сгрудившихся; но самый первый, тот, что начал - покатил-

ся дальше, бочком, поперек себя, как скалка, выпавшая из бесчувственных рук.

На пляж мы приехали не в самом лучезарном состоянии духа.

- Эти два мотоциклиста живы?

Я только пожал плечами:

- В новостях передадут.

- Таксист - ненормальный.

- Судя по его такси - был.

Та́к вот, по-лакедемонски, обсудили мы дорожную катастрофу, полноправными участниками которой не стали лишь благодаря чуду - три машины впереди въехали одна в другую, как универсамовские коляски.

- Ужасно, когда *это* происходит внезапно.

- Мы с вами об этом еще никогда не говорили. Я боялся спросить у вас, как это было.

Общий испуг нас немного сблизил,я бы сказал,сделал приятелями. Завязка же рандеву была из рук вон скверная.Убаюканный успехами предыдущими, я, с бесцеремонностью какого-нибудь дядюшки Велвела, стал пихать ей подарок, нахамив при этом безбожно, то есть, может быть, впервые я сказал ей - по расхлябанности - то, что думал. Думал же я так:

"К НЕСЧАСТЬЮ наших племенных говяд, насчитывающих 250 поколений предков - ну, 130, если семя занесено всего лишь вавилонским ветром - в некоторых обстоятельствах, сами понимаете каких, без КОСТЮМА ЕВЫ обойтись просто невозможно. Не лучше в этом смысле приходится и востроносым руссалкам, только этим наоборот: одной природой данною красой тоже сыт не будешь, порой надобно одеватъся - а ведь они, руссалки, еще УЖАСНЕЙ, облаченные в дорогой НАРЯД иудифи, чем с подоткнутым подолом БАБЫ, ИЩУЩЕЙ БРОДУ. И только когда дерзкая рука осуществляет в стихах воспетое желание (к моей соплеменнице, небось, адресовались пожелания противоположные: О, ЗАКРОЙ СВОИ БЛЕДНЫЕ НОГИ, сравните с желанием первым - ЦИТАТА - "Хочу быть смелым,хочу быть дерзким,хочу одежду с тебя сорвать"), чудо превращения совершается. Куда исчезает ИХ ОБЫЧНАЯ КОРЯВОСТЬ работниц, куда девается сероватая сыпь с их руссалочьих мордочек... Нет, писавший о "тупом выражении груди" видал только еврейскую грудь. Консьержери!.. И потом, у юного народа и кожа ОСОБЕННО юная. НО НА ПОСЛЕДНИХ ПОДСТУПАХ к прекрасному обладателя дерзкой руки ждет СУРОВОЕ ИСПЫТАНИЕ - имя ему: исподнее. Кому не знаком вид руссалок, купающихся в исподнем! ДАЖЕ купальники их, в стиле "еще не автомобиль,уже не трактор", предполагают гусиную кожу, спартанские нравы и приспособленную ДЛЯ купанья автомобильную камеру, этот неизменный признак натурального хозяйствования коренного населения в глазах ТАКОГО, скажем, дачника, КАК Я".

Поднося с такими или почти с такими словами купальник и купальный халат (изделие прославленного "Готтекса"), я не сомневался в том, что и ради меньшего она подверглась бы бо́льшим унижениям, но главная цель дарителя - признательность - этим скорее отдалялась, и "расшатывание основ" грозило таким образом обернуться для меня самсоновым подвигом. Правда, я сказал ей не все - ключ к шифру: достоянием ее слуха стали лишь буквы-небо-

скребы... Составили? Но и чтобы с этими словами дарить женщине халатик, тоже надо быть достаточно "пьяным собою".

- Я боюсь ехать с вами. Вы что-то (чиотт) как маньяк.

- О!.. Майн готтекс, ха-ха-ха, конечно, я маньяк. Но я неопасный маньяк. И вас я преследую (бархатным голосом),но,милая, без намерения причинить вам вред - каким бы ни было ваше понимание термина "вред", всегда такого спорного применительно к женщине.

Естественно, приняв подарок, она не могла высказаться резче... или нет, я ошибся, и это еще не все.

- Если вы и пишете,как говорите, ничего удивительного, что вас никто не стал читать...

Во мне все оборвалось - это еще что?

- ...и не хочу вас утешать, мой покойный муж говорил,что рукописи горят.

- Другой покойный муж говорил противоположное.

- Оставьте Булгакова, *это про другие рукописи.*

Что мне было делать, против меня велось заранее продуманное наступление. "Ненароком" упомянутые мною церасы были приняты ею к сведению.

- А при чем тут Булгаков? Я имел в виду Андрея Белого, писавшего так о втором томе "Мертвых душ". Ваш Булгаков просто популяризировал эти слова. (Уф... маин готтекс ист майн кенигс - выше хвалы не вознесу, ибо не за что). И - раз уж мы заговорили о Булгакове - судьями мне были те, для кого вершина прозы это

"Шаркающей
кавалерийской
походкой,
С кроваво-красным
подбоем..."

Они декламируют это как Маяковского, преодолевая судорогу челюстей; дамское чтение (как и г. Шарлюс, г.г. саламандры) нуждается в нарочито мужественной подаче.

- Что! (чио) "Мастер" - дамское чтение?

- Местами. Я бы сказал, что это гермафродит.

- Сами вы гермафродит.

- Вы уже дважды сегодня беретесь судить о предметах вам малознакомых, и в обоих случаях это связано со мной. Я не ищу с вами ссоры, сударь - наш спор напоминает... вы знаете: "Ты терпеть не можешь Рахманинова? Ах, в тебе нет ничего святого. Ты не любишь Пушкина? Будь ты проклят..."

- А! Так вы и Пушкина не любите?

- Люблю, вы мне не дали договорить - но, поскольку я не ищу с вами ссор, сударь, пусть лучше меня примирит с вами - и с Булгаковым - его милый котик.

- Милый котик... - фыркнула она.

- Чудесный кот, починяющий примуса, томно лежащий в поддельной луже крови - действительно милый котик. Теперь я понял,в чем секрет нашей несовместимости, мы с вами по-разному слышим одни

и те же слова, надо будет составить словарь... Ивано-Прайсовский.

Ценой как минимум одной жизни покровительствующая Прайсу марка дамских купальников отвела от ее ушей опрометчивое "ивано-прайсовский" - мотоциклиста же, как богиня Энея, покрыла темным облаком. Опасаясь, что из-за аленького магендавида меня используют по узко специальной отрасли собирания зубов, я сторонкой объехал место аварии в надежде, что другие выполнят свой нравственный долг - и не ошибся, долгое время шоссе у меня за спиной оставалось пустынным.*

- Надо что-то сделать, - сказала Иванова сипло.

- Да, вызвать "Хевра кадиша".

- *Послушай,* серьезно, мы же должны что-то предпринять.

- Ну конечно, должны - как можно скорей скорей позвонить в полицию. На пляже в каждом киоске есть телефон.

Купальный сезон еще не вступил в свои права, не была переполнена стоянка, не бегали, оскальзываясь в песке, мальчишки с криком "Артик!", не рябило в глазах от бесконечых змиев, зонтиков, палаток, панамок, истушенных туш и прочей пестряди,не рассекали над головами воздух ядра мячей и деревянные ракеты не издавали со всех сторон назойливое тук-тук, не доносилось из волн (Цагала) пение Цвийки Пика (или кого там): "У меня есть в сердце птичка, /Целый день поет она./ И в нехитрой той музычке/ Жизнь моя погребена..." Наконец, не посягал на мое глубоко интимное право, если не альфу, то омегу человеческих прав (о чем заявляю как врач) омегафоненный голос с вышки, вежливо, но настойчиво повторяющий: "Господин, господин, выйди с моря" - пират несчастный со своим черным флагом...

- Ну как вы, Юля, море вас развеяло?

- Идите и звоните, - строго сказала Юля. "Она строгая, но ведь она тебя любя", - оправдывал бывало передо мной, плачущим, свою сожительницу дядя Моня - сентиментальный еще теми сентиментами, он бы песенку Цвийки Пика пел на мотив "Вернись в Сорренто"; все было необитаемо, дико, а киоск уже работал, правду говорят люди: один еврей - торговая точка.

- Хорошо, я сейчас вернусь, а вы пока устраивайтесь.

Подождав, пока Иванова обернется полотенцем, а дальше, посредством того же глагола, красой-девицей - а на полотенце бык, матадор и сувенирная надпись "Севилья" - я принес ей пакетик ледяных химикалиев.

- Вот выпейте. Раши, который был также и великим врачом,называл холодную воду "примочками для души". Вам сразу станет поспокойней.

- Спаси... (бо - есть веселие Руси).

- Я вам сделаю одно признание - совсем *глупое,* - присовокупил я жест речевого отстранения, потому что ее сущность, и женская, и социальная (вдовья), мгновенно воспламенилась. - Я мечтаю иногда на ваших глазах получить травму - разбить нос, или даже лучше,рассечь бровь, знаете такая боксерская, специально мужская травма. И чтобы вы своими пальцами останавливали кровь,

---

**Все знаю.*

клеили пластырь. - Говоря так, я медленно стягивал брюки, при слове "мужская травма" едва выпростал левую ногу и стриптиз закончил не раньше, чем услышал тихое: "Маньяк" (как "аммиак").

Не могу знать, к чему это относилось больше, к моим словам или к моим белоснежным "бермудам", покрой которых должен был навевать на нее воспоминание о "семейных" трусах 60 размера - действовала все та же доктрина: вы нас беленькими! беленькими!

- Но почему же? - восклицал я в ответ на обидное слово, пока она в беспокойстве оглядывалась по сторонам. Мои плавки двумя капитулянтскими простынями развевались над пляжем, к ее утешению,малообитаемым; к тому же ранние купальщики - это по преимуществу люди идеи, скажем, вегетерианской, которую они обычно делят со своим гигантским псом, им недосуг вести мещанские наблюдения за окружающими, как это будет делать здесь толпа не сегодня-завтра; иначе мои плавки, вернее сказать, плавники,да еще в сочетании с ее новым мини-бикини (четырьмя оранжевыми треугольничками) превратили бы для нее пляженье в ад. Глядя на ее купальник, я лишний раз убеждался, что нагие формы с лихвой восполняют отсутствие пластичности. Дощато-занозистые голени,которые одни я только и видел раньше, оказывается,имели прекрасное продолжение, грудь была из тех, что носится мимоходом, но зато, как апельсины, может храниться до самой зимы (а не лижет живот белыми вялыми языками), не знавший родов живот, когда она изогнула спину, собрался в равномерную мелкую складку. Все еще с вопросительным восклицанием на губах я вдруг, как вампир, при - что называется - пал к ее незаживающей лодыжке, как подкошенный рухнул.

- Вы сумасшедший, - повторила она, быстро усаживаясь и поджимая под себя ноги. - Есть вещи, которые не принято говорить. (Значит, это относилось только к моей эскападе словесной, браво.)

- Я не знаю запретов в выражении своих чувств. Вы сейчас разделись,и кажется, что с одеждой сбросили и все свои горести,все напряжение, посмотрите, у вас такое вольное тело, ваша одежда пропиталась вашим несчастьем, ее надо будет всю сменить. (Каков хитрец!) После того, что было в дороге, вы мне стали еще дороже, еще желанней.

- Эти два мотоциклиста живы?

Я только пожал плечами. - В последних известиях скажут.

- Ужасно, когда *это* приходит внезапно, для самого это, конечно, лучше, но для близких... - Закусила верхнюю губу, бросила взгляд святой в небесные селения.

- Мы с вами еще никогда об этом не говорили, я всегда боялся спросить вас, как это было.

- Нестерпимо. Я думала, что умру сама. Я не знаю, как я это вынесла...

- Нестерпимо. Я думала, что умоу сама. Я не знаю, как я это вынесла... как я это выношу, - поправилась она. - Ты идешь,разговариваешь. Он сказал: "Вдвое сокращу поэму Ната". И чихнул, громко, я еще сказала "на правду". И продолжаю идти, не заметила, что он упал. А у него, когда он чихнул, оторвался тромб. Он был простужен, он часто простужался...

- Ну да,он не послушался вас, не пошел тогда к Скуркевичу.

Я тут же пожалел о своей мальчишеской выходке. Юлия побледнела, вскочила.

- Кто вы такой? Кто вы такой?

Поскольку отвечать ей: "Я Эдмонт Дантес" было преждевременно, пришлось наплести про Скуркевича (с которым я вместе сдавал офицерский экзамен), рассказывавшего, якобы, об одном своем пациенте - главном редакторе русского журнала.

- Вы меня испугали. - Она села, по-прежнему на пятки, к моему удовольствию - уж больно крепки были брусцы ее стиснутых с икрами лягвий. На одну я положил руку:

- Не надо больше об этом.

Но мое прикосновение оказалось не к месту, верней,не ко времени, Юлию загипнотизировал пафос собственного страдания. И потом, она готовилась оседлать, как я понял, своего конька: ее муж мог бы жить, его убили. (Древнейший напев, нечто подобное будет говориться еще на похоронах некоего П. много тысячелетий назад - и столько же страниц спустя).

- Это, конечно, дело рук КГБ. Весь этот скандал с эмигрантской националистической газетой ему слишком много стоил. Наш журнал не давал им покоя... Ну, вы знаете, о чем я говорю.

Однако я этой истории не знал. Она была мне поведана голосом самого Иванова, дух которого на время вселился в рассказчицу, дабы загадке, так и не разгаданной,придать характер зловеще-потусторонний, позволявший все на свете,и в первую очередь,собственную безголовость валить на фатализм обстоятельств. Позднее, ознакомившись с длинным перечнем литературы по данному вопросу, я был поражен одной вещью.

Эдгар Розонов. *Стих.* "Анахну кан", книга двадцать вторая.

Леон Иванов. *Письмо в "Джерузалем пост".* "Джерузалем пост", 31. 8. 77.

Лев Горнфельд. *Доколе?* (Ответ редактору журнала "Се Он"). "Джерузалем пост", 6. 9. 77, русск. пер. "Анахну кан", книга двадцать четвертая.

Аркадий Бухбиндер. *Удивительное рядом, или Наш ответ турецкому султану.* "Сионское обозрение" № 22.

Барух Бронхман. *Не верь глазам своим.* (Размышления по поводу статьи А. Бухбиндера "Удивительное рядом, или Наш ответ турецкому султану"). "Унзерэ стройнэ" 12. 11. 77.

Нина Рота. *Интересно...* "Новая русская мысль" 12. 12. 77.

Барух Бронхман. *Конец трагедии.* "Сиам" № 1.

R. R. *А все-таки она вертится.* "Маарив", 5. 2. 78, русск. пер. "Сионское обозрение" № 24.

Как из этого явствует, Шерлок Холмсом Иванов отнюдь не был.

Моя рука продолжала лежать на ее ноге - прикосновение, хоть и несвоевременное, отвергнуто не было, и все благодаря моей тактике, строившейся на той чрезмерной тактичности, которая женщин бесит, часто приводя - именно из-за нашей сверхстарательной наводки - к перелетам. Мне последнее не грозило, цель была намагничена. Я даже извлекал больше меду, плетясь в хвосте своих возможностей, нежели если б предвосхищал их - что не всегда встре-

чает поощрение у женщин, но всегда понимание. Зато я - возвращаясь к местонахождению моей руки - как лишенный аппетита больной, в своих редких желаниях отказа не знал и уж этим пользовался, надо сказать, весьма причудливо. Так, когда перед купанием она стала переоблачаться в свой старый купальник (сплошную мутнобурую тряпицу, заношенную, со штатским клеймом - бруклинский лендлиз) под тем предлогом, что загорать лучше в сухом бикини, я пожелал собственноручно подержать полотенце - предполагалось, что сам я при этом отвернусь. И что же, захваченной врасплох (слишком поздно) моим нескромным взглядом, ей пришлось проглотить - "она давится, но жрет", как сказал ее любимый писатель - и мой взгляд, и мои слова, что нету-де у нее причин прятать от меня несколько сантиметров кожи.

- Вот видите, мы преодолели еще один психологический барьер, разделявший нас.

В другой раз я очень торжественно объяснил ей, что поскольку намерения мои самые серьезные, современный же образ жизни все поставил с ног на голову, мы просто начинаем с другого конца; сказано это было после того, как на мое предложение перейти на "ты", она, не смея, однако, его отклонить, заметила,что "вроде бы не с чего". Мне вспомнился насмешливый взгляд юного шейгеца - этой моей Лолиты, или, точнее, Анабеллы, навсегда определивший характер и температуру моих будущих влечений (что, в свою очередь определило и мой мнимо-гумбертовский посыл).

В купаньи есть отчаянная прелесть - как хотел,вероятно,сказать один известный (в будущем) поэт; другой сказал: в синем море волны плещут. Оба поэта, дополняя друг друга, дают прекрасное объяснение тому, почему поездок к морю никогда не заменит бассейн с выкрашенным синей краской дном. Прыгать на волне, нырять в нее, а после каждой клеточкой своего тела (красивого тела, с аккуратным прямоугольным газоном на груди, от которого отходил ровный тонкий стебель, исчезая под широкой резиновой тесьмой - "Прямо ленотров расчет", думал я иногда,а иногда иначе: "Все сгниет"), каждым повисшим на нем хрустальным колокольчиком обертонить огромному колоколу свежего воздуха - в этом отчаянная прелесть, мой дорогой друг, такого перманентного - насквозь и глубже - пляженья и купанья. Первое в году! Мы преодолевали ужас первого погружения, оно как вступительный членский взнос, причем я, удесятерения своего мужества ради,тихонько сотворил "а брохэ" с пожеланием дожить до другого такого раза. Первая же волна свела нас, вольно и невольно раскрывших свои объятия друг другу. Новая волна сыграла злую шутку с одной из чашечек ее купальника, вновь продемонстрировав мне, сколь относительны наши представления о чрезмерном, в частности мои,о чрезмерной величине моих "бермуд".

- Ах, - воскликнула она вырываясь, хотя я в одностороннем порядке аннулировал этот род запрета.

- Зачем, друг... - послал я ей вдогонку слабым голосом.

Но материя была за меня. Без иголки с ниткой нечего было и думать о починке купальника, и пришлось Юлии воротиться с видом побежденной. Вид прелестный: одна рука поддерживает лиф, другая

пролагает себе путь в волнах. Дополня картинку, почти Боттичеллиеву, словами: "Но я не могу так", она льнет ко мне. Она не договаривает, я же чувствую психологию этих повторных объятий: я не могу обнажить грудь перед посторонним мужчиной; раз невозможно избежать первого, то следует изменить второе. Но я остаюсь верен себе:

- Погодите, давайте играть.

- Играть?

Это слово прозвучало для нее тавтологией, по крайней мере взгляд ее изумленно вопрошал: а разве мы еще не играем?

- Да, есть игра такая, - кричал я, стараясь перекричать пенное царство. - "Море, волна и Церас". Давайте обе руки.

Она заколебалась. И сдалась.

- Глядите, какой вал, девятый... Ну, скорей, - торопила она меня уже сама. - Чур, крепко держаться. Море волнуется раз, море волнуется два, море волнуется...

- Три! - закричал я, и мы стремглав, не расцепляя пальцев, полетели в картинный завиток, который в этот миг вдруг с шумом, как белый парашют, раскрылся и завертел и песок, и камушки, и наши тела...

Блажен, кто купается в трех морях сразу - эротики,Средиземном и море новых горизонтов. О новых горизонтах: на берег я выводил Юлию если не как Парис Елену, то как Беллерофонт своего Пегаса. Прежде чем вступить в зону теоретически просматриваемую - киоскером ли, травоядным ли каким с собакой, мне виделся один такой, заросший как мамонт - я почтительно поднес к губам, как если б это диктовала мне вежливость, но не более, кончик ее груди. Этим последовательным разрушением последовательности,созданной уж и не знаю сколькими поколениями "влюбленных" пар, я, конечно, вконец изматывал бедную женщину - что полностью согласовывалось с моими намерениями,но вот с другой стороны,как бы и загарпуненный мною читатель не пал жертвой такого планомерного изматывания. К примеру, название. Оно сулило читателю встречи, а не встречу, пускай даже повторяющуюся - в каждой седьмой клеточке календаря. И то,что при этом,как дань обязательной школьной программе, честно описывались внешние условия - раз погодные, раз бытовые - никак не заменит широкому читателю отсутствующего общества. Читатель же не столь широкий и не столь могучий усилиями двух политических режимов и ста двадцати двух телевизионных корпораций ныне перевелся - так хотя бы я смогу утешать себя в будущем, как в настоящем утешаю себя малочисленностью скопившихся вокруг русичей, а в прошлом утешался тотальной несвободой творчества. Постойте, дайте мне еще по... И роковой вопрос: а что, если и впрямь *не того разбудили?* И что тогда,если никогда? На это и на многое другое вы найдете ответ, если вслед за автором пробьетесь сквозь дебри этой книги. В добрый путь и сладких тебе снов, малыш. Сборник рассказов для детей дошкольного возраста. Стр. 408. Ржевский Л. Показавшему нам свет. Очерки по творчеству А. И. Солженицына. Стр. 168. Рихтер К. Дебри. Роман. Пер. с американского. Стр. 264.* Рубин И. Оглянись в

**Интересно, кто переводил?*

слезах. Стр. 299. Рубисова Е. Гигиена питания. Беседы врача. Стр. 62. Рыбаков В. Тяжесть. Быль. Стр. 224. Russian for today. Russian texts for students. By Piter Norman. № 7. Савич А. Очерки крестьянских отношений на Урале в XVIII - XX веках. Стр. 178. Садовская-Гро. Судьба решает. Сборник пьес. На мелованной бумаге. Стр. 20. Сапгир Г. Сонеты на рубашках. Стр. 46. Седых Ы. Только о людях. Поездка в Израиль. Стр. 224. Случевский К. К. В том мире. Загробные песни. Стр. 184. Соколов Саша. Школа для дураков. Стр. 169. Сю Эжен. Агасфер. В 8-и томах. Твардовский А. Теркин на том свете. Стр. 20. Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича. Учебный текст с ударениями и со словарем. Стр. 172. Филлипс Юзвигг Е. Немцы о евреях. По немецкой литературе периода Второй мировой войны. Стр. 207. Я уже смотрел все каталоги подряд, невзирая на политические, умственные и шмумственные (Бен-Гурьен, б. п.) орьентиры издававших их лиц и организац., я уже искал в разделе научн. период. - и где я только вообще не искал - и не находил. Так что поиски оказались результативными (без кавычек). Они ничего не дали бы в противном случае - если бы я нашел... Судите сами, кто только не публикует отклики на неудачную ивановскую попытку пригреть новый талант: и "N-ское обозрение", сильно выигравшее от перераспределения мидовских фондов, и "Сиам", после первого же номера тихо отправившийся внимать песням К. К. Случевского, и "Джерузалем пост" - устами жертвы, и отклик целой Роты печатает заморская мысль, а в нашем родном "Маариве" читаем тонкую по мысли статью R. R. - я не раскрываю инициалов этой особы из страха скомпрометировать ее, себя и наших детей; кто только не возвышал свой голос в защиту или в осуждение одураченного редактора, ссылаясь на то, на се, на "Се Он", который, кажется, единственный хранил молчание - что сразу бросилось мне в глаза - равно как молчали о нем и все книжно-газетно-журнальные каталоги. Месяц или около того потребовалось мне, чтобы, не привлекая внимания "лиц и организац.", окончательно для себя установить, что оба дубликата - Л. Иванова (1945 + 1978) и А. Палицына (+1625), а также сам "Се Он", есть обман и мошенничество в расчете на то, что несуществующий журнал этого никогда не разоблачит, а прочие, чем затруднять себя проверкой сообщений из мест,сопредельных с Патагонией или Огненной Землей,только вздохнут: и раскидало же нас по белу свету, Петька.

Если до этого в своих рассуждениях я основывался на здравом смысле и логике,то в дальнейшем этих двух "попутчиков" пришлось отвергнуть и всецело отдаться вдохновению, право на которое почему-то никогда не признается за теми, чей ход мысли неисповедим; должно быть, из-за пугающего слух слова, которым подобный род вдохновения определяется - "ясновидение". Смешно, когда люди, кичащиеся широтой своего кругозора, ограничивают вдохновение той областью,где им уже не стыдно предстать невеждами,областью искусства. Воображаю, как моя чудесная догадка была бы сведена ими до уровня полицейского дознания, причем я в роли следователя - сличаю факты (известные читателю не хуже моего), подыскиваю подходящий мотив... В самом деле, разве может разумный человек допустить, чтобы я усилием воли, как принято говорить, хотя скорее следует говорить о раскрепощении, даже о некоторой

волевой распущенности - это всегда связано с оттенком, вносимым приставкой "раз" - расфокусировал свой мозг и чтобы при этом в нем родилось имя, пускай даже и знакомое. Юлия, цеплявшаяся за свой прежний статус, нередко называла разные имена со смесью амикошонства и высокомерия, что со стороны выглядело жалким пережитком. Это столь же поучительно, сколь и распространено: она всё "ребята, ребята", а "ребята" уже давно знать ее не желают; следующая стадия отчужденности - появление неких "друзей",образ сугубо собирательный и весьма частый в женском лексиконе.

- Юля думает, что нужна кому-нибудь из них теперь. Юля не понимает, что эти *твари*, как воронье, слетаются на литературно-поминальные вечера. Можно подумать, они ценили его при жизни... - Это был верный ключик, плюс к тому же неожиданное обращение в третьем лице... и, глядишь, можно уже протащить контрабанду: - Нет-нет, Юлин муж для меня как литератор не существует... Я не вижу причин лгать. Мы исповедуем с ним разные религии, а веротерпимость мне не свойственна. Поэтому я намерен и Юлю обратить в свою веру, чего бы мне это ни стоило. И только когда она скажет: я твоя душой - она станет и телом моею.

- Чем ревновать впустую, лучше б показал, чио написал...

Но этот разговор происходил позже, а пока не будем (или,наоборот,будем) рабами своего нетерпения, вернемся назад.

Вскоре субботние прогулки к морю пришлось прекратить из-за жары, ставшей невыносимой.

- О, как разноцветны шатры твои, Израиль, - обратилась Юлия к кишащей на раскаленном песке массе, к которой мы в один прекрасный день уже не рискнули примкнуть. И пояснила: - Это Левина шутка.

- Ах Левина... - И я развернул машину на 180° - таким образом возвращались мы в прямом смысле *не солоно хлебавши*. Я предложил сперва заехать ко мне, принять с горя душ, чтобы не быть целый день "вареными, мореными, *макароными*" (дядя Яша в веселом расположении духа), а потом пойти в город, "правой ленью благословенный" (д-р Прайс). У меня была в Рамат-Авиве собственная квартира: гостиная - настоящий вагон-салон - и два отростка,служившие спальней и библиотекой. На плане эта квартира поразительно напоминала бодуна хвостатого под микроскопом Аббе (если кто видел).

- Вы пьете чай из бумажных стаканчиков? - удивилась гостья, обводя взглядом кухню с остатками завтрака на столе. Мне сразу стало жаль себя какой-то сторонней жалостью.

- Уходите из кухни! Ступайте лучше в душ! - Я проговорил это с той преувеличенной грубостью, в которой сам бы ни за что не усмотрел плохо замаскированную попытку скрыть смущение,а вообще такое смущение одинокого мужчины неналаженностью своего быта должно только поощрять матримониальные склонности в женщине.

После душа - "а я все видел", как объявил когда-то маленький Леня Прайс вернувшейся с медосмотра однокласснице - мы еще долго валялись на фантастических размеров тахте, которой расплатился со мной за довольно сложную операцию один мой пациент; ее транспортировка оказалась операцией еще более сложной - сам хозяин и с ним человек семь его кунаков, все грузинские евреи,ка-

тили тахту по улице чуть ли не из Пардес-Каца - почти то же,что из Лахты на Сенатскую.

- Ну вставайте, а то будем опять вареные,моренные,макароные.

- Лева говорил "залежалые". - Что ж, Лева был талантливей дяди Яши.

- Суконка, шпана длинноногая, казарменная дева... - едва мы уселись в кафе на улице, вдруг процедил я и тут же, не вдаваясь в объяснения, прибавил: - Отвечайте мне тем же... быстро... ну, повторяйте: пархатая мошонка, выхолощу тебя, жиденка - ну что же вы?

- Пустите... - даже не сказала, а прохрипела Иванова,словно ее душили. Ее тело было зажато между столиком и стулом, к которому я вплотную придвинул свой, не давая ей встать. Нас окружала полуденная тель-авивская толпа - эта, в отличие от полнощной, хранила в душе верность боярской Румынии, Польше Пилсудского, а кой-где и французскому Марокко. Всеобщий настрой: любознательная благонамеренность; для мужчин характерны тонкие колеры - бледный беж, кюрасо блё - их носков, сквозившие также и через искривленный подагрою плетень; на лицах женщин лежала та глубокая тень, что всегда умиротворяет, подобно глубокой тени домов - подобно тому как вселяет счастье интенсивное солнце на противоположной стороне улицы да сознание огромного синего моря за углом, простирающегося до самой Италии.

- Почему, *глупая* Юля? Я вам предлагаю совершенно утонченнейшее наслаждение, пикантность которого в том, что оно одновременно и профилактическая мера против всех пороков. Мы заражены бациллами всех мыслимых пороков, справиться с ними можно, только переболев ими в легкой форме. Считайте, что я предлагаю вам инъекцию, саму по себе достаточно сладострастную, раз она направлена против острейших проявлений сладострастья - садомазохизма, афродизии (мы ведь с вами в публичном месте),а еще той распространенной слабости, что выражается посредством вспомогательного словесного блуда, часто в нецензурных выражениях. Не знаю,как вы, но я считаю борьбу с сексуальными отклонениями делом не последней важности для людей, вроде нас с вами вступивших на путь интимного сближения. Или вы стоите на той точке зрения, что в границах гетеросексуальности все позволено?

Тут кельнер - если только европейское наименование подавальщика применимо к их коллегам в Израиле, чья осознанная развязность (кельнерское определение свободы, прямой результат имевшего место в тель-авивских кафе одной из ночей сорок восьмого года братания официантов с клиентами) соответствовала хамству сознательных российских буфетчиц, с поправкой на климат, ассортимент и присущую тому народу кровожадность - итак, в этот момент кельнер принес и поставил - передо мной граненый фужер с высококалорийными шариками Штрауса и перед ней бюстик колы; следует рокировка, что примечательно - поскольку в ситуации назревающего скандала она была бы невозможна без предварительного выяснения отношений.

- Попробуем, не отказывайтесь, не испробовав.

И знаете, что она мне сказала? Она сказала - хоть и не совсем уверенно:

- Хорошо. Я попробую. Только съем мороженое.

В продолжении выговоренной ею отсрочки обсуждается перспектива перехода на "ты".

- ...Хотя есть и другая альтернатива, - развивал я свою мысль в ответ на ее неприятно кольнувшее меня "вроде бы не с чего", - совсем не переходить на "ты", даже на последней ступени близости. Не кажется ли вам, что в старое время "вы" между супругами симулировало волнующую новизну отношений? Сегодня это выглядит таким же примитивным, как потайные миниатюры екатерининских времен.

"Ну, - сказал я, - ты обещала", - когда она слизнула с губ последнюю каплю. Но тщетно она набирала воздух в грудь - она не могла решиться.

- Нет... но, - предложила она, понизив голос - как предлагают в темном месте темный товар, - если хочешь, я могу просто матком. Ты сам сказал, что некоторым это нравится. Вот Лева... - и осеклась.

Я покачал головой. - Благодарю покорно. Я предпочитаю во всем держаться на грани - падать, а не пасть. - Теперь можно позволить себе и некоторую резкость - когда получилось, что из нас двоих, вопреки моим заверениям, пала лишь она одна - и даже намек на осуждение, в традициях чисто патриархальных: соблазнитель первый и осудит соблазненную.

Юлия смущалась.

Не смущайся (хотелось мне сказать), это совсем не стыдно. Антикатарсис, который есть забвение телом души иɯүд молэт эннэв -ӛбɛ ьтɔэ ӥиqотоҗ (как мы помним), в состоянии которого мы равны козам, козлам, буйволам, оленям: серым, пятнистым, белым (продолжение в следующем томе), антикатарсис, где властительницей Венера, тогда как на противоположном полюсе Аполлон властелин, антикатарсис, расстегивающий поясок и ремень - к которому неизбежно причаливают жизнеплаватели-жизнеплавательницы - это совсем не стыдно. Это так же, как стыдиться своих родителей. Присказка кончилась, теперь спустимся с грешных небес на грешную землю (собственно, второе грех первого). Ты - и устыдилась блуда словесного! День-деньской говорите вы те пристойные пошлости, что паче всякого мата - в котором ты мне, впрочем, не отказала, понимая, сколь ласковыми должны быть матюки, чтобы сравняться с предложенными мной игрушками. Разве день-деньской не услаждаешь ты мой слух речами, способными довести меня до оргазма - ведь куда омерзительней они высокому духу (а значит, милей высокой плоти) моих застольных шуточек... "Казарменная дева"... "Мошонка - жиденка..." - вот уж робкий самопал против таких монстров пошлости, как ласкательно-шутливое "человек - два уха"* или файтерское "в упор не вижу". Когда я слышу, как девушка говорит "чуйства", то я весь наливаюсь от ответных чуйств. Говоря в моем присутствии "ближе к телу", да еще деловито наморща лобик, она рискует быть трижды изнасилованной

Небось, прижаты один к другому.

мною. Саламандры, у меня есть словарик, когда еще хотелось мне о нем рассказать - это действительно чудо-словарик. Обложкой - форзац книги, выпущенной в 20-е г. г. для тмутараканских детей местным издательством (ханыздат). Название ее "Веселые приключения Пушкина и двух его друзей, петуха Пети и козочки Афины*". Рассказывалось там про котенка Пушка - насколько помнится, т. к. самой книги уже нет в природе.** Словарику предпослана статья *Сильвестра Рубинстайна, лауреата нобелевской премии прайса за две тысячи такой-то год.* Этот ученый с будущим указывает на общую для всех собранных речений особенность - их умышленную вторичность как следствие принципиального конформизма порождающей их стихии. Это сигнал, которым посредственность оповещает о себе другую посредственность - так пишет специалист. Пользующиеся такой сигнализацией свидетельствуют свою лояльность обществу, свое полное единообразие с ним. Собранные речения сами по себе могут и не быть "идеограммами" обобществленного мышления. Это зависит от образовательного ценза - количества пройденных классиков, чтобы не сказать культурного уровня - данной группы людей в данную эпоху. Как не станет повторять острот из "Музыкального магазина" Утесова остриженный бобриком кандидат наук начала 60-х годов, так принявший из его рук эстафету в конце 70-х не скажет: "Сдвиг по фазе". С исчезновением еврейского студенчества исчезнет и расхожее острословие КВН, с распадом семьи (по Энгельсу) забудется неистребимое "есть семья - привет семье", а с введением, примерно к тому же времени, законов шариата в СССР хирург, проводящий экзекуцию под наркозом, будет говорить вору: "Пишите письма мелким подчерком". Чтобы "речение" стало крылатым, оно должно быть достаточно бескрылым и достаточно приземистым - чтобы на него мог взгромоздиться любой и каждый.

Юлия смущалась.

- Не смущайся, - сказал я ей, - у меня такое хобби - лексикография. Я всегда всех провоцирую - с научными целями. Ты еще молодец, не очень растерялась.

Она провела ладонью по лбу.

- Ты можешь замучить человека своим... (надо было подобрать корректное слово) юмором. - Переход на "ты" ей дался просто, в отличие от меня, не знавшего прелестей молодежного туризма и задушевных бдений под гитару. Интимность внезапного обращения в ед. числе переживалась мною с остротой первого поцелуя. Тогда, сразу после эксидента на шоссе, своим нечаянным "послушай" она попала в самое сердечко. Пропущенная "опечатка"? А может быть, женская интуиция (которую я всегда считал невероятным надувательством)? В конце концов, угадал же я имя того, кто сыграл злую шутку с ее мужем - то есть думал, что угадал, поправит меня мой читатель, с чем я легко соглашусь, поскольку в моем случае "думать" почти никогда не означает ошибаться, но всегда - знать наверняка. Оттого-то мне не стоило труда проверить свою догадку в той форме, в какой я это сделал.

**Безусловно, тоже опечатка: во второй букве левый кружавчик лишний.*

***Плохая физика, но какая смелая поэзия.*

Поздним вечером, когда в окнах уже гаснут последние огни и, кроме вестовых (рошейахулиёт), ни один человек не посмеет нажать кнопку чужого звонка, я - я посмел. На вопрос, кто там, последовал встречный вопрос, здесь ли проживает имя рек. Дверь отворилась. Облик ночного гостя - как писали в романах-сериях - только усилил тревогу хозяина, взору которого... ты-ры пы-ры... незнакомец в черном как ночь пончо и надвинутом на глаза того же цвета сомбреро.

- Кто вы и что вам надо?

Незнакомец еще больше надвинул на глаза сомбреро. Некоторое время они молча стояли друг против друга. Наконец вошедший глухим голосом спросил:

- Вы не узнаете меня?

- Нет, - был испуганный ответ.

- А сейчас? - резким движением он обнажил голову.

- Тоже нет, - прошептал хозяин.

- В таком случае я имею честь назвать себя: Леон Иванов, директор ежемесячной газеты "Се Он" в Ciudad de Nuestra Senora de Buenos Ayres.

- О мадонна! - вскричал хозяин и, заломив руки над головой, быстро заходил по комнате. Распахнувшиеся полы его атласного халата оголили очень тонкие, очень белые и совершенно безволосые ноги. - Но почем я мог знать, что вы существуете?

- Это была роковая ошибка.

- Что вы хотите, я готов на все... - При этих словах хозяин как бы невзначай рухнул в кресло, мимо которого уже несколько раз пробегал. Глаза, с равномерностью маятника следившие за его пробежками, еще несколько мгновений по инерции провожали пустоту, покуда не остановились на стеллаже с книгами - сплошь в одинаковых обложках.

- Каков парад, - усмехнулся гость. - И сколько авторских. А я думал, что вы *здесь* нарасхват. - Он снял с полки одну. - Но напечатано недурно. Уж не на те ли деньги, что предназначались для журнала, в издании которого вы с недавних пор стали снова деятельно участвовать. Конечно, зачем делить почести - если не денежки - с Бухбиндером, когда открылась такая вакансия.

- Бухбиндер тут ни при чем. Он ничего не знал. Все я сам. И деньги ни при чем. Я ненавидел - (другим голосом) он унижал, я завидовал - он презирал, я терпел - он оскорблял - всех. Один только его самовлюбленный вид был несносен. Я хотел отомстить ему, увидеть его уничтоженным, ползающим у чьих-то ног, как некогда ползали у его ног другие...

- Хорошо, довольно. Я русский по крови, но испанец душой. И ваши чувства мне понятны. Давайте пять, и об этом никто не узнает.

- Сеньор! Благодарю вас, сеньор! Гранд Гишпаньи не поступил бы благородней.

- Что вы мне суете свою грязную пятерню. Гони пять - зелененькими... И это будет вашим вкладом, первым, покамест, в дело русской зарубежной прессы, сеньор.

- Боже, у меня не может быть таких денег...

- Чтобы у еврея не было пяти тысяч? Вот уж не поверю.

- Поймите,у нас в стране инфляция. Индекс цен и индекс зарплат не соответствует...

- Ну, хорош прибедняться. Эта квартира принадлежит вам? - молчание, слышно, как тикают часы (на руке у прохожего). - Она стоит тридцать тысяч зелененькими? Уделите мне от вашей кухочки маленькое кхилышко. - Тот, к кому это обращено, делает несколько неверных шагов и вдруг припадает к стене лбом, подложив под него согнутую в локте руку. Видно, как плечи его под красным атласным халатом сотрясаются от рыданий.

- Ну, добро. Раз нам так трудно делиться курочкой, поступим иначе. Дайте мне письменное обязательство, что больше в псевдóнимы не будете брать моей фамильи.

Но тут произошло неожиданное. Рыдавший в изумлении повернул голову, хорошенько проморгался, словно не желая принимать умом то, что уже открылось сердцу, и закричал:

- Ааааа!

Это был крик человека, успевшего в последнюю секунду понять, что его водят за нос.

- Ааааа! - Он торжествующе указал пальцем на гостя,что одновременно являлось указанием на дверь. - У вас нет доказательств! Олух - у вас решительно нет никаких доказательств!

- Теперь есть, - невозмутимо произнес шантажист, в складках пончо блеснула никелированная грань портативного магнитофона. - Желаете убедиться?

Подул зюйд-вест перемотки. "...Я ненавидел - он унижал,я завидовал - он презирал, я терпел - он оскорблял - всех. Один только его самовлюбленный вид был несносен. Я хотел отомстить ему, увидеть его уничтоженным, ползающим у чьих-то ног, как некогда ползали у его ног другие..." - Хорошо, довольно...

- Отныне, я надеюсь, мы будем друзьями - за это говорит многое. Мы с вами даже чем-то похожи. Короче, я могу рассчитывать на некоторые чисто дружеские услуги, не правда ли? Вы молчите... Ах, понимаю. Вы думаете, что я имею в виду услуги финансового свойства - об этом забудьте, это была шутка. Но заметьте,уходя, я не говорю вам "прощай". И еще: чтобы загладить обидное для меня "олух",вы должны надписать мне экземплярчик, вон их у вас сколько - небось,целый тираж.

Хозяин пишет, а гость смотрит из-за плеча.

- Нет-нет, не надо писать "Леону Иванову", лучше без имени - на предъявителя. Давайте другой экземпляр... Ну что это, право. У вас даже руки дрожат, а прочтешь,и не подумаешь,что автор был взволнован: "Уважаемому коллеге..." Фи, отставить, следующий... Нет, тоже не годится. Больше искренности! Вы должны меня убедить. Ну вот, теперь ошибка, "о" пропустили. Получилась какая-то старина-матушка. Кстати, откуда это: "Так восчувствуй же, милая, как люблю тебя, драгая". Угадаете, зачту "драгого" - как образец ранне-силлабического стихосложения. А я пока по нулям схожу. (По возвращении.) Ну что, голубчик, двойка? Лескова не узнали. Дальше прошу... Вы уж сразу дюжину достаньте, чтоб каждый раз не ходить...

Автор заимствует у кинематографистов ту легкость, с какой им все на свете дается: вот, мы видим, как на экране герой на-

чинает потрошить стулья - первый,второй, третий /Кадр меняется, тот же герой/ С блуждающим взглядом стоит пред горой - ножек, спинок, пружин и проч.

....

- Не могу... не буду больше...

- Ладно уж, живи. Выберу из того,что есть. Вот ничего вроде, а?

Молю, примите *этот* экземпляр,
Не отвергайте *бедного* пииты дар.
Ваш, Ваш, Ваш
В. Моргалис.

Никогда еще на этих страницах, читатель, я не был в своих принципах столь последователен - никогда еще столько не врал. Перед вами всего лишь черновик - один из множества возможных вариантов, сохраненный мною в виде исключения для потомков, да и то единственно по слабости моей ко всякого рода маскарадам, переодеваньям, что при моем гардеробе ничего не стоило. Слабейшая сцена эта уязвима даже не подчиненностью ее участников, в нарушение всех законов психологии, техническим возможностям автора* - что могло смутить неискушенную публику, как и нас самих смущает это, например, в работах театрального художника, рисующего героев новой пьесы еще до распределения ее по ролям. Режиссер же, очевидно, нуждается в подобных личинах, как портниха нуждается в рисованных картинках на страницах журнала мод, нимало не заботясь, что персонажи их все на одно лицо - что, скажем, маленькому мальчику, разглядывающему эти же картинки,пока у мамы "длится примерка", страшно мешает - не выходят комиксы; зато журналы - германский трофей, за двойными окнами городской пейзаж начала 54 года, яркий зимний день, но в ателье - словно само оно подбито ватином или цигейкой, согрето рулонами синей драповой материи - жарко; все равно всех кофт не снимешь, только преют вязаные домодельные носки в недостающих до пола ботиках да тяжелеет головка в угаре солнечной пыли...

Нет, "сомнамбулического экскурса" не будет. Слабейшая сцена эта уязвима потому в первую очередь, что шантажист, не зная,чем конкретно может быть ему полезна жертва,растрачивает свою власть над нею впустую. Все совершилось само собой, как только я решил для себя, чем мне может быть полезен Моргалис - верней,какой из двух Моргалисов для меня полезней: тот, над чьей головой публично преломлялась шпага, и в сей церемонии мне отводилась роль столь импозантная, что по всем правилам искусства я наследовал спасенному мной от бесчестья (посмертно) - как в плане общественном (журнал), так и в плане личном (жену); или Моргалис второй, тайно трепещущий предо мной - этот лишал меня возможности насладиться эффектом публичного разоблачения, но зато имел неоспоримое преимущество: мог быть употреблен в качестве многоразового средства воздействия - для чего,однако,надо самому иметь четкий план, чтобы не повторилось "надписывание книжек". Понят-

---

*В чем я уже раз каялся (стр. 43).

но, что я отдал предпочтение номеру второму: в случае некоторого числа альтернативных решений их порядковому номеру всегда соответствует распределение поданных за них голосов, а не якобы произвольная последовательность, в которой они записаны. (Эпос: витязь на распутьи, бесконечные вереницы пронумерованных сестер и братьев, русалок - тут без рокового удвоения "с", вообще-то это роковое удвоение, но не будем уже больше отвлекаться.)

Итак, все совершилось само собой. По телефону я отрекомендовался Моргалису как поклонник, некий доктор Прайс,хотевший бы переговорить с ним об одном деле, невероятно увлекательном - "если только поэтов вообще можно увлечь чем-либо,кроме поэзии".

- Ну почему же, конечно можно, - улыбчивым голосом ответил Моргалис. - Если не секрет, чем именно вы собираетесь меня увлечь?

О, секрет? Нет, конечно. Это скорее *сюрпрайс*. Только было бы обидно, если бы господин Моргалис отказал старому поклоннику в удовольствии сделать его при личной встрече.

- Вы интригуете меня. Хорошо, что вы делаете сегодня в...

Но сегодня, как и в ближайшие два-три дня, старый поклонник был занят, встретиться условились на исходе недели - в маленьком скверике неподалеку от Лонжерона.

- А как вы будете одеты? - спросил Моргалис.

- Как прикажете, - не сдержался я. - Впрочем, ваше лицо мне знакомо, и мы навряд ли разминемся.

Моргалис... Я смиренно поджидал его на садовой скамейке,вот он появился. Редко встречались мне люди, чья внешность в такой мере была бы оттиском их душевных качеств. Как на плохой репродукции все предметы ведут нескончаемый пограничный спор из-за неточного наложения цвета на рисунок, так и любая черточка в Моргалисе имела своего дублера, с которым конфликтовала и которым опровергалась, если не ниспровергалась. Профиль статуи - фас куклы; сдвинутые, как при стальном взгляде, брови - и глазки, хлопающие с такой скоростью, что давно бы улетели, если бы не очки; удалая еврейская копна - цвета плесени; туда же чекисткая кожанка, линялые джинсы и вяленые сандалеты (с носочками). Казавшийся загримированным даже вблизи, он мог бы сыграть Павку на любительской сцене "Ашомер ацаир" или Азефа в Театре на Таганке. Делая свой сюр, Прайс вскользь упомянул о характере доказательств, которыми он располагает - таковы, что могут быть предъявлены лишь публично,"чего всеми силами надо стараться нам избежать,не правда ли?" Последнее было исполнено голосом душегуба из профессионалов,из профессиональной этики заискивающего перед своей жертвой. И это несмотря на то,что сам д-р Прайс меньше всего ощущал себя в эту минуту каким-нибудь фашистским доктором, скорее уж доктором алхимии, заклинающим над ретортой, что, однако, не отменяло озорного - в глубине зрачков - отношения к происходящему: а ну-ка, что же будет? О Моргалисе я знал только одно: по словам Юлии, он был вылитый Капитайкин. Как личности, Капитайкины обычно перегорали еще в детстве, их приносили в ритуальную жертву божеству заднего двора, которое не довольствуется кровянкой под носом или даже смирённой гордостью, нет, гордость должна была вдруг набрать второе дыхание - стать горды-

ней; отсюда и капитайкинское "не нужны мне ваши деньги" (когда эти деньги ему действительно больше не нужны). Умирающие "судить по одежке" - можно "по форме" - Капитайкины сами одеты так, что одна у них радость в жизни: зреть еще бóльших Капитайкиных.

- Только, Бога ради,не подумайте,что я к чему-то клоню... - "Клонить" - значит иметь, в понимании Капитайкина,дурные намерения. - Я всего лишь об одном мечтаю... - А мечтатели - это всегда хорошо, как "негодование" - всегда благородно; и что замечательно, при таком отношении к слову иной Капитайкин может быть профессиональным литератором, сам Моргалис был если и не "краснощекий" (см. ниже), то вполне опытный поэт - между прочим, "опытного поэта" я преподнес ему в виде комплимента, зная, что такие слова как "опыт" и "поэтический", обозначающие явления позитивного порядка, приемлемы для Капитайкиных в любом наборе. И как знать, не это ли истинно литераторский подход к слову - которым исчерпывается литература, как звуками исчерпывается музыка... а глупый Ганс еще плакался: мысль... слепа... слово поводырем у ней... В мире вообще существует только десять мыслей:

I	VI
II	VII
III	VIII
IV	IX
V	X

остальное игра словами; и развитие литературы есть развитие ассоциативного мышления. К примеру, такое предложение:

"...Пятница был талантлив. Иванов,благодаря своему *паукообразью*, был литератор до мозга своих полусгнивших костей - о "наукообразном" я узнал много позже и потому всегда путаю эти два понятия, а еще потому - что оба они сходятся в одной точке, которая расположена в недрах ЦРУ, где берут начало как вейсманизм, так и агентурная сеть."

Думайте что хотите, но этим предложением я продвинул литературу вперед. Или сам продвинулся вдоль нее - если видеть в литературе нечто метафизическое, некую каменную гряду, существующую во времени пространственно. И такой взгляд на литературу был бы также логичен, читаем:

"...Капитайкин был I ранга. Моргалис (живописуя матушку-зиму) использовал слово "даровитый" в значении "краснощекий" и тем двинул литературу вперед."

Так? Прекрасно. Читаем теперь:

"...Иванов был литературный Пятница. Вера Гринкарт (по прозванию Галина Гениальная) вслед за двумя бредущими из русского плена гренадерами заставила брести - оттуда же - и трех евреев... на плаху (в Израиль, что ли?), чем двинула литературу назад."

Литература, которую можно двигать взад и вперед, уже служит делу собственного прогресса, поскольку этим достигается новая ассоциация - на сей раз с мебелью.

- Я *мечтаю,* чтобы вы мне, посвященному в *такую* вашу тайну - значит, уже не совсем постороннему, - чтобы вы мне помогли с устройством моей семейной жизни. Я вам все сейчас объясню, не надо только смеяться. У меня есть страстишка - я пописываю себе потихоньку. Скажите, ведь может быть такое?

Моргалис снисходительно кивнул. Он увидел Капитайкина II ранга, и этого было для него достаточно, чтобы утратить чувство реальности - полагаю, письмо вымогателя, подписанное "ваш покорный слуга", ввело бы его в заблуждение и уж во всяком случае - польстило.

- Но моя невеста, - продолжал я, - она считает ужасно инфантильным, чтобы взрослый человек что-то писал, если он не настоящий писатель, а настоящий писатель - это кого печатают. Она говорит, что просто так бумагу марают подростки - или те, чье развитие остановилось в раннем возрасте, от таких людей настоящей помощи в жизни не жди. "Разве пошла бы я", говорит она, "за человека, который в свободное время играет в кубики". Она, конечно, права по-своему. Но если такой опытный поэт как вы, такой редкостный стилист, околдовавший столько народу своей мистификацией...

- Как вы об этом узнали все-таки? - перебил меня Моргалис с беспечностью,дававшей основание думать,что ситуация теперь определялась им как *комическая,* то есть словом того же порядка, что *безобидная, занятная,* опять же *беспечная* - а вовсе не "угрожающая", "оскорбительная" и т. д.

- Не спрашивайте. Будет ужасно, если вы об этом узнаете - это будет означать, что дело получило огласку.

- Ладно, ладно, - отмахнулся Моргалис - по-прежнему от слова, на сей раз из другого нехорошего ряда. - Значит, вы *просите* меня, чтобы я в присутствии вашей нареченной отозвался о вашем романе как о шедевре?

- Так точно. А разве я вам уже говорил, что это роман?

- Да уж сам догадался. Хорошо, это даже будет *забавно.* (Пущены в оборот два новых слова из разряда выражающих *превосходство* - ай да Капитайкин!) Давайте сюда эту даму.

- Она скоро придет. Ровно через... - Взгляд под манжету.

Юлия была точна. Моргалис увидел ее первый и, решив,что она направляется к нему, без особого воодушевления помахал ей рукой.

- Вы *чио,* знакомы? - спросил я.

В первый миг Моргалис дернулся, как если б я завел машину, стоявшую "на скорости".

- Кчк... (с таким мавританским "аин" посередке, какое белому человеку удается издать, только подавившись рыбной костью).

- Вы чио? Знакомы? - повторила, подходя, Юля, словно передразнивала меня; Моргалису должно было показаться, что это мы оба вместе дразним его. В своем поистине драматическом замешательстве он не заметил, как тревожно забегали глазки у Ивановой - не знавшей, чьих наговоров, моих Моргалису или же наоборот,ей надо опасаться больше.

В следующее мгновенье Моргалис вскочил с явным намерением бежать - наверное сообразил, что посторонний человек,чудом разгадавший подлог, вовсе не такой уж посторонний и даже не просто

имеет общих с ним знакомых, но и собирается жениться на потерпевшей.

- Вов, чио ты... - Иванова кинула на меня недобрый взгляд; относительно источника наговоров больше двух мнений быть не могло: я. И вот этот "я" берет вобравшую в себя голову пииту за плечи - накладные плечики болвана в витрине того самого ателье - и усаживает обратно за столик.

- Куда вы? И в самом деле, посидите еще. Может, еще чашечку кофе?

- Посиди, Вов, - захныкала Иванова.

Моргалис хотел что-то сказать, но оказалось, что у него пропал голос. Он мог теперь говорить не громче тех несчастных, чье отсутствующее горло прикрыто марлевым слюнявчиком.

- Вова, чего ты, болен?

- Нет, - ответил я за него. - Это он под впечатлением прочитанного. Я, понимаешь, дал ему почитать свой роман. Он до сих пор не может прийти в себя.

- Вова, это правда?

Моргалис кивнул.

- Он говорит, что это шедевр.

Иванова недоверчиво посмотрела сперва на меня, потом на него. Я тоже - *посмотрел.*

- Да, шедевр, - еле слышно прошептал Моргалис. - Это гениально. - Он встал и, не простившись, ушел.

Теперь всем ясно, что есть гордыня уничтоженной на заднем дворе личности: унизиться до самой позорной капитуляции, но при этом уйти с видом победителя. Помните молодца, которого отделал Том Сойер - как, удирая, он грозился сквозь слезы задать тому (Тому) хорошенько? А помните ли вы, что садился Моргалис на садовую скамейку, а вставал уже из-за столика; а помните ли вы в таком случае, как Иозеф К.*, сидевший все время на ступеньках в пустом зале заседаний, вдруг встал со стула; а помните ли вы, как его дядя, сев на краешек постели больного адвоката, вставал опять-таки со стула; а помнишь ли ты, как нам улыбалося счастье - причем самое замечательное в этом "улыбалося". Юлия улыбалась *чему-то своему* - так светло улыбаются только рождению какой-нибудь эгоистической мысли. "Помнишь ли ты..." Это могло быть даже обращением к супругу, кто как не Иванов говаривал, что Моргалис съел собаку на Парнасе. Не разбираясь в характере этого оригинального обжоры, Юлия - сама жертва стандартных представлений - простодушно отнесла его сегодняшнее поведение за счет - догадайтесь.

- Дал бы почитать, что ли...

- Ага, после того как господин Маргалит (псевдоним Моргалиса для ивритской прессы) дал высокую оценку творчества, можно и почитать? Право, стоит показать еще кому-нибудь из дружков Льва - для верности. Обидно так, не знал их раньше, когда они редактировали "Евреев в СССР". Вот времечко было,можно сказать: звездный час. Хотя нет, постой... С одним познакомился, и он переправил мои пленки с рукописями. Мужик что надо.

**Блестящая догадка профессора Нерона:* Франц-Иозеф,К. und K.

- Леша...

- А вот еще интересная деталь, - не унимался "Леша". - Юля думает, что нужна кому-нибудь из них теперь. Юля забывает, что эти твари при жизни Льва были его злейшими завистниками. Я буду откровенен: Юлин муж как литератор для меня не существует... У меня нет причин лгать. Мы исповедуем с ним разные религии,а веротерпимость мне не свойственна. И Юлю я тоже намерен обратить в свою веру, чего бы мне это ни стоило. Только когда она мне скажет: я твоя душой - она станет и телом моею.

- Чем ревновать впустую, лучше б показал, чио написал...

Кто ревнует, тот любит, а большая любовь все спишет - это даже не просто отпущение грехов, а индульгенция, навсегда развязавшая мне язык в ее присутствии. По всему тексту разбросаны образчики того, что зовется благоговением пред лицом смерти, не правда ли? Взгляните, разве не с таким благоговением воин привязывает тело врага к колеснице? Как стыдливо потупил он очи, готовясь швырнуть труп мирмидонским псам. Сама Юлия нашла модус, при котором надругательство над прахом соперника объяснялось бы следствием любви - а любовь все спишет. Дошло до того, что ничтоже сумняшеся я сравнивал ее мужа с чеховским чиновником,умершим от чиха. "Не сказала ли она ему при этом "на здоровье"? - спрашивал я, не зная, что бы еще придумать. Мне даже показалось, что раз она поощрительно-конфузливо прыснула в кулачок,как прыскают молодые девицы, покуда маменьки их недоуменно переглядываются (пр-во "Мафильм", Венгрия). Чем злее бранит того, тем сильнее к нему ревнует, чем сильнее ревнует, тем больше ее любит - а большая любовь все спишет (но можно и ввинчивать: чем больше любит, тем сильней ревнует - цепь причин и следствий здесь замкнута, и порядок взаимодействия звеньев, из которых каждое в равной мере и должник и кредитор, совершенно не важен, не важно, кем произведена оплата, главное, что она произведена. Когда еще писал юный Прайс - возымевший к тому же дерзость послать написанное в редакцию своей Юности: "Долг платежом красен. Явившись со своей фальшивкой к Иванову, Рысс узнает, что тот - едва ль не его сверстник! - умер. Тогда с дьявольской настойчивостью добивается он, чтобы молодая вдова не только разделила с ним ложе, но и разделила его, Рысса, потенциально клинический взгляд на окружающее - "взгляд желтоглазого оборотня", по собственному его выражению. Книга заканчивается словами: "Плачь и торжествуй, рысь. Она верит в подлинность рисунков, она растоптала в себе образ покойного Иванова, доселе ее переполнявший". Роль живописца Сахно (а вы откройте все-таки 8 стр., загляните в аннотацию) взял на себя Моргалис, убедив ее в "подлинности рисунков". То, что впоследствии Юлия еще раз самостоятельно поковырялась в моих табличках, только приравняло ее отношение ко мне к отношению моего когдатошнего учителя гармошки к Веберну, "колоссальность" которого он понимал подкоркой. С ложем дело обстояло иначе. Я далеко не был уверен, что с первого же приступа заставлю ее увидеть небо в алмазах - тем более что апоплексические натуры,вроде Иванова, в последние отпущенные им недели живут столь полнокровно - во всем (лампочки перед перегоранием), что оставляют у вдов, я бы даже сказал, преувеличенное воспоминание о своей

чудовищной потенции, горнфельды тогда и впрямь превращаются в ивановых, а ивановы в лумумб - и так вплоть до бодунов хвостатых, размножающихся, как известно, в геометрической прогрессии. Здесь, не имея технической возможности выставить за себя ходатаем Сахно или Моргалиса - ибо времена Гагенов и де Вардов миновали безвозвратно - я мог полагаться только на собственные силы, истощенные бесконечным постом, а до этого воспитательными ванночками моей Фетиды. С места в карьер возражу авторам популярных пособий: "сила в нежности" представлялась мне натяжкой в духе Орвелла и очень напоминала социалистическую торговлю панамками в январе и валенками в мае, что было сомнительной попыткой перехитрить спрос и снизить потребление - к вечному недовольству потребителей; но я-то даже тени подобного недовольства не мог допустить, покуда не совершилась хупа: не была подписана купчая. Так что "силу в нежности" прошу мне не прописывать.

Между тем настало время выполнять свое обещание: "душой" она уже была моею, залог этого - оформление купчей - я собирался потребовать со дня на день. Иногда она путалась, называла меня Левой - когда это случилось впервые, она заплакала, также и со страху, что нанесла мне - что уж там наносят такими оговорками. В ответ я "осушил ей слезы поцелуями". Когда это повторилось вновь, она уже просила у меня прощения, а в третий раз валяться у ней в ногах пришлось мне (что я обожал), умоляя простить мою кинг-конгову выходку: в пароксизме ревности Прайс стал трясти ее за бретельки лифа и обе оборвал. Любовь, любовь... Но отдавшись мне душой, что подтверждалось путаницей в именах, она, со своей стороны, могла сказать мне: "А ну-ка, милый, подавай свое тело".

Я не трус - в силу амбиций, упрямства, одиночества, да-да, одиночества, я настаиваю на этом - вовсе не "на миру" проявляется смелость, как не на плахе сдают решающий экзамен на мужество... Быт, быт, быт - вот мера всех вещей. И я, который при таких условиях всегда удостаивался проходного балла, лишь одного страха не мог перебороть, страха перед неведомой заказной корреспонденцией, дожидавшейся меня на почте. Случалось извещению прийти в пятницу, и тогда страдания мои длились полтора суток.

Было ровно 4 часа - зеленый зеленщик, в значении незрелый: юноша на прошлой неделе похоронил отца, и красный мясник, этот торговал канцелярскими принадлежностями, и просто фамилия у него была Комиссар - как раз открывали свои гешефты, когда я остановился возле дома, чтобы взять пакет для Юлии и бутылку "Джессики" для Стеганой спинки, к которой мы были приглашены на "раут по случаю".

Было без одной минуты половина пятого - ключарь направлялся с противоположной стороны к двери - когда я, держа наготове квиток, влетел в "отделение связи", как сказал бы я в России - и даже сказал бы еще на венском вокзале, где навсегда простился с матерью и ее Пелеем. Ну чего, казалось, мне было бояться - что какой-нибудь мас (ах!.. наса... эрэх мусаф...) призывает меня к себе в орду? Грозит отнять ярлык на ханство? Или что банк ИУДА христарадничает? А может, по суду с меня требует отступных Пау-

лина-девочка - если я не обознался, то на днях видел ее с настоящим монгольфьером вместо живота... так что к Монгольфье все претензии... два, Монгольфье, два!.. Вот как опошляет нас страх, а ведь я и вправду не трус и, кстати, пользуясь случаем, напоминаю: высшим проявлением мужества, с учетом этимологии этого слова - мужественная же женщина есть нечто из области гормональных чудес - считаю способность переживать любые потрясения соло, без сопереживальщиц. Одним словом - я бы мог одним словом унять поток упреков, когда бы, переступив порог Юлиного дома (между прочим, во второй раз), объяснил причины своего опоздания.

Юлия уже полтора часа ждала меня, облаченная в "нарядное" платьишко, прямое, с прямоугольным вырезом, в котором мелко плавала лодочка ключиц и виднелись резиновые тесемки дешевого лифчика - бельевой прейскурант мне был известен, после того как,купив ей третьего дня платье, я на всякий случай прикупил и соответствующей конструкции бюстгальтер, насмешив продавщицу тем, что размер изобразил движением, каким *там* лепят снежки.

- Извини, так получилось, - сказал я, обводя глазами незнакомые мне стены - на видном месте фото: бородатый человек, запечатленный единомышленником-фотографом, в момент кормления севшего на подоконник голубя. Наряду с подвешенной гитарой, гильзой, и. о. пепельницы, плакатом "В защиту Щаранского" этот трогательный кадр сообщал комнате черты молодежного стиля. - Очень милая квартирка, какая в ней планировка?

- Я, как последняя идиотка, сижу битых два часа,жду... Обещала Лере помочь...

- Лера	Мира-Мара-Мура	Геня	Рена
Вика	Ася	Гала	
Яна	Фира	Алла	
Муся		Тата	

- Лева, пусти, больно.

Сознавая даже количественное несоответствие своего объяснения ("так получилось") почти двухчасовому опозданию, которому в действительности имелись более чем веские причины, я испытал, именно в силу этих невысказанных причин, раздражение против Ивановой, сопровождавшееся в придачу притоком мускульной энергии; пока первое сублимировалось в декламацию новейших святцев, второе было приложено к ее слабому левому запястью.

- "Лева, пусти, больно..." И часто тебе Ле-ва выкручивал руки?.. Ле! Ва! Ле! Ва! Ле! Ва! Ле! Ва!

При пятом выкрике этого имени - так зрительный зал требует *из-под земли* достать полюбившегося Лё!.. - резиновые шлейки лифа, бывшие мне за поводья, с треском оборвались... Потом,осыпая звонким, полновесным поцелуем ее ноги - норовя схватить губами воспаленную косточку - я с таким же остервенением выкрикивал: - Лю! Блю! Лю! Блю!

Дэмон

Тебе принес я в умиленье
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье...

То ли луковичка, то ли репка,
Коли любишь, то ли любишь крепко...

- Чудо ты мое, чудило, - сказала Юля в ритуальном умиленьи (молитва принялась), запуская пальцы в мои консервативно уложенные волоса. - Ну, давай же, вставай.

- Ты на меня не сердишься?.. Я знаю, я нелегкий человек.

- Вставай, ты мой нелегкий человек. Посмотри,что ты мне наделал. - Два желтых хвостика с металлическими бантиками болтались у ней за спиной.

- Пустяки, все снимай. Смотри, что тебе шлют саламандры.

- Сала... ах! Спасибо... Ты хочешь, чтобы я это сейчас надела? А это что? Лифчик!? Ну, ты даешь. Ты что,специально...

- Примерь. Я не знал твоего размера. - Мне удалось возродить в наших отношениях дух Эдема до грехопадения. Юлия,как потомственная идолопоклонница, в вопросах пола была куда восприимчивей евреек (тысячелетиями не ведавших астартизма, но также и мужниных побоев) и посему, когда хотела - когда родина приказывала - легко меняла свой сельскохозяйственный пуризм на деревенское бесстыдство. Нутром чуя, что от нее требуется бытовой стриптиз, она переодевалась на моих глазах с непринужденностью профессиональной натурщицы; другая, родная, если б и решилась, напустила бы на себя такой обольстительности, словно по этому предмету брала уроки у собственной бабушки - идеал: почтовая карточка "Сиротка", девушка в рваном до пупа платье.(А на обороте надпись от руки: "Бедная просит подаяния, а я, бедный, обезумел от Вашего очарования". Глупая рука! Это все, что от тебя осталось на земле.)

- Ну как? - спросила Юля, обращаясь к моей голове в глубине зеркала.

- Для начала недурно.

- Я так и пойду?..

- Ну, конечно. Юля?

- А?

- Мне жаль тебя отвлекать от твоего отражения, но все же повернись на минутку.

Встревоженно: - Что-нибудь случилось?

- Да. Вероятно,ты не заметила, но я только что признался тебе в любви. В век наших бабушек - который я чту и тонко чувствую - признание в любви было равносильно предложению.

Затяжное молчание. Я жду безропотно: в таких случаях на ожидание и жизнь кладут. Юлия же Николаевна ждет наводящего вопроса, боясь вынести решение не по существу - а что если это была всего лишь историческая справка о нравах *моих* бабушек. Так вот мы оба и ждем.

- Хорошо, - вышла из положения Юлия. Теперь либо мне следовало от счастья сплясать вприсядку, либо ей, выдержав паузку, как ни в чем не бывало добавить: "Пошли". Я честно сплясал на уровне ее колен, но она - как ни в чем не бывало добавила: - Пошли, мы об этом еще поговорим.

- Пошли, - уныло отвечало эхо. - А то бы еще сегодня объявили о свадьбе.

- Хорошо...

- Нет, скажи: хорошо, я согласна быть твоею женой.

- ____________ " ____________

- Я тебя тоже люблю.

- ______ " ______ - хоть и после мгновенного колебания. - Леш, честное слово, нам пора идти, некрасиво получается... Леш, любимый мой...

В Лере, выказавшей обиду, насколько ей позволяла гордость, я бы ни за что не признал ни Стеганой спинки, ни Слюдяной нищенки - вот чего стоит взгляд, брошенный украдкой и пристрастно. Лера, низкотазая упитанная еврейка с маленьким носиком, маленькими некошерными глазками и ровной проседью в черных кудрях,была воплощением прогресса в решении женского вопроса: часто и по любому поводу упоминала, что ее муж *Вика* ее "бросил". Она полагала, что назвав вещи своими именами, как бы сама "бросает" вызов обществу в лице собеседника. - Вот такие пирожки, мой милый доктор. А чтобы мы с моей *Яной* не сдохли с голоду, херр Баранчик посылает нам арийские марки из (губки пестиком) Нюринберега, где у него уже чуть ли не своя клиника. Как видите, он вас даже обскакал.

- Этого не может быть... Однако... Вика Баранчик,он не учился в первом медицинском в Ленинграде? Такой рыжий урод в ортопедической обуви. Скажите, правду говорили, что у него шесть пальцев на ноге? Если это он, то ваше счастье, что он вас бросил. Редкий болван.

Затем я обменялся рукопожатием с *Мусей*,представителем еврейства Буковины, позванным только из добрососедства (он жил в том же доме, что было Лерой неоднократно подчеркнуто).

Трио *Мир-Мар-Мура* оказалось неодушевленным собранием "Янечкиных буб", сшитых и разрисованных Янечкой и ее мамой собственноручно. "Познакомьтесь, это Мира, это Мара, это Мура", говорилось гостю, и тот знакомился.

Дородная *Ася* была в прошлом учительницей украинского, и по крайней мере у нее не имелось проблем с произношением буквы ה.

Фира, седовласая матрона в брюках, на мой вопрос об отчестве еще раз повторила: "Фира",и с мягкой улыбкой пояснила: "Здесь ведь не принято". Если социальный протест ее дочери выражался в "назывании вещей своими именами", то ей,"коренной ленинградке", страдающей в Израиле от "недостатка культуры", нравилось подчеркивать свое жертвенное смирение перед местными порядками. "Я скоро уйду, - сказала она кротко, - я только Янечку пришла проведать", и не ушла, к плохо скрытой Лериной досаде.

Геня и Гала, примерная чета из Вильнюса, целый вечер просидели на диване, предаваясь созерцанию своих бокалов, из которых они отпивали скупо и синхронно. Когда Муся, состоявший при пластинках, завел "Черемшину",на их лицах одновременно отобразилась слабая форма музыкального волнения (быть может, их соната Вентейля?).

Оставались *Алла,* придворная виолончелистка в оркестре п/у г-на, чей первый слог, как было сказано, мета моему рукоделью, говорившая почти не разжимая губ и в силу чрезвычайной эксклюсивности пришедшая с таксой *Татой,* да еще барышня *Рена,* голубо-

глазая брюнетка - эта держалась особняком, задумчивость была ей подругой.

- Здорово ты ее, - сказала Юля,когда Лера отошла, и поспешно прибавила: - Любимый мой (пеон любви).

Спустя несколько кадров (Алла милуется с Татой, Муся чарльстоном прошелся по комнате)...

- Я сейчас объявлю о нашей свадьбе.

- Как объявишь? - испугалась она.

- Очень просто, приглашу всех, мы же договорились сегодня объявить.

- Но я их совсем не хочу.

- Не хочешь позвать своих друзей?

- Это не мои друзья.

- Других тоже позовем, места хватит. Я сниму самый лучший зал.

- Зал? Что за кишинев, кто теперь делает свадьбу в зале?

- Те, у кого есть на это деньги... нет-нет, это даже не подлежит обсуждению. А если ты боишься насмешек тех, других твоих друзей, то вспомни Моргалиса...

- Леша...

- ...каким он был паинькой...

- Погоди, Леша...

- Юля, доверься мне и увидишь - я верну тебе корону,которую Горнфельд своей вероломной смертью сорвал с твоей головы...

- Леша, тише.

- Нет, нет, наоборот - громче!.. Господа!.. Дамы и господа! Я прошу минуту внимания! Одна из присутствующих дам, - глубокий поклон в сторону готовой сгореть со стыда Юлии, - одна из присутствующих дам сделала меня сегодня счастливейшим из людей,согласившись стать моей женой. Как сказано: ликуй Израиль, веселись дщерь Сиона, пала твердыня языческая. Друзья, все вы будете дорогими гостями на свадьбе, как говорится,и стар и млад.

- Что ж, любовь да совет, - сказала Фира под аккомпанемент одиноких Мусиных ладушек. Прочие неприлично молчали. Что-то почувствовав, Муся также прекратил хлопать и недоверчиво спросил:

- А как я об этом узнаю?

- Вы мне напишите, по какому адресу прислать приглашение. И все, все, пожалуйста, без стеснения - только адрес и имя.

- Ну, какое уж тут стеснение, - сказала Лера,решительно подошла к Юле и поцеловала ее. - Ну,Юлька,будь счастлива. - А потом ко мне: - Поздравляю, мой адрес у вас есть.

- Лерочка, осторожно, - удержал я ее и горячо зашептал на ухо: - Осторожно, Лерочка, я читаю мысли, и вы совершенно правы: пусть сама расхлебывает, чего вам вмешиваться.

- В обществе секретов нет, - сказала Фира.

- Что он тебе сказал? - спросила Юля, видя, как наливаются щеки у подруги.

- Я рассказал Лерочке свой самый неприличный анекдот.

- Фу, не люблю анекдотов, - сказала Фира.

Мало-помалу мой блокнот заполнялся адресами: Рена, Ася... Геня, хотя свой адрес и дал, но с совершенно непроницаемым видом предупредил, что они навряд ли смогут прийти вдвоем - не с кем оставить ребенка.

- А вы втроем, с маленьким.

- Что вы, она у нас такая бандитка, - возразила Гала. Эти литваки и не думали принимать сомнительное приглашение, прайсы бессильны перед миснагдим (и перед сигуранцей).

Алла с Татой также не изъявили желания погулять на свадьбе.

- А вы что же?

- У меня заграничные гастроли, - чревовещательно сказала Алла.

- У, бедная Татка, - сказал я, - что с нами будет.

В углу, где имел место жиденький а ля фуршет - преобладали напитки, среди которых, как охотники за деревьями, прятались от прожорливого гостя микроскопические бутерброды и лежал плоский солитер в колечках лука - жених спаивал свою невесту.

- И арфа в каждой есть руке. - С этими словами я отобрал у ней лишнюю вилку.

- Чо?

- Так, вспомнил какую-то второразрядную пошлость - ничо.

- Лешечка, я никогда не думала, что выйду еще раз.

- Ну, плакса-вакса...

- Это я так, Лешечка, не обращай внимания.

- Как же я могу не обращать внимания на слезы геверет Прайс?

- Геверет Прайс? Я у тебя уже геверет Прайс?

- Ты хочешь, чтобы я стал Иванов?

- Н-не, иксключается. - Вот тут-то и следовал монолог о "неправильных" фамилиях, таких как Гозман, Капитайкин, Нефедова - с удаленной согласной; о фамилии-крючке - с которого сорвалось - Ива́нов, что Юлии в общем-то было уже совершенно до френи, но д-р Пайс, человек х-ключительно честный, сдерживал данное читателю обещание - паисенький доктор!

В другой части комнаты присходил интересный разговор - своеобразный парафраз Макавеева, политизировавшего порнографию. Тон задала "взрослая" Рена, прервав вдруг свою задумчивость такими словами:

- Все арабы онанисты, я сама это много раз наблюдала.

- Странное, мягко говоря,наблюдение, - сказала Фира. Но меня пленила Лера.

- Ничего странного, мать. Не меряй всех на свой аршин,ты не в их вкусе.

Геня (головастый виленчанин): - Если б еврейский гений додумался создать на территориях разветвленную сеть публичных домов с льготным тарифом для особо лояльных, палестинская проблема исчезла бы за ночь.

- Только на территориях? - спросил у ев. гения Муся и захохотал.

- Этого нам еще не хватало, - сказала в свою щелочку Алла. А профессор Нерон, здесь не присутствующий, по аналогичному поводу сказал: "На всю русскую литературу хватило бы одной хорошей нимфоманки".

- Лерочка, Юле, по-моему, нехорошо. Мы, пожалуй, пойдем.

Лера окружила подругу своей заботой - очень концентрированной, как и всякая забота, простирающаяся от вешалки до двери.

- Юлик, ты чего?

- Лерка, я напилась, слышишь?

- До свидания, Лерочка, счастлив был познакомиться.

- До свидания... Ну, смотри, Юлик.

Ах ты, Юлик.

- Ну, смотри, Юлик, - сказал я,когда мы заковыляли по лестнице эдаким неловким кентаврам, чуждым человеческих навыков. - Смотри, проказник, себе под ножки.

Перед каждым маршем мы липко, по-пьяному, целовались и, что называется, обжимались. Если кому интересно познакомиться с дочерьми Лота, то извольте: уже раздевши ее и сам раздевшись - и уже близкий к крайней степени чувственного восторга, я крикнул ей:

- Ты моя шиксалка!

- Чио? - Казалось,совершенно впавшая в бормотанье,она вдруг посмотрела огромным, как у коня, глазом. Я стал что-то объяснять: "Das Schicksal,судьба", но она меня не слушала.

- А ты моя шиксалка, - повторила она несколько раз, обхватывая навалившуюся на нее дочь Лота и одновременно засыпая (этой ночью у Лота было много дочерей:

Лера	Мир-Мар-Мура	Геня	Рена)
Вика	Ася	Гала	
Яна	Фира	Алла	
Муся		Тата	

Наутро, осознав, что физиологически является моею женой, Юлия Иванова почувствовала себя передо мной чисто по-женски очень скверно - не тем вином была пьяна, все испортила... Я не разубеждал ее (и не дал исправить ошибку).

- Юля, вставай, у нас много дел: раввинат, потом надо пойти к моему адвокату...

- Ты на меня сердишься? - говорила она в надежде быть опровергнутой. Опровержение, хотя и не заставляло себя ждать, было таким формальным и вялым, что ей ничего не оставалось, как со вздохом констатировать: - Ты на меня сердишься. - Я же только сурово на нее глядел. - Ну, Леш...

- Я же сказал, что не сержусь.

- Так не говорят.

- Возможно, но я сейчас не могу говорить по-другому.

- Ты сердишься.

- Ты несносна. Ладно, вчера я не хотел тебе говорить, ты бы не пошла в гости, а это был наш первый выход... Юленька, родная моя, вчера, помнишь, я опоздал - я получил сообщение о смерти моей матери. Она и ее брат - их самолет врезался в гору, когда они летели к нему на ранчо.

- Лешка! И ты пошел к Лере...

- Я не хотел портить тебе вечер, а себе я сказал,что иду на поминки... Вот видишь, как бывает.

- Лешечка, как же это...

- Наверное, так... - Моя ладонь спикировала в бельевую кручу.

- Может, ты должен съездить туда?

- На могилку? - криво усмехнулся Леонтий Прайс. - Нет могилки. Их не нашли... У меня в брюках лежат сигареты, дай,пожалуйста.

- Ты разве куришь?

- Да, со вчерашнего дня.

Мы выкурили по сигарете и потом долго сидели в постели обнявшись, как целых две сиротки (из бабушкиной фотоколлекции).

- Юля, - сказал я.

- Что, родной? - с готовностью откликнулась она.

- Я хочу поговорить о нашем с тобой журнале. Он должен действительно быть независимым - ты должна взять на себя его издание, пусть все эти Миды и Куки катятся к черту вместе со всей этой продажной сволочью, которая его узурпировала.

- Но, милый, это невозможно, ты сам не знаешь,что говоришь.

А теперь прочь, саламандры жизненной достоверности,саламандры прозы и скрупулезно выписанных деталей! Ты же,саламандр широкого мазка, покровитель художеств под горячую руку - приблизься! Сейчас мы уведем у нее журнал. Пусть будут с тобой саламандр ловкости и саламандр притворства, а саламандра низости,пожалуйста, не зови - нэ трэба.

- Я сам буду дотировать журнал.

- Это сумасшедшие деньги.

- Тебе не совсем известны мои обстоятельства,дорогая. Мы *сейчас* же едем к адвокату и оттуда в раввинат.

- Как скажешь,я вся твоя.

- Ты вся мое счастье - вот кто ты. Приготовь пока разрешение.

- Какое?

- Какое? Ришаён на журнал, разумеется. У тебя должна быть такая бумажка на имя Льва.

- Я не знаю, ребята разбирали его бумаги.

- Дай сигарету... Нет, постой. Где все лежит?

- Милый, может, позже. Ты сейчас немножко...

- Позже!? И в раввинат позже? И к адвокату позже? Значит так, свадьбу ты в зале не хочешь... Может,ты предпочитаешь свободный союз двух современных людей? Я ведь не знаю. Будем держаться за ручки и петь: нас не в церкви венчали.

- Лешечка, ну, пожалуйста, ну пожалуйста, не надо быть таким... Ты хочешь в зале? Хорошо.

- Да, я хóчу в зале. Я впервые женюсь. Так где же они?

- Что?

- Рибойно шелойлэм - бу. ма. ги. Ига муб. Ум баги. Уби гам. Ну, как еще сказать... Бум. Аги. Понимаешь по-персидски? Бу-маги.

У нее началась истерика с полукилометровым придыханием, но чтó - и это поразительно - сквозь истошный лязг голосовых связок мне удалось разобрать слова:

- Лешечка, успокойся, только успокойся.

Это было полным самоотвержением, такая в горящую йзбу войдет. Следовало ли мне по этому поводу принести воды? Нет-нет, иначе. Прозрачная весна над черною Невой сломалась, воск бессмертья тает, о, если ты звезда - Петрополь, город твой, твой брат, Боже, Господи, твой брат, Петрополь, умирает. Бог знает где! Слышишь? Пора отпустить меня домой! Начиналась улица (пустите!) у Пяти углов - ведь мы там снова сойдемся, правда? Нет го-

родов, в которые нет возврата. Город! Городорог! Знакомый до слез! Мойка 12! Мойка 12! Мойка 12!

...Услышал, наконец. Хлынуло. И всплыл Петрополь как тритон - уже вовсю обливаясь неподдельною невскою слезой, я едва успел выкрикнуть:

- Мать!

Глаза извергали стены домов и названия улиц.

- Мама! Ты была мне и отцом!

Наши зашедшиеся в плаче тела были достойны камеры неореалиста. Но вот вода сбыла, прижавшись один к другому, мы были опять *два* сиротки.

- Юленька, - позвал я тихо.

- Что, мой бедный?

- А где лежат Левины бумаги?

- В письменном столе, моя любовь. Все лежит в письменном столе - все на своих местах, ребята все привели в порядок.

- Я иду искать, слышишь? Время, время!.. (Нагнетание? Снова!?)

- Ну, конечно, посмотри сам, может, все и найдешь.

Рабочий стол Иванова, уже год почти не больше чем взлетно-посадочное поле для мух, хранил в своих недрах интеллектуальные окаменелости вперемешку со старыми квитанциями об уплатах, исполненными ностальгических сумм - если б можно было из сегодняшнего жалования оплачивать по этим вчерашним счетам! Вот образцы пород: июль 74 г. Ха-шмаль 34 лиры 5 ог. Москва предбальная (заметки на акт. темы Конспект). Москва - холодно. Израиль - жарко. У московской синагоги: крещенские морозы и галилейские розы (на щеках). Юная X. сжимает визу: мне кажется, я еду на первый бал. 120 лир уплачено в тфус "Мааян". Как мидасовы уши (зачеркнуто). Как из-под мидасова колпака, торчат из-под котелка этого недоучки, провокатора и шпика из охранного отделения (зачеркнуто) этого типичного недоучки-провокатора ослиные (зачеркнуто) дракуловы треугольные уши амановского анти (зачеркнуто) юдофобства, а посему (зачеркнуто) так что стоит ли нагромождать Пелеаса на Мелисанду (зачеркнуто) Пелеон на Оссу. Я вас любил любовью брата, а может быть, еще нежней. Пушкин полагает братскую - не братнюю - любовь недостаточной? Антихристианин? уплачено 83 лиры. "Ядаим зааав", инсталляция на дому.

- Юля!

- Да, дорогой, я уже бегу. Тебе полегче?

- Вот она... Ох, Юлå, знала бы ты, как мне тяжело.

- Я знаю.

- Ужасно тяжело. Я думаю, что сегодня мы пообедаем чем-нибудь рыбным.

эпиталама на смерть чиновника

Тå-рå Мир-Мар-Мýра Тå-рå Тå-рå
Тå-рå Тå-рå Тå-рå
Тå-рå Тå-рå Тå-рå
Тå-рå Тå-рå

- А теперь приложите вот здесь ручку, - сказал румяный старичок-адвокат, изъяснявшийся на том пряничном русском, который

усвоен русичами Харбина, Риги, Лодзи, в глаза не видевшими метрополии (а со временем будет отличать и зарубежных отпрысков нынешних героев-шестидесятников... ну скажем, от героев последней части этой книги). Иванова-Горнфельд "приложила ручку" к документу (по канону пряничного языка и в полном согласии с верованиями тех из моих бабушек, из-за которых урядники стрелялись из револьверов, применительно к женщине следует говорить не иначе как "ручка", "ножка", "головка"). Отныне мне принадлежали все права на издание журнала "Анахну кан", названного так по числу подписчиков, каковое равнялось числу участников одноименного танцевального коллектива. Будущая мадам Прайс отдавала их под залог любви и обязательства нести бремена издательские и прочие, буде таковые... Ей могло казаться, что она подписывает своего рода брачный контракт (только с налоговым уклоном). Такие понятия как "адвокат" и "раввинат" мне удалось в ее представлении взаимообусловить, благо само выражение "брачный контракт" напоминало в одинаковой мере и о раввинской хупе, и об адвокатской конторе. Про себя я решил, что пока примелькавшийся журнал предадут большому херему, я успею выпустить номера два,то есть напечатаю полностью "церасов", ну а там можно будет продать кабинет, потом машину, потом квартиру - а потом мы умрем, как сказал мой любимый писатель, прожив после этого на радость музам еще добрых четыре десятилетия.

День свадьбы - день судьбы. Гостей встречал только я - с Юлией мы еще накануне распрощались. Я стоял в дверях банкетного зала и приглашал всех подняться на второй этаж, где вовсю жарил Саня Патефон со своим оркестром. К обоим лацканам моего пиджака было приколото по белому цветку, из помещения по моему желанию вынесли все стулья и столы. Гости, вообразив, что попали в фойе, что где-то за закрытыми дверями стоят столы, по-светски группировались, кое-кто даже стал танцевать, побудив этим Саню Патефона в свой саксофон поддать жару (прости, Господи). Большинству приглашенных я был незнаком, и потому, из опасения обознаться, они избегали меня поздравлять, но зато усердно пихали мне свои "талоны на довольствие"; брали бы хотя бы пример с рекламных роликов западного образца: у одного пачка "Мальборо" невзначай торчит из заднего кармана, другая, увлеченная беседой, машинально взяла предложенную другом сигарету - пригласительный билетик можно продеть как счастливый трамвайный - в петлицу или в кольцо на пальце, он также может публично выпасть из сумочки, на худой конец им можно размахивать как прокламацией, горячо с кем-то споря в виду контролера. Но некоторые, заметив, что единицы - как-то: украинистка Ася, Моргалис, не посмевший уклониться - жмут мне руку с исключительным жаром, тоже начинали в директивном порядке желать мне счастья. "И вам того же желаю", говорил я в ответ.

Настоящим сюрпризом был для меня приход Леры - уж чио-чио, а ее приглашение должно было быть аннулировано по причине близости топической и иной с виновницей торжества. Стало быть, лазутчица?

- Проходите, Лерочка, Юля вас очень любит, она вас ждет.

Лерины глаза наполнились ужасом и состраданием ко мне. Однако шпионское задание, с которым она прибыла, не позволяло сим чувствам излиться открыто. Бросив взгляд на мою симметрично убранную цветами грудь, Лера прошмыгнула наверх. Не думаю, чтобы ее товарка, рассказывая ей о произошедшем, очень пыталась себя выгородить, женщины, хлебнувшие в этой жизни, бо́льшие реалистки, чем мужчины, и в задушевном общении цинически откровенны - прямо даже до наивного. Если так, то бывш. Стеганой спинке было известно все, а именно - что вчера я предложил Юлии познакомиться с моим психиатром. Хотя в настоящее время (объяснил я) я и излечен, во избежание рецидивов я все же должен раз в две недели наведываться в ТАЛЬБИЮ.

- Моего врача зовут доктор Чимабуэ - верно красиво?

У Юлии участилось дыхание. Она ничего не говорила,на вопросы отвечала, что называется,невпопад ("Вот в этом магазине я купил тебе лифчик, как он,не спадает?" "Нет,я ношу их с чулком"). Но потом успокоилась - решение было принято, единственно верное решение.

- Леша, подожди, пожалуйста, мне надо на минутку зайти в этот дом, там есть туалет.

Больше я ее не видел. Кабы я был умный, я бы сразу уехал домой, но я, как дурак, три часа простоял перед "домом с уборной" - и затем столько же перед ее домом. Изредка, разминки ради, я подымался по лестнице, чтобы "утопить сосочек": би-би-си.

Возвращение мое сопровождалось телефонным звонком. Ну-с... Пришлось дважды сказать "але", прежде чем трубка собралась с духом. Необходимое количество лицемерных вздохов, скромная надежда быть правильно понятой - сама-то только сегодня, видите ли, все поняла: как любит Льва, как не любит меня,какой ошибкой был бы наш краб.

- Нет, выслушай меня, - когда я попытался к чему-то там воззвать. - Не уговаривай меня, не разыскивай меня. Я сейчас еду в Бер-Шеву к друзьям.

- Но свадьба - люди же...

- На людей плевать, свадьбу постарайся отменить.

- А может, ты все-таки передумаешь и придешь завтра?

- Никогда.

Тут я решил, что комедию пора кончать.

- Ну и не надо. Я устрою свадьбу без тебя. Будет даже интересней, проклятая.

Вождями, сбирающимися на совет, прошествовали мимо меня члены редакционной коллегии моего журнала -

Удивлялся, глядя на этих героев, Приам
И их красоте и их могучему воинственному виду.

Вот Лео Кислик, лев рыкающий - рыжие космы (по рассказам Юлии, неоднократно покушавшийся на свою жизнь). Вот Илюша Козловский, "любимец редакции". Вот Галина Гениальная,недавняя дебютантка в прозе, ее повесть "Египетские ночи" отдельной книжкой вышла в казенном издательстве "Лия" и первоначально должна была называться "Белые ночи", но кто-то в последнюю минуту вспом-

нил, что под таким названием одну книжку они уже выпускали - "Белые ночи" Менахема Бегина - и пришлось Гениальной свою повесть переименовывать. А вот старый да малый - редакционный простофиля Нафтали Кайфман грядет под ручку с Нестором редакции, старейшим Борисом Бронхитовичем ("потом я лег на землю и сперва посмотрел на звезды"). Нату не удалось сразу увести старца на́верх, тот потом только поднялся, а сперва лихо сделал мне их-хо. "Вы, любезнейший,здесь,по-видимому, магистр бибенди, не подскажете ли, где будет свадьбихха..." И пока они удалялись, я слышал, как Бронхман говорил Кайхману:

- Магистр бибенди это их-хо-хо...

Уже сложивши с себя полномочия *привратнис* и пробираясь сквозь чащу гостей - редко выхватывая знакомого: Реночка..................Мусенька.................солнышко (Геня с Галой пришли-таки с "киндером") - я вдруг услышал: - А по-грузински, Толенька, это будет тамада.

"Ах, Таточка, здравствуйте. Вы одна? Аллочка, что ж,в турне? Да что вы! Грызла кость и сломала себе зубы? Это, к сожалению, не по моей части, тут нужен ветеринар....................Лера!" "Вы ненормальный". "Молчи, никому об этом ни слова". "Что вы собираетесь делать?" "Гм... пожалуй, сперва обольюсь керосином, а после себя подожгу". "Послушайте,Леня..." "Меня зовут Леша,и мы с вами незнакомы.....................а знакомы мы вот с кем - Зеев! Зеев!" Моргалис взвился под моим окриком.

- Поздравьте меня, Зеев, снова, давайте поцелуемся... еще разик... еще... С вами приятно целоваться.

- Помилуйте, - сказал Моргалис, наигранно бася. - С Юленькой, наверное, приятней, à propos, где она?

- Тсс! Она на кладбище. Сегодня ведь годовщина, как вы угробили Левиньку... простите, мне нужна как раз вон та дама..............Здравствуйте на вас. А ведь мы с вами знакомы.

- Да? - дама изобразила приятное изумление.

- Да, представьте. Ровно год назад я отвозил в починку вашу босоножку, ну, вспомнили? Я тогда еще принес рукопись первому мужу Юлюшки.

Так, вальсируя с каждым помаленьку, я добрался до того места, где стоял Патефон.

- Гости!.. (Саня, они меня не слышат, дайте мне микрофон. - У Сани что-то творилось с лицом: один глаз, одна бровь, два носа, два рта, одно ухо и две головы. - А?.. - Саня оторвался от джазового дайджеста с Рэй Чарлзом на обложке. - На...) Гости! Вы пришли на свадьбу. Это свадьба нового редактора со своим журналом. Да тише вы, гости. (Послушались.)Поскольку журнал, о котором речь, был до сего времени связан с госпожой Ивановой как символически, так и *юридически*, что не всегда учитывалось, решено на один вечер переименовать его из "Анахну кан" в "Юлию Иванову". Многие успели полюбить "Юлию Иванову". Кой-кому даже хотелось бы сейчас оказаться на моем месте и самому сочетаться с нею законными узами. Увы мечтам, взаимностью журнал ответил только мне. Похлопаем... почему же никто не хлопает, ваши подарочные чеки ведь остаются при вас... (ропот, рокот, робот пришел в движение).

"Понимаю, друзья, понимаю. Вас волнует,где же реальная Юлия Иванова, почему ее нет среди нас. Может, я ее убил? Эй,кто сказал "полиция"? Если вам неинтересно, можете уйти - нет,нет,только не вы, господин Маргалит, если вы попробуете смыться, вы об этом горько пожалеете. А полиция здесь ни при чем, я никакого преступления не совершил - никого не ограбил и госпожи Ивановой не убивал. Это она сама сейчас где-нибудь убивается. Муж у нее, понимаете ли, в прошлом году помер. Как раз в двенадцатый день тебета, у нее, понимаете ли, сегодня ёрцайт... А у меня наоборот, день рождения. Так совпало, значит. Мы действительно вначале предполагали отпраздновать сразу две свадьбы, мою с журналом и мою с ней. Но после того как мой дядя в Штатах Благоденствия оставил мне все свое состояние, сделав меня, быть может, самым богатым человеком в Израиле... (массированный вздох),второй из предстоявших браков был бы - согласитесь - непростительным мезальянсом.

"Но как зато выиграла наша с вами "Юлия Иванова",дорогие читатели. Какие горизонты открылись перед ней, сколько новых интересных материалов может быть привлечено теперь,когда отпала нужда постоянно сверяться с культур-политикой тех или иных ведомств, время от времени подававших нашей независимой побирушке копеечку. Я спешу поделиться с вами, мои хорошие,некоторыми планами на будущее. Ближайший номер "Юлии Ивановой" будет всецело посвящен публикации первой части романа Леонтия Прайса - то есть жениха журнала, - где повествуется о жизни гомосексуалистов в древней Атлантиде. Эта часть носит название - трудно поддающееся переводу - "Ойсгекакте боймер" и состоит из пяти глав: "Жизнь Онå", "Жизнь Дона", "Жизнь Трона", "Жизнь Фрона" и "Моя жизнь". Краткий пролог "Цвишн ям унд штерн", что значит "Между морем и звездой", сюжетно вводит вас в один из замкнутых миров доктора Прайса. Вы увидите, как, презрев спасительную помощь нравственно-бытовой аналогии, автор, словно злой демон индийской мифологии, надменно создает свою собственную вселенную. Цитирую по книге Ирмы Люге "Психология искусства" - СПб 20** г. Пер. с нем.: "Это была как бы абсолютная новизна абсолютно иной планеты, где перекрыты кислородные краники испытанных приемов и царит тотальный ужас первопознания - тотем, тот, тоталис".

"В том разделе "Юлии Ивановой", где под рубрикой "Критика и библиография" обычно печатаются сфабрикованные письма читателей и всевозможные Я.Я. и Ю.Ю. щебечут о наших смычкåх и кисточках, я напечатаю все, что думаю о некоторых г. г., бывших ранее членами редакционной коллегии. Мне поможет в этом Зеев Маргалит, в прошлом поэт-мистификатор, а ныне моя правая ручка. Левой ручки у меня еще нет, но если госпожа Кофтун признает во мне своего нового Левиафана, то у нее, старой Марьи Искусницы, появится шанс. Все остальные получают по носу, и Кислик,и Кашлик, и Козлик, и "Идут на плазу три еврея" - побаловались робя,и будя. Робя и Будя - какие прекрасные человеческие имена. Я должен срочно внести их в текст. Робя и Будя. Я опускаюсь на колени, чтобы достать рукопись, которая все это время хранилась в большой картонной коробке, и душа ликует, посылая одно за другим, как ракеты с космодрома, слова молитвы.

- Господи! Пристало ли сразу столько благодеяний получать одному человеку? Довольно было б с меня того, что я молод, красив и здоров. Довольно было б с меня и того, что в руках моих ремесло, которое дает все, что потребно молодости, красоте и здоровью. Наконец, довольно даже и того золотого ливня, что на меня хлынул. Но ведь довольно было бы и одного - чтобы в великой милости Своей наделил Ты меня, немощного, нагого и безобразного, бесценным даром писать... Дай... дай...(сперва медленно, но все быстрей и быстрей):

Дай дайе́йну
Дай дайе́йну
Дай дайе́йну
Дайе́йну дайейну́ дайе́йну

Да, ВСЕ ЭТО ВРЕМЯ рукопись хранилась в большой картонной коробке, и душа ликует, покуда листок за листком я выбираю ее оттуда. Совсем рядом маячат две широкие белые полосы, если сосредоточить взгляд на этом ближайшем плане, то полосы, резко обозначившись, зашелестят золотыми волосками и на левой внутренней лодыжке выступит брусничная ягода. "Я тебе в который раз говорю (полосы соединились, еще две страницы: 116-я и 117-я), сходи к Скуркевичу, эти твои вечные простуды..." "Не смертельно..." Последние две страницы, полосы снова раздвигаются.

Взяв все, что надо, Прайс, стараясь не горбиться, вышел вон. "Я искала Нату подарок..."

- Что это должно было значить? - спросила Юлия у мужа, как только за Прэйсом закрылась дверь.

- Обыкновенная лернейская гидра. Прогоняешь одного, на следующий день приходят сразу три... Что-нибудь нашла?

- Да, комплект галстуков за полтораста лир. Семь штук, называется "Радуга". На каждом проставлен день недели: красный - воскресенье, оранжевый - понедельник...

- Так, - перебил Горнфельд, - можно будет еще где-нибудь сверху надписать: каждый охотник желает знать, где сидит фазан.

- Здорово. Какой ты, Левка, остроумный.

Зазвонил телефон, подошла Юлия.

- Мила, вас.

Кофтун прикрыла лицо жабкой недоумения... и стала тихо отпускать в трубку реплики вроде "я не могу сейчас об этом говорить", "поговорим позже" - и нескончаемая серия "угу".

- Мила, мы уходим.

- Погоди... - Кофтун прижала трубку к сердцу. - Лева, что передать Козловскому, если он снова позвонит?

- Чтоб завтра позвонил. Я уже больше не приду.

- Ушли, - сказала Мила Кофтун. - Ты какой-то удивительный, ей-богу. Как я могу тебе при них это сказать. Конечно, приезжай. Сегодня сюда уже никто не придет. Через два? Ну, хорошо, я жду. Запрем дверь, и всех делов.

Лев и Юлия на ходу утоляли голод фалафелями.

- И часто к Миле звонят мужички? - спросила Юлия, роняя огурчик, который Лев тут же подтолкнул к канализационной решетке.

- Не чаще чем к другим.

Супруги помолчали, пожевали.

- Что там у Лео с Анджелой, ты с ней говорил?

- Я? Почему я должен с ней говорить? Почему вообще с ней надо говорить?

- Левочка, вот увидишь, не пройдет и недели, как он снова повесится.

- И хрен... - Лева переиграл ответ: - Знаешь, моя дорогая, хочешь, я дам рамку: создание группы по спасению Лео Кислика, работа сдельная и круглосуточная. Ты знаешь, когда он вешался в первый раз? Козлик говорит, что в пять лет, на шнурке от соски.

- Козлик твой порядочное барахло, хотела бы я на него посмотреть, если б Лианочка прислала ему кассету с полным отчетом о своем ...дстве. Лева, а как по-твоему, на самом деле, зачем она это сделала?

- Ну, во всяком случае не потому, что она дура. То есть,что она дура, в данном случае роли не играет. Знаешь, сколько дур изменяет своим мужьям - и ничего такого, ничего даже отдаленно похожего не случается. Анджела верующая - в этом все дело, она мучительно ищет себе исповедника. Она, даже когда ходила получать ссуду в "Миквэ Исраэль", не снимала крестик.

- Не может быть, пусть не врет, уж если я снимала...

Супруги уходят, продолжая разговаривать.

Арабский мальчик (входит): - Ну, была - не была. (Скрывается в подъезде.)

Два солдата гаги (один в сандалетах, другой во вьетнамках, входят и тоже скрываются в подъезде).

Арабский мальчик (выходит, качая головой): - Не была (скрывается в другом подъезде).

Снова появляются *Лев* и *Львица*, из их разговора становится ясно, что они что-то забыли. Из дальнейшего разговора явствует, что Юлия забыла в редакции подарок для Ната.

- Так бы и уехали, - сказала Юлия. - Помнишь, как мы забыли визы в австрийском посольстве и потом бежали туда?

- Я помню, как ты́ забыла визы и как я́ потом бежал.

- Знаешь, Лева, побудь здесь, я сама схожу. Честное слово...

- Ап... ап... ап... - Нижняя губа у Горнфельда равномерно задергалась, глазки стали маленькими, как будто он вот-вот потеряет сознание, стрелочка в носу в последний раз вздрогнула, и он, вместо ответа, взорвался таким *ап-чхи!* что искры посыпались (прямо на Юлию, не ожидавшую такого исхода).

- Ну вот, на правду, - сказала Юлия, протягивая мужу бумажную салфетку, в которую тот стал отчаянно сморкаться.

- Ну, не так сильно... Как ты себя чувствуешь, у тебя температуры нет?

Лева потер ладонью лоб, потом понюхал ее.

- Ладно, иди. Я действительно какой-то такой. Голова чугунная.

- Может, не поедем к Нату?

- Ну вот еще скажешь. Иди, я здесь буду...

Из кафетерия на тротуар выезжает столик.

- Один двойной кофе, - сказал он физиономии, продетой кукольником сквозь палочную занавеску. Кукольник убрал руку. Лева со вздохом оттянул ворот свитера и покрутил головой.

- Дай, няня, мне перо, бумагу. - Перед ним, словно по волшебству, возник чернильный прибор и стопочка почтовой бумаги, украшенной вензелем *Т. А.* (Тель-авивская автобусная станция). Горнфельд достал ручку, вырвал листок из блокнота и стал писать.

Дорогая мамусенька!

У меня как всегда. Из битв в прессе, о которых я тебе писал, я вышел победителем. Ты даже не представляешь, что здесь творилось. Даже из телевидения приходили. Представляешь? ("Представляешь?" Иванов зачеркнул.) Знаешь, мне сегодня приснился сон. Как мы с тобой идем в ателье шить тебе пальто, такое синее с рыжим мехом, какое ты носила когда-то, причем это пальто уже на тебе *одето*, но его теперь надо пошить. Одно ощущение мне запомнилось очень живо: за окном мороз,а внутри жарко - нечем дышать. И вокруг мастерá ходят в серых халатах и с сантиметрами, которые туго-туго обматывают вокруг шеи. Помнишь Александру Сергеевну, ту, что жила как-то с нами на даче в Истре и всем отгадывала сны? Интересно, что бы она сказала. Хотя это как раз неинтересно. Вот я бы полжизни отдал (Лева остановился: полжизни он уже прожил, зачеркнул) многое дал, чтобы узнать, кто же устроил всю эту подлость. Ну,если б я мог узнать! Скажи Марье Иосифовне, чтобы больше не писала на конверте "Пушкинская улица". Надо писать "Пушкин-стрит". Здесь, конечно, и так найдут, но ведь большевики могут это принять за обратный ад...

Назад Юлия летела. Ей не терпелось поскорей рассказать мужу о том, как она накрыла Кофтун с Бухбиндером на месте преступления. Левка! Ты ни за что не отгадаешь, что сейчас... Левка! Если я тебе скажу, что сейчас было, ты умрешь - она примеряла свой рассказ на воображаемого Горнфельда, где-то убавляла, где-то прибавляла. Нет, ты только представь себе. Я подхожу, вижу в окнах свет. Ну, думаю, ай да Милка, последние штаны на работе протирает. Нет, нет, ты слушай, подымаюсь, звоню - тишина. Ну, решила, что мало ли, забыла выключить свет. Достаю ключ - и не могу открыть. Звоню опять, потом ногой стучу. Наконец открывается дверь...

Юлия была настолько переполнена происшедшим, что ничего не замечала вокруг: как у нее из-за спины вылетели на бешеной скорости два джипа, как следом за ними с воем пронесся "красный магендавид", потом другой.

...Открывается, значит, дверь. Милка стоит смущенная - не могу тебе передать. Вижу я, нет, ну как ты думаешь - сидит Бухбиндер, и они, значит, делают двадцать второй номер "Сионского обозрения". Как говорит Володька, на дорогую дружку. Он мне: здравствуйте, Юлечка, трали-вали, у меня, видите ли, композер сломался. Ну, как тебе это нравится...

Полет Юлии прервал темнокожий детина - "зеленый берет".

– Куда! Госпожа! Нельзя! – заорал он, по обычаю своего племени с полным ртом слюны. Очнулась Юлия, крылышки спали у ней с ног, также и окутывавшая ее мозг пелена – стала рассеиваться. И в один из образовавшихся прорывов – не то в этой пелене, не то в фигурах копошившихся людей – она увидела "столик". Струя воздуха такой силы ударила в перепонки ее гортани, что солдат, схвативший было ее за плечи, инстинктивно отдернул свои ручищи. На мгновение от Юлии все отступились, а она осталась стоять на месте, как страшное древнееврейское проклятие выкрикивая: "Баал! Баал!"

Чудом сохранилось письмо Горнфельда к матери. Копия с него по прошествии времени с Юлииной припиской была направлена адресату, подлинник же – передан тель-авивскому муниципальному музею. После слова "ад..." Юлия приписала: "Левинька ничего не почувствовал, только сверкнула молния".

Леонид Гиршович родился в Ленинграде в 1948 году. Учился в Московской и закончил Ленинградскую консерваторию. С 1969 по 1973 год работал в Симфоническом оркестре Ленинградской филармонии. В 1973 году уехал в Израиль. С 1973 по 1979 год работал в симфоническом оркестре Израильского радиовещания. Сейчас живет в Германии. Проза Гиршовича печаталась в израильских журналах, повесть "Перевернутый букет" вышла в 1978 году в Иерусалиме отдельной книгой. Публикуемая проза входит в цикл повестей под общим названием "Замкнутые миры доктора Прайса".

В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ

Только что из Ленинграда пришло известие: 23 декабря арестован Константин Азадовский, поэт и переводчик, германист, сын знаменитого исследователя русского фольклора проф. Азадовского. Константину Азадовскому 40 лет, он известен на Западе как составитель и автор комментариев книги "Пастернак и Рильке", вышедшей в Италии. В начале декабря у него был обыск, при котором изъяли архив погибшего фотографа М.Балцвиника – материалы по неофициальной ленинградской культуре. Теперь он арестован по смехотворному обвинению: новый обыск якобы обнаружил у него наркотики. Обысканты не озаботились даже отдаленным правдоподобием, да это им и ни к чему. Нас не удивляет, когда советские власти действуют как налетчики. Нас скорей удивляет, когда они этого не делают. Но пусть знают ленинградские майоры – или как их там: у Азадовского много друзей во всем мире, и эти делом они испортят себе несколько блестящих гебешных карьер.

Редакторы

Арест Константина Азадовского, как любая подобная акция по отношению к деятелю культуры, свидетельствует об определенной закономерности: это результат общего невежества, но и стремление стабилизировать это невежество, ибо только невежество гарантирует устойчивость власти. Более того, речь идет даже не о власти в целом, а об органах госбезопасности, стремящихся навязать населению впечатление, что главной категорией существования является зависимость от них, что именно они распоряжаются существованием. Подобное восприятие действительности возможно только в обстановке отсутствия культуры, ибо всякая интеллектуальная деятельность в принципе ставит под вопрос авторитет власти.

Иосиф Бродский
Нью-Йорк (по телефону)

Владимир УФЛЯНД

РИФМОВАННАЯ ОКОЛЕСИЦА

о богатыре голе воянском в продолжение трех лет и одного месяца от своей супр уги в поле гулянском направленная прот ив пристрастия к пьянству которое один аково отвратительно как рабочим так и крестьянству было это во время старое а не наше записано автором со слов пег аша любимого стихотворцами коня крылат ого закончено в марте месяце года тыся ча девятьсот восьмидесятого

РАЁК а не на дону а в избе на дому бились баба с мужиком по мелом и кушаком бились милый с дорогóю утюгом и кочергою прибег али чрез дорогу к ним соседи на подмогу мухи бабочки слетались мы ши крысы в пол скреблись разнимать бойцов пытались только сами подрались

ПРИСКАЗКА ловко ловко только и делов то

РАЁК прискакал на поле брани рыжий клоп на таракане он всех разом побивал бочку с квасом проливал только сам он в этой сеч е отдал жизнь свалившись с печи растянулся на земле захлебнулся в киселе кто в трубу трубит кто в углу храпит клоп диваныч гляд я на ночь лежит до смерти убит кто гостей костит кто в кулак св истит молодой такой покойничек под лавочкой грустит

ПРИСКАЗКА ловко ловко только и делов то

РАЁК как на этот на бой из под бабьих передников выезжал бо гатырь фома свет беренников беренников фома комаринский мужик любитель выпить задарма охоч до жен чужих выезжал он верхом на чугунке печном да проломили ему голову пшеничным блином с той п оры фома беренников без памяти лежит а жена его сон покой сторо жит зовут жену пирогея о здоровьи мужа радея в изголовьи сидит с помелом как проснется фома получит поделом

ПЕСНЯ ПИРОГЕИ ох не прощу себя саму что вышла замуж за фому меня он скрыв что хлещет водку увел урод увел урод увел у родич ей молодку на звонких гуслях он играл и под окошком глотку драл

маня в лесу искать грибочки дарил мне пес дарил мне пес дарил м не пёстрые платочки он иногда не выражался и на ногах порой дер жался меня встречая у берез был поразит был поразит был поразит ельно тверёз зато как только он женился так в тот же час переме нился нажрется до смерти спиртного с утра подле с утра подле с утра подлечится и снова эх чтобы пьянствовать отвык он свяжу ег о моченым лыком и положив на лавку боком не дам скоти не дам ск оти не дам скотиться ненароком

ФОМА что то в толк не возьму где я

ПИРОГЕЯ в избе

ФОМА а где супруга моя пирогея

ПИРОГЕЯ вот я

ФОМА а как я на сундуке оказался вроде заснул вчера под ска мьей

ПИРОГЕЯ а ты еще пуще бы нализался

ФОМА и так уж хватит свинья был свиньей в голове гудит ни с есть ни встать

ПИРОГЕЯ надо побольше бражки хлестать умойся да жри

ФОМА а нельзя ль для поправки скляночку лечебного настоя зв еробойной травки

ПИРОГЕЯ похмелиться

ФОМА да нет только так тоску развеять

ПИРОГЕЯ а кто будет пахать да сеять

ФОМА ну хоть рассольцу или кваску

ПИРОГЕЯ я тебе сейчас ухватом развею тоску вы только на нег о поглядите каждый день в невменяемом виде лишь бы стакан за ст аканом дергать что сивуху что скипидар что деготь каждое утро п о новой затевает глаза бесстыжие свои заливает и как его дармое да от водки от этой не разорвет

ФОМА постой вроде кто то меня зовет

ПИРОГЕЯ да кому ты нужен

ФОМА может мужики соседи пахать зовут в поле

ПИРОГЕЯ да соседи еще как один лежат с перепоя

ФОМА значит это ржет мой верный конь пегашка тоже пить захо тел бедняжка

ПИРОГЕЯ ты куда урод проклятый

ФОМА так ить надо коня напоить до колодца с ним отлучуся и мигом назад ворочуся

ПИРОГЕЯ сбежал таки идол мой окаянный неужто опять воротитс я пьяный

РАЁК фома верхом на коне болтается верный пегаш под ним с б оку на бок шатается неделю не кормлен не поен волкам на мясо и то не годен кожа да кости да две пары копыт сам фома нечесан не мыт в исподних портках и в рубахе да в зимнем треухе как убегал второпях от своей он старухи тулуп внакидку а сам босиком комар ы да мухи за ним косяком

ФОМА что ты пегаш мой верный качаешься не оттого ли ты бедн ый печалишься что не похмелялись мы по утру

ПЕГАШ тпру ты уж фома прости не могу я тебя дальше нести р укою ногою не двинуть видно пора мне копыта откинуть

ФОМА погоди спешить дай мне в тулупе поворошить погляди ка верный пегаша чем сейчас мы подлечим здоровьице наше

ПЕГАШ бормотуха

ФОМА а на закуску хлеба краюха ну поехали

ПЕГАШ за здоровьице что ли

ФОМА за него ты пожуй хлеба соли ну как

ПЕГАШ ох хорошо прямо хоть пляши трепак

ФОМА по второй пропустим сначала

ПЕГАШ а теперь окончательно полегчало

ПЕСНЯ ФОМЫ эх пара пара пара па рассейски люблю повеселитьс я я с утра а баба мне пахать велит злодейски эх под угрозой топ ора у нее такие стати что трещат под ней полати я с ней спорить не могу я из дома убегу

ПЕГАШ гу гу гу гу

ПЕСНЯ ФОМЫ я тара тара тара тарапливо за пивом собираюсь по утрам а баба заставляет сеять ниву ходя за мною по пятам

ПЕГАШ там там там там

ПЕСНЯ ФОМЫ лучше пусть убьют татары чем вернуться мне домой сдаст супруга стеклотару и останется вдовой

ПЕГАШ вой вой вой вой

ПЕСНЯ ФОМЫ лучше пусть убьют татары чем вернуться мне домой тары бары растобары будь родимая вдовой

ПЕГАШ одно только худо едят меня проклятые мухи

ФОМА тоже хотят видать бормотухи вот я их сейчас треухом ай ай ай пегаша лежит кверху брюхом он сердечный не пивши давно ос лабел а я неосторожно мух бивши промежду ушей задел пегаша очни сь хватит валяться еще не кончили мы похмеляться да на кого ты меня покинул да на что внезапно копыта свои белы откинул у меня для тебя сиротинушка есть в запасе еще четвертинушка буль буль буленьки жив родной

ПЕГАШ жив

ФОМА так дернем еще по одной

ПЕГАШ а ты мужик не промах три десятка слепней убил почитай

ФОМА тридцать три не веришь сам посчитай а еще без счета ме лкой силы мушиной

ПЕГАШ точно тридцать три на мне волдыря

ФОМА зря меня супруга обзывает слабосильным мужчиной

ПЕГАШ ты фома беренников вроде богатыря

ФОМА ай да мы одним махом тридцать три крупных врага побива хом а еще то мелкой силы вражьей без счета

ПЕГАШ тебе бы еще маленько ума и был бы ты богатырь фома ве рно я или нет говорю

ФОМА да разве такое имя годится богатырю был я фома бере нников мужик комаринский сын крестьянский а отныне я богатырь г оль воянский

ПЕГАШ ясно что голь портки и рубаха рваные поперек и вдоль

ФОМА это боевые ранения

ПЕГАШ получены в состоянии опьянения

ФОМА ты меня уважаешь

ПЕГАШ уважаю

ФОМА тогда изволь величать меня богатырь воянский голь

ПЕГАШ так тому и быть

ФОМА надо это дело обмыть

ПЕГАШ раз ты теперь богатырь ты и добывай очередную бутыль

ФОМА вставай поехали

ПЕГАШ можно

ФОМА да ты встал как то криво спереди хвост а сзади грива

ПЕГАШ что нибудь одно или я уже окончательно окосел или ты на меня неправильно сел

ФОМА ладно сойдет только чур не качаться

ПЕГАШ договорились рысью прикажешь аль скоком помчаться

ФОМА мчись вовсю пусть видит народ славянский что едет сил ьномогучий богатырь голь воянский

ПЕСНЯ русь земля раздайся вширь едет славный богатырь чтоб с врагами воевать он обязан выпивать он на зорюшке встает ровно в пять часов утра полведра настойки пьет или пива два ведра а п отом кричит поет и врагов наотмашь бьет если он не будет пить о н врагов не сможет бить коль не дашь ему вина будет жизнь твоя бледна ну а кто ему поставит он того в живых оставит будет креп ко лобызать петь с ним вместе и плясать

ФОМА мы богатырь голь воянский никого не боянский одним мах ом тридцать три богатыря побивахом

ПЕГАШ стой погляди кто там у камня придорожного

ГОЛЬ ВОЯНСКИЙ БЫВШИЙ ФОМА БЕРЕННИКОВ никак представительниц ы пола противоположного да еще какие фигуристые хоть и в штанах а лица белые и румяные эй бабоньки разрешите с вами познакомить ся

ОДНА КРАСАВИЦА а ну валите отсюда хари пьяные

ДРУГАЯ КРАСАВИЦА а то врежем так что навек запомнится

ПЕГАШ простите а вы кто собственно будете обожаемые красотки

ТРЕТЬЯ КРАСАВИЦА мы богатырь девицы по прозвищу амазонки

ГОЛЬ спроси что они тут делают втроем

КРАСАВИЦА богатырских коней крадем

ПЕГАШ не желаете ли и меня украсть своей ручкой прелестной

ВТОРАЯ КРАСАВИЦА не желаем очень уж ты тощий и облезлый

ГОЛЬ а что фармазоночки не прогуляться ли нам вместе в сосе дний лесочек

ПЕРВАЯ а в глаз не хочешь

ГОЛЬ оставьте хоть адресочек

ВТОРАЯ на что он тебе

ГОЛЬ буду искать вас сгорая от страсти

ТРЕТЬЯ ищи нас за тридевять земель в тридесятом государстве

ПЕГАШ иностранки значит

ГОЛЬ догоним

ПЕГАШ догоним коли друг друга по дороге нечаянно не уроним

ГОЛЬ мы богатырь голь воянский никого не боянский одим махо м тридцать три богатыря побивахом а мелкой силы без счета требу ю уважения и почета кто не поставит мне четвертинку готовься к смертному поединку пегаша зачем упали что случилось родимец

ПЕГАШ да на самой дороге шатер поставил невесть какой прохо димец

ГОЛЬ а вот я сейчас из этого разэтого шатра сделаю решето

ПЕГАШ ты что погляди какие чудеса там в середке

ГОЛЬ ух ты калачи семга икра грибки огурцы селедки неужто э то не сон

ПЕГАШ выпивон закусон на двенадцать персон сейчас напьемся и наедимся

ГОЛЬ садимся и налей мне вот из этого штофа

ПЕГАШ погоди здесь какая то грамота а на ней славянскими бу квами написано что то

ГОЛЬ что

ПЕГАШ да что то не очень хорошее

ГОЛЬ читай

ПЕГАШ ЧИТАЕТ ГРАМОТУ многоуважаемые прохожие кто тронет наш е вино и закуску не дадим никакого спуску будем бить пока не от валится голова подписи богатыри могучие еруслан чурило бова пос тскриптум живым во всяком случае не отпустим что будем делать

ГОЛЬ выпьем и закусим

ПЕГАШ а вдруг вернутся ребятушки

ГОЛЬ пошлем по матушке

СКОМОРОХИ ох богатырь воянский голь тебя погубит алкоголь н е настолько ты хитер чтобы лезть в чужой шатер своей смерти не ищи вино чужое не хлещи

ГОЛЬ И ПЕГАШ продолжаем наливать на последствия плевать про должаем выпивать на последствия плевать эй скоморохи у вас дела види мо плохи отчего у вас такие постные лица давайте сюда будем вес елиться на каждого певца бутылка винца на каждого плясуна бутыл ка вина пьем до дна смерть все равно одна

СКОМОРОХИ хороша пословица ваше богатырь голь воянский здор овьице

ПЕСНЯ ПРО ЛУКОВКУ РАСКОРЯКОВКУ В ИСПОЛНЕНИИ СКОМОРОХОВ эх л уковка раскоряковка ты где была в огороде росла все на грядочке все на грядочке ай да девочки у нас девочки в порядочке ой луко вка раскоряковка отчего ты так мила много ела и пила ох прошу я у тебя у моей луковки ты меня не посылай на три буковки будешь лезть ко мне опять я пошлю тебя на пять ой скажите вы ей этой л уковке больше милая не пей лопнут пуговки

СКОМОРОХ ребята беда неминучая возвращаются богатыри могучи е а вот и сами удальцы влекомые лошадями своими под уздцы

ПЕСНЯ БОВЫ И ЧУРИЛЫ в полях пшеница колосится с кем бы добл естно сразиться с пешим конным всё одно хоть бы даже в домино б огатырь стал ныне редок

ПРИПЕВ ЕРУСЛАНА так раздак

БОВА И ЧУРИЛО видно прячется в кустах

ПРИПЕВ ЕРУСЛАНА так растак

ПЕСНЯ БОВЫ И ЧУРИЛЫ во полях колосья гнутся с кем бы хоть п ереругнуться но куда не поглядишь всюду только гладь и тишь как бы эту тишь нарушить зелена вина покушать не податься ли на пля с гармонисту выбить глаз выбить глаз выбить глаз чтобы девки зн али нас чтоб не прятались в кустах

ЕРУСЛАН так растак

ЧУРИЛО бова посмотри

БОВА кажется в нашем шатре кто то засел внутри

ЧУРИЛО точно съел собака все огурцы соленые

ЕРУСЛАН елки зеленые

БОВА а теперь собирается подремать

ЕРУСЛАН мать перемать

ЧУРИЛО да еще клячу свою посадил на мое место

ЕРУСЛАН мать моя отцова невеста

БОВА и даже не желает нас замечать надо это кончать

ЧУРИЛО стойте товарищи как бы нам не повторить своей прошло й ошибочки

ЕРУСЛАН елкины шишечки

БОВА это когда мы в припадке удали илью муромца с веденецким гостем перепутали

ЧУРИЛО вот именно не вышло бы снова беды

ЕРУСЛАН туды растуды

БОВА подойдем соблюдая осторожность и такт

ЕРУСЛАН так растак

ЧУРИЛО простите что нарушаем ваш покой

ПЕГАШ а ты собственно кто такой

ЧУРИЛО я чурило известный богатырь

ПЕГАШ тогда подай мне вон тот со спотыкачем пузырь

БОВА еще раз простите можно узнать вы сами собственно кто б удете и отколь

ПЕГАШ мы богатырь воянский голь точнее я его богатырский ко нь а вот эти они и есть богатырь голь воянский никого не боянск ий одним махом тридцать три богатыря побивахом а мелкой силы бе з счета требуем уважения и почета кто не поставит нам четвертин ку готовься к смертному поединку

ЧУРИЛО простите мы богатыри простые неученые

ЕРУСЛАН елки точеные

БОВА неужели ваш хозяин и правда одним махом по тридцать тр и богатыря убивает

ПЕГАШ бывает

ЧУРИЛО а чем вы позвольте спросить их убиваете мечом булаво ю или вострым копьем

ГОЛЬ а мы их вот этим треухом собачьим бьем шарах и готовы

ЕРУСЛАН елки садовы

ГОЛЬ можем и пятернею если очень надоедят вот конь мой пега ш его звать подтвердят

ПЕГАШ точно сам видел поскольку при нем служу постоянно вер ным конем

ЧУРИЛО а не возьмете ли нас сильномогучий богатырь к себе в науку

ГОЛЬ отчего не взять садитесь по правую и левую руку налива йте себе вина как значит будут ваши имена

ЕРУСЛАН еруслан

ЧУРИЛО чурило

БОВА бова

ГОЛЬ а вы кони богатырские так и будете на ногах торчать са дитесь залетные

ПЕГАШ как прикажете величать

СИВКА конь сивка

БУРКА лошадь бурка

КОУРКА кобыла коурка

ПЕГАШ какие глаза какая фигурка позвольте место вам уступить что изволите пить

КОУРКА благодарю вас я непьющая

ПЕГАШ не может быть

КОУРКА правда сущая

БУРКА и я не пью а вот сивке можно рюмочку вишневой наливки

ГОЛЬ первый стакан по закону за то чтоб были знакомы

СКОМОРОХ да что это наш богатырь голь воянский соображает к оней и людей за один стол сажает

ДРУГОЙ а ты погляди на людей и коней кто из них скажи по че сти с лица умней

ПЕГАШ даже по рюмочке выпить не можете

БУРКА ни ни

ПЕГАШ да почему

КОУРКА потому что наши хозяева пьют как лошади а в случае е сли им на бой выходить кто как не мы должен их разбудить

ГОЛЬ а теперь за будущие наши дела пьем из горла

ЧУРИЛО пошла бутыль вкруговую маэстро жарь плясовую

СКОМОРОХИ таусеньки таусень варил* бабушка кисель на горуше чке в черепушечке надо лапти надевать за семь верст идти хлебат ь съели много киселя пишут ноги вензеля ладушки ладушки где был и у бабушки елки палки лес густой почему я холостой ко мне девк и подойдут поглядят и отойдут барыня ты моя сударыня ты моя а м не на женку наплевать эх куда б ее девать ни сменять ни в дом о тдать ни пропить и ни продать во саду ли в огороде я гулял одет по моде розан мой розан виноград зеленый меня девки с собой зва ли весь кафтан мне изорвали к девкам бегать я боюсь лучше друг с тобой напьюсь да что ребята с вами сталось али денег не остал ось вы скучать ребята бросьте к мому дяде едем в гости привезем с собой соломы подпалим ему хоромы скажем дядя это мы давай ден ег нам взаймы

РАЁК так бы они без конца веселились да силы природы христо м богом взмолились птицы небесные от богатырского пенья оглохли листья зеленые от богатырского свиста засохли горы холмы расшат ались от богатырского топота рыбы сомы в реке захлебнулись от х охота и насмерть утопли и решила природа прекратить нетрезвые в опли подошел к плясунам развесистый клен об руку с подругою иво й плакучею отвесил им низкий поклон и говорит

КЛЕН богатыри сильномогучие не хотите ли временно перестать песни горланить и водку хлестать

ЧУРИЛО чегой то

ИВА а того что не совестно ли вам безобразники среди недели устраивать праздники

ЧУРИЛО а вы кто такие

ИВА И КЛЕН мы простые развесистые древеса представляем реки горы поля и леса уполномочены от земли кормилицы заставить вас утихомириться минералы растения животные и другие предметы одуш евленные и неодушевленные через вас покоя лишилися

ЕРУСЛАН елки зеленые

ГОЛЬ а что еще за генералы эти самые минералы

ПЕГАШ вы уж простите моего хозяина он не больше колоды смыс лит в науках о строеньи природы

КЛЕН однако он отличает от воды алкоголь

ГОЛЬ на то я и богатырь воянский голь

**Варил* – не опечатка. В сборниках Ладова и Некрасова таков текст. (Прим. автора).

БОВА все хорошие люди пьют

ЧУРИЛО для чего же иначе водку с вином продают

ДЕРЕВЬЯ послушайте что скажем вам мы старые растения лежат поля непаханы повсюду запустение нет рыб в реке и нет в лесах дичины россию губят многие причины но главная продуктов пропажи и загрязнения среды вина это отнюдь не продажа а неумеренное потребление вина поэтому ложитесь сейчас же спать негодники а мы будем вам нашептывать сладкие грезы склонясь к изголовью знайте что вас ждут великие подвиги и вам надлежит свои силы беречь и здоровье

ГОЛЬ так товарищи мои какое ваше на это мнение

ЧУРИЛО пьем до посинения

ГОЛЬ какие еще будут предложения

ЧУРИЛО пьем до полного морального разложения

ГОЛЬ а как насчет того чтобы не лишать природу покоя

БОВА лично у меня сложилось впечатление такое ведь если у этих гор рек и лесов есть способные плакать глаза и столь благозвучные голоса и не терпящие дисгармонии уши значит у них есть нежные отзывчивые души и страдая они к небу вздымают ветки и наверное дома их ждут малые детки

ЧУРИЛО выходит деревья существа живые

БОВА ну да

ЧУРИЛО об этом слышу я впервые

ГОЛЬ короче большинством голосов постановляем дать передышку всем пространствам полей и лесов просьбу природы уважить и впредь не вытаптывать плясками ниву и пажить

ДЕРЕВЬЯ утомились небось плясавши

ЧУРИЛО не отпираемся

ДЕРЕВЬЯ так отдохните в нашей тени

ЕРУСЛАН мать мою сын ее помяни

ЧУРИЛО поспим часок и по бабам отправимся

РАЁК и настала кругом благодать перестали листья с древес упадать звери птицы перестали со смеху подыхать улеглись плясуны отдыхать горы от богатырского храпа трясутся сивко бурко с коуркой в траве мураве пасутся не спит еще конь пегаш поставил он в поле чистом шалаш новые гужи и вожжи сменял в деревне на жито и дрожжи разжигает аппарат самогонный конфискованный ерусланом у бабы яги старухи негодной и возле него хлопоча проверяет качество первача но и он под влиянием этой работы погружается в состоянье дремоты и хотя не прекращает бессознательно подкидывать в топку сосновые чурки однако не замечает пропажу сивки бурки и прекрасной кобылы коурки а также не видит спросонок появления зеленого змея змиулана и коварных богатырь девиц амазонок

ЦАРИЦА АМАЗОНОК эй змиулан загляни ка в шатер

ЗМИУЛАН слушаюсь царица

ЦАРИЦА ну что там

ЗМИУЛАН хоть вешай топор

ЦАРИЦА надо спешить приказываю всех четверых во сне удушить

ЗМИУЛАН будет исполнено

ЦАРИЦА что ты за сердце хватаешься

АМАЗОНКА никак помешался

ЦАРИЦА обморок русского духу слегка надышался грузите его на краденую конягу дома нашатырем откачаем змиулана беднягу

АМАЗОНКА а что делать с этим сборищем пьяным

ЦАРИЦА отравить им самогон сильнодействующим ядом

БОВА прекрасная незнакомка прошу извинения вы реальность или мое сновидение

АМАЗОНКА сновидение

ЦАРИЦА скачем прочь пока они не оправились от обалдения

ГОЛЬ что за грохот

ЧУРИЛО бова с раскладушки упал

ГОЛЬ блоха его что ль укусила

БОВА нет в то время когда я спал неизвестная красавица меня своим взором как обухом поразила

ЧУРИЛО а где она теперь

БОВА неизвестно

ЕРУСЛАН мать моя отцова невеста

ГОЛЬ а не из тех ли она красавиц случайно ли

ЕРУСЛАН елки мочальные

ГОЛЬ что скачут вон там вдали

ЧУРИЛО они же наших лошадей увели

ПЕГАШ в том числе и коурку мою возлюбленную кобылу прелестную

ЕРУСЛАН елки древесные

ПЕГАШ а не те ли это красавицы которых мы встретили

ГОЛЬ точно они фармазонки

ЧУРИЛО придется пешком скакать за ними вдогонку

БОВА помчались скорее

ЕРУСЛАН сучья коренья

ГОЛЬ сейчас пегаш разливай самогон

ЕРУСЛАН едрит меня сапогом

ПЕГАШ гм почему то наш самогон попахивает цианистым кали

ГОЛЬ чем

ПЕГАШ ядом под названием цианистый кали

ГОЛЬ чего мы только на своем веку не лакали взять например политуру

ЧУРИЛО или шампунь для волос

ГОЛЬ а цианистый кали еще пробовать не довелось налей ка кружечку

ЧУРИЛО ну как

ГОЛЬ так и тает во рту

ПЕГАШ еще бы ведь почти на чистом спирту

ЧУРИЛО на вкус вроде настойки перцовой

ГОЛЬ пробирает аж до кости берцовой

ЧУРИЛО пей бова пей

БОВА за то чтобы скорей догнать наших прекрасных фей

ГОЛЬ не беспокойся не пройдет и суток как мы найдем этих самых

ЕРУСЛАН красоток

ЧУРИЛО врежем им за все их шалости и отберем лошадей без всякой жалости

ГОЛЬ конечно

ЧУРИЛО а потом смягчимся и расцелуем по возможности нежно

ПЕГАШ может хватит хлебать а то и вправду отравимся

ГОЛЬ по последней на дорожку посошок и отправимся

ПЕСНЯ ах вы бабочки ах пригожие эх зачем вы нас растревожил и ой вы бабочки ой бабеночки не даете вы нам спать елки елочки вы заморские наши пташечки поскорей готовьте нам по ромашечке п о дороге не лежать мы постараемся не успеете сбежать как мы зая вимся кости ломит стынет кровь не спишь не обедаешь ах любовь л юбовь любовь что ты с нами делаешь

КРЕСТЬЯНИН господа сильномогучие богатыри кто тут у вас эти х самых убивает по тридцать три который из вас богатырь по проз вищу голь воянский

ГОЛЬ ну я а вы кто

КРЕСТЬЯНЕ а мы простой народ христианский не дай в обиду сд елай добро а мы тебе за это самогонки ведро ой чур чура ой чур чура с европы лезет немчура с востока прет на нас орда бели бер да бели берда как саранча голодная ох мама наша родная

ПЕСНЯ они идолы явились когда спать уж мы легли непонятно м атерились дети слушать не могли попа батюшку споили в церкви пл яску завели девок за косы ловили девки еле убегли обложили всех нас данью и глумились как могли пока бабы мылись в бане все бел ье уволокли а потом опять глумились чуть кабак нам не сожгли на ночь глядя не помылись спать под лавками легли как проспались о т попойки стали дань опять просить окопались на помойке мусор н екуда носить

КРЕСТЬЯНЕ одним словом происходят такие безобразия которых не видала ни европа и азия можете сами взглянуть с высоты росто чка своего богатырского слева войска графа тевтонского а справа хана ордынского смилуйся батюшка утомили окаянные невтерпеж пор тят надписями ценные архитектурные сооружения деревянные и повс еместно учиняют разбой и грабеж

ГОЛЬ вообще то наше богатырское дело гулять по возможности гордо и смело а бить басурман поганых и прочих немцев обязаннос ть рядовых ополченцев

КРЕСТЬЯНЕ а в летописи написано наоборот богатыри воюют а б ездействовать должен народ

ГОЛЬ придется мне за россию пожертвовать собой принимаю нер авный бой братцы славяне за все надругательства домогательства и недостойное поведение возле бани враги будут сейчас мною цели ком и полностью разбиты на поле брани

КРЕСТЬЯНЕ вот спасибочко а то эти супостаты заграничные тол ько и ждут когда наш брат крестьянин выпьет лишнее и станет про бдительность забывать тут они и норовят нас завоевать а вы уж и м покажите что у нас и такие есть которые бывают тверёзы

ЕРУСЛАН елки березы

ГОЛЬ а много их

КРЕСТЬЯНЕ кого

ГОЛЬ этих которые лезут тучею

КРЕСТЬЯНЕ да так с мильен

ГОЛЬ ну тогда давайте сперва нальем и выпьем по этому случа ю а потом я на битву поеду значит первая за победу вторая чтоб врагам никакой пощады

ЕРУСЛАН елки дощаты

ГОЛЬ и еще одну с вашего позволения как говорится дай бог н е последняя а теперь чем нибудь закусить и пойдем врагов как тр аву косить пока их не заткну за пояс я ни за что не успокоюсь г де тут был мой лук да на что ты мне эту кривую хреновину суешь друг

БОВА чтобы ты врагам не давал спуску

ГОЛЬ да не этот мне лук а тот который приготовил я на закус ку эй пегаша верный конь мой

ПЕГАШ чего

ГОЛЬ а того что пора нам в бой становись туда зад а туда пе ред чтобы я мог усесться тебе на хребет ну ребята бывайте чур б ез меня все не допивайте

ЧУРИЛО забыл надеть шлем да щит

ГОЛЬ и без шлема голова трещит я помчался будьте покойны ес ли голь воянский поручился враг будет разбит

КРЕСТЬЯНЕ что с ним никак скончался

ПЕГАШ отключился

БОВА спит

ЧУРИЛО придется обождать пока не проспится

КРЕСТЬЯНЕ так ведь за россию матушку некому заступиться

ПЕСНЯ ТЕВТОНОВ идем мы на россия несем ей свой культур веде т нас наш мессия мессир фон трубаллдур мы осчастливить нация и русским дикарям мы дать цивилизация тирьям тирьям тирьям желать мы кушать семга и черная икра и русских дам в потёмка та ра ра ра ра ра мы самый модный танец учить российских дам пусть помня т иностранец тарам там там там там

ПЕСНЯ БАСУРМАН наша идол хан брюхан он великий истукан шибк о шибко для порядка он нас палка бьет по пятка ай ай хан брюхан наша главный истукан мы россия воевать мал мала всех убивать хан брюхан нас награждать на кол наша не сажать русский люди шибко плохо русский ест немножко много шибко чисто рожу моет шибко ча сто в баню ходит ай ай хан брюхан хочет пятки бить иван русский много думать стал шибко грамотный он стал за столом не чешет сп ину кушать брезгует конину мы россия воевать мал мала всех убив ать

БОВА такое дело братцы придется нам самим за оружие браться

КРЕСТЬЯНЕ будем как можем обороняться пока наш главный заст упничек не изволит подняться не дадим поганым наших баб обнимать

ЕРУСЛАН мать перемать

КРЕСТЬЯНЕ час битвы кровавыя настает за родимый край ложечн ики вперед запевай

РУССКИЕ а мы просо сеяли сеяли ой дид ладо сеяли сеяли

ЕВРОПЕЙЦЫ а мы в поле выскочим выскочим

АЗИАТЫ а мы просо вытопчем вытопчем

БОВА не позволим врагу без спросу топтаться по нашему овсу и просу

ЕВРОПЕЙЦЫ а мы войско выстроим выстроим

РУССКИЕ а мы вам кукиш выставим выставим

АЗИАТЫ а мы в поле выедем выедем

РУССКИЕ ну а мы вас

ЕРУСЛАН выведем выведем

ЕВРОПЕЙЦЫ а мы вам головы откусим

РУССКИЕ а мы не струсим а мы не струсим

АЗИАТЫ а мы вас скушаем живьем

РУССКИЕ а мы вам уши оборвем что съели гей славяне гей славяне брось пахать и боронить выходи на поле брани неприятеля бранить эх мы вас с поля выставим выставим

ЕВРОПЕЙЦЫ а мы из пушки выстрелим выстрелим

РУССКИЕ а мы вас с поля вытащим вытащим

АЗИАТЫ а мы глаза выпучим выпучим

РУССКИЕ напрасно вы на нас напали мы вас как видите

ЕРУСЛАН не звали

АЗИАТЫ а мы вас численностью задавим

РУССКИЕ а мы вас шапками закидаем

ЕВРОПЕЙЦЫ ну а мы вас порохом порохом

РУССКИЕ ну а мы вас по уху по уху

АЗИАТЫ а мы вас будем жечь огнем

РУССКИЕ а мы за пояс вас заткнем

ЕВРОПЕЙЦЫ а мы будем вас казнить

РУССКИЕ а мы будем вас дразнить

ОДИН РУССКИЙ ох тяжело воевать без начальства

ДРУГОЙ авось не убьют заранее не печалься

РУССКИЕ враг нас хочет окружить он грозит мечом булатом эх придется обложить супостатов русским матом придется господи прости их русским матом понести кто на нас наложит иго тот получит с маслом фиго ой дид ладо ладушки всех пошлем по матушке

ОТРЫВОК ИЗ ЛЕТОПИСИ врагу уж стало нечем больше крыть враг отступать пустился во всю прыть бегут захватчиков дружины дрожа от грозной матершины сам хан брюхан в расстройстве чувств что русский марс его разрознил полчища был вынужден присесть за куст на поле славного побоища да на беду свою присел под старым дубом где голь воянский наш герой валялся трупом в кустах услышав шум и треск сей богатырь от сна воскрес сперва икнул потом чихнул чем хана до смерти спугнул

РУССКИЕ вот и кончена война хану грозному хана тевтонским рыцарям капут пусть комары их

ЕРУСЛАН заедят

БОВА разрешите доложить полностью разгромил большую вражеску группировку

ГОЛЬ молодец бовуша дай я тебя расцелую пегаш откупоривай поллитровку

БОВА подпустил я их сначала вплотную

ГОЛЬ погоди сперва выпей шрафную

ЧУРИЛО не ожидал я что мы так быстро победы добьемся

ГОЛЬ давайте по этому случаю наконец то как следует братцы напьемся

НАРОД голю воянскому победителю басурманскому слава наш простой комаринский мужик хана брюхана соплею перешиб слава слава слава

ГОЛЬ жаль расставаться уж больно сроднились мы с вами в сраженьи кровавом однако пора

КРЕСТЬЯНЕ это куда же по бабам

БОВА вроде этого разыскиваем неких прекрасных девиц

КРЕСТЬЯНЕ так куда вы сейчас

ЧУРИЛО за пределы российских границ

КРЕСТЬЯНЕ так это же по прямой верст две тыщи пятьсот

ЧУРИЛО зато девочки первый сорт

КРЕСТЬЯНЕ нешто своих вам мало нешто наши хуже этих заграни чных венер наши помягше бюстгалтеры пятый номер сарафаны пятид есятый размер

ГОЛЬ видите ли поскольку мы теперь олицетворяем как военное так и гражданское руководство нам по должности не положено потр еблять материальные ценности отечественного производства

ЧУРИЛО так что последний раз выпьем самогонки

ЕРУСЛАН елки иголки

ЧУРИЛО а уж потом будем пить заграничные вина

НАДПИСЬ НА ПОГРАНИЧНОМ СТОЛБЕ С ОДНОЙ СТОРОНЫ русь

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ чужбина

ЧУРИЛО в дансингах будем жарить вприсядку под джаз

ПЕГАШ ты чего

БОВА да что то попало мне в глаз

ЧУРИЛО накупим джинсовых порток

ГОЛЬ дай пегаша и мне платок что то в глаз видать залетело

ЧУРИЛО чего оборачиваетесь то и дело что вы такое там увидали

ГОЛЬ так ничего

БОВА необъятные дали

ПЕГАШ леса болота непроходимые

БОВА березы осины

ЕРУСЛАН елки родимые

ПЕСНЯ СТРАННИКОВ степь да степь кругом путь далек лежит в т ой степи чужой умирал мужик и набравшись сил чуя смертный час о н товарищу отдавал наказ передай жене чтоб меня помнила чтоб на меня обед не готовила мол до дома муж не дотопает пирогов ее не попробует и блинов ее не отведает без меня она пусть обедает да пусть не бегает на свидания ох подайте нам на пропитание

ПИРОГЕЯ благослови вас господь гудошников странничков не же лаете ли чего попить покушать пряничков

СТРАННИКИ благодарствуем хозяюшка быть по сему

ПИРОГЕЯ вот вам к пряничкам самогону крепенького да не встр ечали ли вы где мужа моего фому по прозвищу беренникова накажи его бог стервеца не дай на закуску ни капусты ни огурца

СТРАННИКИ может и встречали а из себя он каков

ПИРОГЕЯ ростом повыше бутыли самогонной на пару вершков рож а глаза бы мои не глядели совершенно нетрезвого вида одна полов ина хари небрита другая побита с одного боку рыжий с другого бр юнет

СТРАННИКИ видели мы обладателя подобных примет на границе м ежду неметчиной и литвою однако кличут его не фомою величают ег о богатырь голь воянский победитель немецкий и басурманский муж ичонко он из себя невидный однако силы видать завидной если в н астроении в подпитии хорошем значит бывает тридцать три богатыр я одним махом убивает

ПИРОГЕЯ нет это не мой моего сызмальства кличут фомой комар инским мужиком фомою водку правда тоже жрет как свинья помои но если выпьет с утра полстакана хоть в драку и лезет а у самого с ил нехватает раздавить таракана а если таракан брыкаться начнет

да ручками размахивать станет да моего нечаянно толкнет он и во все ноги протянет ой сердце мое так и ноет ой душа моя так и бо лит да кто ж его подлеца такого теперь умоет накормит напоит да кто же его изверга паразита приголубит утешит развеселит напоит

СТРАННИКИ да не голоси так хозяйка может твое сердце зря со крушается может твой фома ни в чем не нуждается и не нужно ему ни еды ни питья поскольку он может вовсе лишился житья

ПИРОГЕЯ фомушка кормилец

СТРАННИКИ а может он наоборот совершенно живой фома разлюбе зный твой

ПИРОГЕЯ фомушка живой побереги господь его сердечного пошли ему с похмелья рассола огуречного

СТРАННИКИ хватит хозяйка плакать рыдать будем на твоего фом у гадать эй братишки раскидывай картишки значит показывает гада ние что выпадает фоме дорога дальняя в сопровождении трех корол ей и неопределенной масти валета в конце дороги его ожидает сви данье беседа с четырьмя девицами благородных кровей дамой пик д амой треф бубён и червей

ПИРОГЕЯ да я ему кобелю пятнистому таких покажу благородных девиц что он у меня останется без

СТРАННИКИ братцы самое время восвояси убираться

ПЕСНЯ ах ты сукин сын комаринский мужик для чего в чужую да ль твой путь лежит и куда ты прешься черт тебя тряси что ли мал о тебе места на руси ты куда мужик бежишь навеселе разве мало т ебе девок на селе что за бес такой зудит в твоем ребре на хрена тебе красотки кабаре ах ты сукин сын комаринский мужик за грани цей время весело бежит жизнь до крайности безбедна и легка водка вовсе не горька хоть и крепка при наличьи изобилья всяких благ не дадут тебе мужик свистеть в кулак голодать не разрешат и кук овать и начнешь ты от веселья тосковать посмотри на заграничный этот рай да смотри своей башки там не теряй по чужим пивным не больно колбаси потому там все не так как на руси ах ты сукин сы н комаринский мужик за границу путь широк мощен лежит да обратн ая дороженька узка ночевать в чужой земле одна тоска и куда ты прешься черт тебя тряси разве мало тебе места на руси

ЕЩЕ ОДНА ПЕСНЯ как вспомню русь так плачу и рыдаю зачем теб я я не спросившись покидаю и суждено ли мне живому воротиться и ль укатает меня сивку заграница и до того судьба мне докатиться что даже память обо мне не сохранится и без меня во поле жито у родится и без меня овца чернуха окотится другой пойдет гулять р оссийскими лесами а я умоюсь росистыми слезами сокрыл от нас св ятую русь туман завеса кругом никто по русски ни бельмеса ни в зуб ногой ни бе ни ме не вяжет лыка однако драки не видать и да же тихо чего ни спросишь отвечают тары бары и бабы носят вместо юбок шаровары а хлеба черного нельзя достать ни грамма короче ж изни никакой одна реклама

ГОЛЬ эй господа иноземцы вы кто по национальности будете ид олопоклонники басурмане аль немцы

ИНОЗЕМЦЫ мы твоих слов не понимаем ни в зуб ногой чего тебе надобно дорогой

ЧУРИЛО мы вас спрашиваем какой вы веры

ИНОЗЕМЦЫ известно какой баптисты методисты капиталисты милл ионеры

ЧУРИЛО а какому вы богу крестите башку

ИНОЗЕМЦЫ известно какому денежному мешку

БОВА тут вот спутники мои удивляются отчего у вас пьяные кр угом не валяются

ИНОЗЕМЦЫ а у нас насчет этого дела люто кто валяется не име я на это прав гони за свое валянье валюту по вашему называется штраф

ПЕГАШ ну и порядочки

ЕРУСЛАН елки зеленые

ИНОЗЕМЦЫ не обессудьте уж такая наша свобода хваленая а вас то сюда занесло каким ветрищем

ПЕГАШ мы лошадей у нас украденных ищем

ИНОЗЕМЦЫ гиблое дело у нас полностью искоренено воровство и грабеж

ЕРУСЛАН еловая вошь

ИНОЗЕМЦЫ так что если что пропало ни за что не найдешь

БОВА мы тут немного растерялись в городской толпе сделайте милость растолкуйте что написано на этом столбе

ИНОЗЕМЦЫ извольте значит так направо соваться с жизнью расс таваться налево скакать смерть свою искать прямо спешить жизни себя лишить

ГОЛЬ а обратно податься

ИНОЗЕМЦЫ лучше не пытаться

ЧУРИЛО а как насчет того чтоб не погибать

ЕРУСЛАН так вашу мать

ЧУРИЛО а ознакомиться с достижениями западной культуры

ИНОЗЕМЦЫ это можно за соответствующие купюры

ГОЛЬ а если у нас только вошь в кармане да блоха на аркане

ИНОЗЕМЦЫ тогда вам одна дорога отсюда вперед ногами

ЧУРИЛО да положеньице хоть бы перед смертью выпить водчонки

ПЕГАШ или хоть самогонки

ЧУРИЛО погодите а где тут обитают богатырь девицы по прозви щу фармазонки

ИНОЗЕМЦЫ это которые весталки

ЧУРИЛО они самые

ЕРУСЛАН елки моталки

ИНОЗЕМЦЫ а вон прямо по дороге учреждение под красным фонар ем там они и проживают так сказать девичьим монастырем увидите у входа изображения их голых телес вывешенные дабы возбуждать и нтерес

ЧУРИЛО а как у них в смысле ночлега

ИНОЗЕМЦЫ вполне беспрепятственно особенно для обладателей т акого как у вас изрядного интеллекта многие к ним обращались пе реночевать любители однако чтобы они оттуда возвращались мы еще такого не видели немало вашего брата интересовались ихней сестр ою так что не удивляйтесь обратно если визит ваш закончится бед ою

БОВА да чем же они привлекают всех

ГОЛЬ выпивкой или может едою

ИНОЗЕМЦЫ да вроде бы нет

ПЕГАШ а чем же

ИНОЗЕМЦЫ известно чем красотою всё говорят у них на месте в сякие там перси ланиты хариты однако главное габариты пьют они какую то смесь косметическую для сохранения фигуры и укрепления мускулатуры вроде микстуры или политуры заденет мизинцем такая бабец тут тебе молодцу заезжему и конец

ЧУРИЛО это уж позвольте нету в мире таких баб против которы х русский богатырь оказался бы слаб

ГОЛЬ я в частности готов на любые опасности натерпевшись вд осталь от своей старухи срочно нуждаюсь в новой супруге

ИНОЗЕМЦЫ еще одно предупреждение вход в это самое учреждени е запирается двумя засовами на ночь и стережет его зеленый змей змиулан зиланыч

ГОЛЬ а каков он из себя

ИНОЗЕМЦЫ ростом с колокольню а точней с небоскреб

БОВА еруслаша молчи

ИНОЗЕМЦЫ морда просит кирпича разговаривает чудовищно рыча одна ноздря дышит огнем и угаром а другая сивушным перегаром не которые от одного его вида на месте сдыхали

ЧУРИЛО братцы слыхали

ИНОЗЕМЦЫ по комплекции не то сороконогий не то двадцатиголовый

ЕРУСЛАН корень еловый

ИНОЗЕМЦЫ а теперь скажите чего это ваши туристы так за гран ицу стремятся

ПЕГАШ мы сюда за делом приехали лошадей выручать

ГОЛЬ пегаш ты куда

ПЕГАШ так ведь сивка бурка с коуркой там в неволе томятся

БОВА погодите надо сперва постучать

ЦАРИЦА АМАЗОНОК эй чего там ломаете дверь и порог

ЧУРИЛО хотим культурно провести вечерок

ЦАРИЦА а у вас имеется валюта

ЕРУСЛАН мать моя девка анюта

ЦАРИЦА луидоры дублоны талеры тугрики

ГОЛЬ у нас копейки да рублики

ЦАРИЦА да вы знаете что здесь проживают девушки целомудренн ые и невинные

ЕРУСЛАН елки рябинные

ЦАРИЦА проваливайте к матрениной тете

ЧУРИЛО мы только хотели спросить

ПЕГАШ зачем вы коней богатырских крадете

БОВА и почему вы такие на диво прелестные

ЕРУСЛАН елки древесные

ГОЛЬ нам бы только гороху моченого в миске

ЧУРИЛО да по бутылке шотландского виски да голландского джи на испить из кувшина

БОВА а вас если не пожелаете даже пальцем не тронем

ЦАРИЦА змиулан зиланыч почему позволяешь стучать в нашу две рь посторонним

ЗМИУЛАН кто стучится в приличное заведение в такое позднее время

АМАЗОНКА всех не убивай того молоденького оставь на племя

ЦАРИЦА да на хрена тебе такая наследственность типичная сер ость и посредственность

ЗМИУЛАН попрошу удалиться отсюда господа благородные

ГОЛЬ оскорбляет гад

ЕРУСЛАН мать его каракатица земноводная

ЧУРИЛО а шкура похоже из натуральной змеиной кожи

БОВА ты зачем это от нас злодей прячешь прекрасных фей

ЗМИУЛАН да знаете ли вы что от одного моего чиханья горы приходят в содроганье а если мое страхолюдие в одну ноздрю сморкается вся земля от землятрясения содрогается а когда оно одновременно рычит и икает пропасти в земной коре возникают

ЧУРИЛО сволочь видать

БОВА и повадки злодейские

ЕРУСЛАН елки индейские

ГОЛЬ пока ему до хари дотянешься глядишь и сам без зубов и без глаза останешься

ЧУРИЛО короче нам четверым здесь делать нечего выберем самого широкоплечего

БОВА это как понимать

ЕРУСЛАН мать перемать

ЧУРИЛО когда приходит беда неминучая

ЕРУСЛАН елки дремучие

ЧУРИЛО кто должен вперед идти а

БОВА кто

ЧУРИЛО не знаете

ГОЛЬ не знаем

ЧУРИЛО самые сильномогучие

ПЕГАН понял на что намекает чурило

ГОЛЬ понял чтобы я от имени коллектива змею начистил рыло

ПЕГАН эй ты буржуазия недобитая

ЕРУСЛАН мать твоя ядовитая

ПЕГАН сейчас богатырь голь воянский размахнется и тебе все равно придется сдаваться

ЧУРИЛО так что кончай издеваться

ПЕГАН а зачем ты снимаешь тулуп свой рваный

ГОЛЬ не хочу чтобы его слопал этот изверг коварный

ПЕГАН а если он из тебя сделает труп на кой черт тебе после смерти дырявый тулуп

ГОЛЬ если на то пойдет и голова моя буйная пропадет то и ладно голова мне от родителей досталась бесплатно а за тулуп я на ярмарке заплатил полтину

БОВА слушай может я сперва попытаюсь зарезать змея скотину

ГОЛЬ оно бы и можно да молод ты еще бова пригодится тебе твоя голова

ПЕГАН а хочешь господин мой голь воянский я буду для тебя как конь троянский ты меня змею подсунь а покуда он будет меня жевать ты его помаленьку начинай убивать

ЗМИУЛАН эй нормальные люди уже спать ложатся решайте скорей кто будет со мною сражаться мне лично все равно потому что я чудовище непобедимое

ЕРУСЛАН мать моя японского бога жена родимая

ГОЛЬ и правда кончаем гадать дайте только портянку перемотать да закурить в последний раз самосада эй ты я тебя сейчас разделаю гада

ЗМИУЛАН ты

ГОЛЬ я

ЗМИУЛАН постойте разве это богатырь это же просто какой то шизоид

ЦАРИЦА однако зиланыч осторожностью пренебрегать не стоит может сила у него не в плечах а в каких нибудь других мелочах сразу сразмаху не ухай сперва присмотрись к нему да хорошенько обнюхай

ЗМИУЛАН ну и запашок нашатырного спирта с гексахлораном почище

ГОЛЬ что не нравится благоухание от моего табачища

ЗМИУЛАН а из голенища у тебя вообще извиняюсь амбре

ГОЛЬ это что ты бы лучше понюхал как пахнет весною у нас на дворе

ЗМИУЛАН нет уж мне и этот запах достаточно нравится

ЧУРИЛО ребята ложись он чихать собирается

ЗМИУЛАН апчхи от моего чихания пропасть подо мною разверзлась и со словами прощания я проваливаюсь в неизвестность

БОВА где же змей

ГОЛЬ а я его спустил вот в эту тектоническую трещину

ЕРУСЛАН мать мою женщину

ПЕГАШ как это ты так быстро

ГОЛЬ а чего как разозлился да пустил про себя матюга стали у меня мускулы тверже утюга я его и загнал прямо в землю урода

ЧУРИЛО эй хозяйки открывайте ворота да ведите себя любезно поскольку сопротивление нам во главе с богатырем голем воянским полностью бесполезно

ЦАРИЦА пес с вами входите эй скоморохи сиречь скарамуши сыграйте в честь приезжих господ что нибудь такое чтоб завяли уши

ПЕСНЯ любовь и голод миром управляют и к жизни пробуждают интерес любовь бодрит а голод вдохновляет и вместе они двигают прогресс эх когда прихватит голод снова счастлив ты и молод ну а любовь опять таки бодрит эх мать свою родную не забуду ай люли ай люли вот один пример любви вдоль по улице по шведской немец с немкою гулял и своею рожей зверской ротозеев удивлял немец с немкой эх разнемкой вдоль по улице гулял немец немку взяв под ручку выражал любовь свою говорил тебя подружку же ву зем и ай лав ю маруся раз два три возьму тебя я в жены увезу в ерусалим она домой бежать проворно а он за нею в путь потек любви все нации покорны и немец тоже человек

ЦАРИЦА давайте знакомиться царица амазонок по имени грехиль да по фамилии свалкирия самая неувядаемая женщина в мире я а все оттого что с самого своего рождения предпочитаю только изысканные и утонченные наслаждения для которых требуются богатыри сильномогучие так что готовьтесь проявить свою страсть кипучую а вот эти девушки обворожительного вида мои ближайшие заместительницы

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА отдалистка

ВТОРАЯ неодетта

ТРЕТЬЯ дебелоида

ГРЕХИЛЬДА мебель у нас старинная уникальная посуда фарфоровая люстра хрустальная стол на двадцать четыре персоны а также к

ровать назначение которой мы стараемся скрывать размером она дв адцатичетырехспальная предназначена чтобы проводить групповые м ероприятия сексуальные по окончании которых все участники мужск ого пола независимо от расторопности и уменья автоматически сбр асываются в мрачное подземелье прямо сквозь подушки и перины пу ховые

ЕРУСЛАН елки ольховые

ДЕБЕЛОИДА это придает наслаждениям особую тонкость

ГОЛЬ за что же уважаемые фармазонки такая жестокость

ОТДАЛИСТКА а для чего вас мужчин беречь вы ведь только и но ровите что нажраться да в постель немытыми на чистые простыни л ечь а пользы в хозяйстве от вас никакой вот мы и поклялись вас всех уничтожить постепенно своею собственной рукой и построить новый мир где будут полностью ликвидированы мужские индивиды ох альные

ЕРУСЛАН елки матриархальные

БОВА а как же в отношении любви воздыханий и прочих романти ческих поступков мужчин выходит по боку а любить неизвестно кого

НЕОДЕТТА а мы в этом отношении лишены предрассудков читаем соответствующую литературу в частности произведения поэтессы сафо

ПЕГАШ ну а для чего вы коней крадете

ГРЕХИЛЬДА уточняем мы их не крадем а пленяем

ПЕГАШ но ведь лошади не люди а скорее даже наоборот

ДЕБЕЛОИДА естественно поэтому мы их используем главным обра зом для верховых прогулок и кавалерийских рейдов и лишь изредка для выведения новых пород

ПЕГАШ ох не советовал бы я нам здесь ночевать да больно охо та попить чего нибудь и пожевать

ЧУРИЛО а где наша не пропадала тащите хозяйки вустриц лангу стов консоме да хлеба и сала

ГРЕХИЛЬДА что ж подруги некуда деваться придется их кормить и поить а затем очевидно и раздеваться

ПЕСНЯ полюбил комар муху пчелочку причесал комар набок чело чку прицепил комар сбоку сабельку и для смелости выпил капельку навещу тебя мою милую не откроешь дверь влезу силою разнесу заб ор стекла высажу но любовь свою тебе выражу не спеши комар с му хой нежиться в чем душа твоя только держится эх комар комар ты к омар парнишка молодой молодой не заводил бы ты с мухою роман уж больно ты худой что ты миленький мой теряешься приходи ко мне т ы мне нравишься приходи ко мне в воскресение испытаешь ты потря сение я тебя комара угощу питьем закуской и жратвой ни за что с кровати не пущу покамест ты живой эх пропаду пропаду пропаду до смерти полюблю полюблю мужа молодого заведу а старого убью бы в ы гы ды ё ка лэ мэ нэ ром бром брэм о пэ рэ сэ тэ у эй ямщик фэ хэ цэ чэ любовь ляпта бада бада баля

ЧУРИЛО запомните ребята относиться к мужчинам двойственно д евушкам в определенном возрасте в высшей степени свойственно та к что если начнут нас сковородками бить знайте что согласно тео рии фрейда они на самом деле нас начинают любить а если начнут всерьез убивать так это для того чтобы цену себе набивать одним словом если чем тяжелым вроде утюга погладят по головке не обра щайте внимания на эти уловки продолжайте утверждать что вы их б удете любить и уважать до самой глубокой старости

ЕРУСЛАН еловые заросли

ГОЛЬ эй хозяйки скорее икру и другую закуску на стол мечите

ДЕБЕЛОИДА вот пшеничные блинки сами пекли ни за что от ржаных не отличите наполняйте чаши и кубки

БОВА а зачем вы поднимаете юбки

ЧУРИЛО такой у них обычай

ГОЛЬ раз обычай тогда пускай покуда блиночки стынут они и всё остальное скинут и раздевшись догола будем пить мы из горла

БОВА как неужели существа столь дивные забыв про стыд откроют прелести интимные

НЕОЛЕТТА да мы невинны но любовь всегда нас заставляет преступить черту стыда прилично это или неприлично становится нам безразлично

ГОЛЬ а что это в пузырьке на трельяже у хозяйки нашей гликерии свет свалкирии

ГРЕХИЛЬДА то чем я сохраняю силу и молодость новейшие достижения западной алхимии однако предупреждаю заранее что это не для питья а для мытья и втирания

ГОЛЬ значит чтоб перед сном натираться а не для того чтобы до смерти надираться а на вкус не хуже чем иные вина заморские

ЕРУСЛАН точно елки японские

ДЕБЕЛОИДА ежедневное втирание небольших порций этого чудодейственного настою увеличивает не тольку силу мышц но и позволяет блистать красотою

ГОЛЬ еще бы этого настою стакана три и я бы стал окончательно красив изнутри да и снаружи стану сильнее если окончательно не посинею

ЧУРИЛО а что если я осушу за ваше здоровье стакан и предложу вам сплясать канкан

ОТДАЛИСТКА только учти что я женщина вамп на каждом мужчине в виде синяка под глазом ставлю штамп однако после этого не в силах устоять против их обаяния люблю их но главным образом в слегка придушенном состоянии одним словом чмок да никак ты уже занемог

ЧУРИЛО слегка растерялся от ваших намеков игривых однако мы богатыри российские не из пугливых

ОТДАЛИСТКА если сунулся со своею харей не напевай мне любовных арий комплименты не труби а давай меня люби

ЧУРИЛО сейчас одну минуточку дай полюбуюсь на вашу юбочку почем такой матерьял за аршин

ОТДАЛИСТКА и откуда берутся такие экземпляры мужчин я дева в кавычках долго тянуть не в моих привычках прелюдия надоела начинай говорить дело

ЧУРИЛО тогда хотелось бы с вами уединиться чтобы на собственном опыте убедиться правда ли что у вас на западе такие аморальные нравы царят как об этом у нас по радио говорят

ОТДАЛИСТКА что ты все вокруг да около суетишься сейчас во всем убедишься иди разденься и ляг да приготовься проявить себя как сексуальный маньяк

ПЕСНЯ ОТДАЛИСТКИ училась я в начальной школе когда со мной случилось горе бог греческой любви ерошка пустил стрелу в мое окошко мой папа не жалея сил не раз меня ремнем просил чтоб я в

саду без платья не лежала но я лишь горестно визжала влюбилась я школьница в дона жуана развратника шулера и наркомана и не ск азав об этом маме щи с грибами щи с грибами я убежала с ним ско тиной три с полтиной три с полтиной с тех пор как это приключил ось я в школе больше не училась а находилась холодея в объятьях гну сного злодея а он за всю красу мою девичью выдал мне всего рубль м елочью склонивши голову подушке дритатушке дритатушке рыдаю о с воей судьбе два сорок две два сорок две как только пыл сердечны й минул он в тот же миг меня покинул и убежал в одних трусах ув ы моя постель в слезах исчез подлец как сновиденье толкнув меня на путь паденья вот почему любви я жрица ламцадрица ламцадрица хотя в любовь не в силах верить рубль сорок девять рубль сорок девять иди тебя не сразу я убью сначала страстно полюблю а уж п отом сентиментальности отброшу и насмерть по привычке укокошу

БОВА о восхительная неодетта быть может я дождусь от вас от вета

НЕОДЕТТА я вижу рыцарь ты краснеешь признаться мне в любви не смеешь

БОВА не смею

ОТКРОВЕНИЕ НЕОДЕТТЫ рыцарь ты мне не противен но слишком ро бок и наивен о друг мой нежный жребий мой печальный таинственно ю быть и нереальной как сновиденье или незнакомка не знаю от ко го я жду ребенка сколько помню себя горемычную наслажденья любл ю необычные я не такая как мои подруги в любви ищу не радости н о муки пусть всех моя пленяет красота обычною любовью я сыта мн е мало чтоб меня любили хочу чтоб рвали за волосья и лупили нуж ен мне садист и псих ай лав ю их либе дих я отдаюсь не тем к ко му нежна не тем к кому я чувствую влеченье а тем кому противна и страшна но ты мой рыцарь исключенье могу тебе любовь свою отд ать лишь дай мне в глаз заставь меня страдать подставь синяк мн е я люблю мученья коль сгубишь молодость мою то же ву зем унд а й лав ю о врежь мне в глаз о врежь мне в глаз чтоб я упала на м атрас

ДЕБЕЛОИДА наедине с прелестной женщиной себя ты держишь дер евенщиной поставил рядом джина жбан пьешь и молчишь как стоерос овый чурбан скажи мне царица души моей фея

ЕРУСЛАН едреная феня

ДЕБЕЛОИДА да не матерись ты а говори мне слова прекрасные

ЕРУСЛАН елки матрасные

ДЕБЕЛОИДА наклонись ко мне и что нибудь тайком прошепчи мне влюбленно

ЕРУСЛАН тетка моя анисья в елках японских трижды едрена пер еедрена

ДЕБЕЛОИДА ай как неудобно ведь я все таки девица хотя и чет ырежды вдовая

ЕРУСЛАН елки кондовые

АРИЯ ДЕБЕЛОИДЫ перед страстью любви устоять я не в силах у мужчин слишком много достоинств красивых и хотя они их под одеж дой таят я мужчин обожая люблю всех подряд я любила француза жи да англичанина четверых задушила в объятьях нечаянно мне случал ось любить сразу десять любовников трех полковников и семерых у головников представителей разных племен и народов от роскошных

красавцев до страшных уродов мне близки были также крестьяне с рабочими у постели моей составлявшие очередь иногда для того чтоб дополнить коллекцию я любила и творческую интеллигенцию если рядом со мною не будет мужчины я соскучусь от черной тоски и кручины дайте мне одну тысячу этих красавцев я их всех полюблю как последних мерзавцев так что дядя не страшись раздевайся и ложись

ЧАСТУШКИ ГРЕХИЛЬДЫ могла я в юности увлечься да готовя щи улечься с прохожим дядей на плите ну а теперь года не те могла я лечь куда попало на грунт на снег на лед на шпалы на гвозди с йогом из мадраса не нужно было мне матраса могла я в юности лечь спьяну на арфу или фортепьяну спиною извлекая звуки от плясовой до бугивуги под паровоз или под танк могла забавы ради лечь теперь себя веду не так должна здоровье я беречь

ГОЛЬ ну ка гликерья садись поближе

ГРЕХИЛЬДА во первых я не гликерья а во вторых я мужчин вообще ненавижу

ГОЛЬ да ты меня не бойся я тебя только для вида пужаю на самом деле я женщин чисто платонически обожаю и хотя внешне могучему дубу подобен в действительности женщину чести девичьей лишить не способен

ГРЕХИЛЬДА а я думала ты потащишь меня в кровать

ГОЛЬ извиняюсь но вынужден разочаровать

ГРЕХИЛЬДА даю тебе неспособному затрещину чтобы ты не дезориентировал честную женщину

ГОЛЬ да нет я способный только шучу понарошку

ГРЕХИЛЬДА ну и богатыри пошли только тронешь они уже сыплются в окошко

ГОЛЬ нет меня так запросто не выкинешь я выносливый меня супруга бывало во время медового месяца не так бивала

ГРЕХИЛЬДА потом расскажешь про свои семейные драмы не хочешь ли продегустировать поллитра мертвой воды а иначе отравы

ГОЛЬ с удовольствием выпью поллитру яду который на вид так приятен взгляду крепок однако пролил случайно полрюмки так у тебя гликерья прожгло им дыру в полюбки

ГРЕХИЛЬДА видать не найти мне на тебя алкоголика управы если ты не сдох от самой сильной отравы

ГОЛЬ да я отраву с малолетства больше жизни люблю

ГРЕХИЛЬДА врешь я тебя таки ни на что негодного сегодня убью

ГОЛЬ брось лаяться гликерья на милость чувствую я будто во мне настроение переменилось я ведь обычно если водки съем так тут же чувствую любовь ко всем дай ка я вздыблюсь подобно пегашу моему коню и жене своей пирогее как бывало когда то изменю

ГРЕХИЛЬДА ты же эдак можешь меня и чести последней лишить моментом а еще притворялся лицемер импотентом

ГОЛЬ еще неизвестно может я им и окажусь поскольку отчасти к творческой интеллегенции отношусь

ГРЕХИЛЬДА учти в любви я горяча таких как ты люблю с плеча

ГОЛЬ ладно кончаем эти рассуждения авось не пропадем а получим наслаждение ай люли ай люли наступает час любви не смотрите товарищи на это зрелище охальное лучше обратите свой взгляд на что нибудь эпохальное

ПЕСНЯ красная девица парня поборола ситцеву рубашку на нем распорола молодца девица навзничь уронила хоть и был он ростом форменный громила руки ноги отломила приглашает помереть вот та к мило вот так мило любо дорого смотреть рок срок прок клок шпо к шток блок сток ешьте репу и морковь в них есть витамины и нас тоящая любовь не пройдет вас мимо щелк смолк толк долг волк пол к рог грог это мнение не ново что на свете все хреново и по мне нию мужей с каждым годом все хужей засучивши рукава бабы требую т права не отдашь им всю получку натощак получишь взбучку съест ь поллитра не дадут не напоивши спать кладут требуя горячих ласк а откажешь вырвут глаз счастлив только холостяк тяк тяк тяк тяк пых дых жмых ых тык мык рык брык

ПЕГАШ а вот и я где же мои хозяева иначе друзья

ГРЕХИЛЬДА где надо натешились любовью буквально доупаду не то чтобы сдохли но в общем в могиле в том же подземельи что и к лиенты другие можешь послушать их вопли печальные

ГОЛОС ЕРУСЛАНА елки мочальные

ДЕБЕЛОИДА зря горло дерут и как им не надоест

ПЕГАШ заявляю решительный протест

НЕОДЕТТА брось заступаться за эту пьяную братию ты у нас вы зываешь симпатию хотим от тебя завести жеребят а эти пускай себ е из под кровати вопят просим нас извинить но придется тебе хоз яев своих заменить

ПЕГАШ спасите принуждают к противоестественному акту

ПИРОГЕЯ сдается мне что гулял мой дурак тут под этой самой ивой плакучею посуда несданная валяется кучею было мне этой ноч ью видение что фома мой надрызгавшись совершил падение и теперь не то мертвый не то в усмерть пьяный лежит заперт в сундук дере вянный знать бы куда занесло его немытого хрена ноги бы истопта ла свои по колено а его бы касатика домой привела кажется наш п егаш сюда летит как стрела

ПЕГАШ хозяйка хозяин на сексуальной почве ополоумел и вот в от окочурится хотя пока что не умер

ПИРОГЕЯ да говори толком где сам фома то

ПЕГАШ под кроватью у наперсниц разврата

ПИРОГЕЯ а где кровать

ПЕГАШ довольно далече

ПИРОГЕЯ все равно дойду и всю компанию изувечу

ПЕНИЕ ИЗ ПОД КРОВАТИ не сдавайся конь врагу царю прусскому не то во поле на боку лежать мне грустному и будет кушать ворон ье да эх немецкое да тело белое мое молодецкое копытом дрыгнув конь заржал и с поля боя убежал плачь родная деревенька жизнь м оя промчалась и всего то жить маленько мне теперь осталось схор оните мое тело под горой крутою и могилку мне покрасьте краско й золотою соловей пусть щебечет насвистывая и шумят листвой елк и ветвистовые

ГРЕХИЛЬДА что же вы этих певунов живьем сбросили а не убили

ОТДАЛИСТКА да нечаянно

ДЕБЕЛОИДА их душевные качества

НЕОДЕТТА бессознательно полюбили

ГРЕХИЛЬДА придется воскрешать змиулана чтобы он прикончил в сех согласно ранее выработанного нами плана где тут у нас была живая вода

ДЕБЕЛОИДА и живую и мертвую выпили товарищи сиречь косорылы е господа

ГРЕХИЛЬДА придется для змиуланова воскрешения применить при емы телепатического внушения и другие средства трансцендентной парапсихологии иначе наша любовь дойдет до платонической патоло гии

ОТДАЛИСТКА а у меня предложение продолжить так удачно начав шиеся отношения

НЕОДЕТТА это с кем

ОТДАЛИСТКА а со всеми сразу

НЕОДЕТТА да я изуродую тебя заразу

ДЕБЕЛОИДА и я тебе курве физиономию изукрашу не тронь моего еруслашу люблю его больше всего на свете

ГОЛОС ЕРУСЛАНА еловые дети

НЕОДЕТТА а если вздумаешь отбить моего бову я тебе все твои искусственные прелести оторву

ОТДАЛИСТКА а если вы только вздумаете завлекать моего чурил у подруги я вам всю косметику смою

ГОЛОС ЧУРИЛЫ еловые внуки

ГРЕХИЛЬДА девочки как вы себя ведете

ГОЛОС ЕРУСЛАНА японские тети

ГРЕХИЛЬДА если вы только взглянете на самого главного плюга венького богатыря я вас в старух превращу

ГОЛОС ГОЛЯ японские деверья

ФАРМАЗОНКИ вот тебе извращенка криворожая вот тебе распутни ца вислозадая вот тебе нимфоманка нехорошая вот тебе лесбиянка усатая за все твои штучки в общей кровати

ГОЛОС ЕРУСЛАНА мать моя теща японского батьки елового лапти в томате

ГРЕХИЛЬДА я вам покажу как отбивать любовников у невинных д евиц

ПИРОГЕЯ цыц я у вас наведу порядок в дому куда девали моего фому

ГРЕХИЛЬДА не знаем такого а если б и знали то все равно вы гражданочка опоздали его между нами давно уже нет хотя возможно сохранился скелет

ПЕГАШ врете живой он послушай хозяйка внимательней

ГОЛОС ЕРУСЛАНА еловый собор японской богоматери

ГОЛОС ГОЛЯ ты прав еруслаша я бы тоже сейчас грамм пятьсот по возможности хлопнул

ПИРОГЕЯ а ну голозадые открывайте подпол

ГРЕХИЛЬДА а он у нас по конструкции не приспособлен чтоб ег о открывать

ПИРОГЕЯ НОГОЙ ОПРОКИДЫВАЕТ КРОВАТЬ

ПЕГАШ вылезайте на свет кто жив не убит

ЕРУСЛАН мать нашу бибоп рокенролл и бигбит

ПИРОГЕЯ это что за личности такие пьянорожие хоть с затылка хоть с рыла смотри

ГОЛЬ пирогеюшка знакомься сильномогучие русские богатыри

ПИРОГЕЯ а ты то фома какую в этой пьяной компании играешь р оль

ЧУРИЛО извиняемся это не фома а главный русский богатырь по прозвищу воянский голь

ЗМИУЛАН а недавно получил признание международное

ПИРОГЕЯ сгинь навеки чудище огородное

ГОЛЬ видать я и вправду богатырь ты меня сколько била и по спине и в рыло а я хоть бы что оклемался и снова хоть в космос пузырь а змиулана только раз задела и осталось только мертвое т ело

ПИРОГЕЯ я же окаянного тебя лупила с утра до ночи любя а ег о я пристукнула с перепугу

ЕРУСЛАН мать мою девушку покойного батьки подругу

ПИРОГЕЯ и откуда он взялся

ГОЛЬ нашего дыхания могучего сила многих лежавших там в под земельи пластом воскресила в том числе сивку бурку коурку и але ксандра македонского даже

ПИРОГЕЯ а кто там плачет

ДЕБЕЛОИДА дети

ПИРОГЕЯ чьи

ОТДАЛИСТКА исключительно наши чистокровные полукровки метис ы мулаты детилошади по вашему полканята а по нашему китоврасята и кентаврята или точнее мутанты помесь животного мира с людьми смелых опытов результаты и плоды свободной любви

ПИРОГЕЯ ах вы бессовестные стервы неужто у вас от таких опы тов не дрогнули нервы

ГРЕХИЛЬДА не трогайте меня войдите в мое положение я почти не имею к этому кошмару отношения и нога у меня костяная и вся я насквозь гипертонией больная и глаза и зубы у меня искусствен ные и не пожалеть меня могут только люди бесчувственные и вообщ е я не соображаю уже ни фига и не иностранка я а природная русс кая баба яга в девичестве была кикиморой пока не очутилась во ф ранции попав случайно в одну из волн эмиграции если вас мадам т акой химеризм нервирует и гневит я могу придать этим тварям чел овеческий вид с помощью астрологии парапсихологии и хиромантии

ЕРУСЛАН японские свекры еловой моей дочкиматери

ЧУРИЛО вот этот чумазый кажется от меня уж больно похож на моего богатырского коня

ГОЛЬ а вот этот кажется мой так бы и назвал щенка жеребяч ьего фомой

БОВА что нам с ними делать

ПИРОГЕЯ как что не топить же в реке не давить

БОВА ни в коем случае

ПИРОГЕЯ значит надо стервецов их разэдаких всех без исключе ния усыновить

ГОЛЬ ну пирогея был я тебе муж неверный а теперь буду в сем ействе отец такой же примерный

ПИРОГЕЯ а дома думаешь мало потомков твоих родила в твое от сутствие сразу троих

ГОЛЬ неужто все мои

ПИРОГЕЯ а чьи же

ГОЛЬ ну и дела может я еще и своих внуков увижу

БОВА между прочим заметьте что наши кони после сеанса парап сихологии из четвероногих стали двуногие

ГРЕХИЛЬДА в результате повального волшебства выяснилось что они тоже разумные существа

ПЕГАШ ну и как вам в обличии людском

БЫВШАЯ БУРКА ничего хотя с непривычки несколько тошно

БЫВШАЯ КОУРКА но на двух ногах ходить оказывается действительно можно

БЫВШИЙ СИВКА непонятно почему некоторые предпочитают передвигаться ползком

ПЕГАШ а что я какой то неисправимый алкоголик я тоже хочу иметь человеческий облик

ГРЕХИЛЬДА ладно сделаю и тебя человеком будешь таскаться всю жизнь по аптекам терпеть нужду и лишения и по возможности откладывать сбережения

ПЕГАШ почему тем не менее судьбу кляня я продолжаю представлять из себя коня

ГРЕХИЛЬДА видимо настолько сильно засело в тебе конское естество что тебя не исправит никакое уже колдовство

ПЕГАШ неужели я настолько неправедно жил что лучшей участи не заслужил

ГРЕХИЛЬДА утешься дам я тебе крылья утиные чтобы ты не был простою скотиною а вдохновлял бы творческих работников на создание макулатуры для наполнения хламовников

ПЕГАШ необычный мне выпал жребий моей участи позавидует любой индивидуум жеребий до свидания хозяева друзья и подруги прилечу как нибудь погостить на досуге

ОТДАЛИСТКА а как вы с нами поступите за сексуальные преступленья погубите четвертуете сожжете живьем

БОВА зачем же в деревню возьмем обвенчаемся и заживем и пройдут у вас мысли и желания ветреные

ЕРУСЛАН мать моя равнобедренная

ПИРОГЕЯ надоело небось грудями трясти

ДЕБЕЛОИДА ох надоело хочется ткать и пряжу прясти начать трудовую жизнь интенсивную

ЕРУСЛАН мать мою некрасивую

ГРЕХИЛЬДА а я бы на старости лет с большим увлечением занялась психотерапией и траволечением

ГОЛЬ значит постановляем идти в земледельцы

ЧУРИЛО видимо так хотя мы в этом деле не особо умельцы в смысле агротехники мы люди темные

ЕРУСЛАН мать моя нечерноземная

ЧУРИЛО с детства обучены только наносить увечья можно ли нам доверить огородный инвентарь и стада овечьи и опять же если мы будем пахать то кто будет заграничных врагов пугать в силу наших выдающихся физических данных мы должны свои дни проводить в состязаниях неустанных занимаясь физкультурой и спортом пока другие пашут и обливаются потом

БОВА но ведь в конце концов надо кому то и рожь пшеницу выращивать а не то придется у иноземцев ее выпрашивать

ГОЛЬ одним словом отправляемся поскольку до деревни не близко

ЕРУСЛАН мать моя фигуристка

БОВА и пусть не говорят про нас мол один с сошкой а с ложкой семеро

ПИГОГЕЯ тем более что по весне я уже все поле вспахала и засеяла да в предбаннике спрятала для гостей две чекушки

ЕРУСЛАН елки макушки

ГОЛЬ оно конечно алкоголь снимает головную боль но он ее же и рождает как жизнь нас в этом убеждает

БОВА вот мы и снова в пределах россии

ЕРУСЛАН мать моя осиновая найдена батькой в трясине

ГОЛЬ что там видать дорогие товарищи

ЧУРИЛО милые сердцу пустоши и родные пожарища

БОВА лужи родимые умиротворяющая душу пылища

ГОЛЬ здрасьте дорогие мои пепелища соловьи свистят расцветают калиновые кусты бабы дороги мостят а мужики занимают ответственные посты процветает потихоньку село комаринское мое столичное

ЕРУСЛАН колыбель моя лыковая тряпичная

БОВА хочется быть вам родные полезным

ЧУРИЛО плакать о вас испытывая умиление

ГОЛЬ хорошо бы проснуться хоть один раз трезвым и чтоб был мир на земле и во человецех благоволение

ЧУРИЛО конечно постоянное пьянство продолжаться не может ибо все прелести жизни проходят мимо

БОВА кроме того после неумеренного употребления питья становится несколько непонятен смысл бытия

ГОЛЬ предлагаю чтобы взбодриться в бане попариться и побриться

ЧУРИЛО сегодня умеренно выпив тихонечко ляжем

БОВА а завтра проснувшись с этим делом окончательно завяжем

ГОЛЬ и начнется у нас жизнь совершенно практически новая

ЕРУСЛАН мать моя суковатая палка кондовая

ПЛЯСОВАЯ без ладов моя гармошка балалаечка без струн мать моя была матрешка а отец певец плясун поколесил я по европе но совесть там свою не пропил и возвращаюсь к ненаглядной супруге пьяница проклятый всю вселенную проехал раздобыл штаны в прорехах в рвань лохмотья нарядился и в россию возвратился низко бью я ей челом вот деревня вот мой дом я вернулся к вам негодник совершив тем самым подвиг с этих пор на лавке сидя буду подвиги свершать никому тебя россия не позволю обижать два рязанских мужика запрягли в соху жука пива бочку пролили всю капусту полили чтоб прибавить барже ходу побросаем девок в воду утонула крыса в крынке приходите на поминки эх распустилась молодежь куда россия ты идешь она идет вперед папаша россия дорогая наша здесь люди честные на диво живут свободно и правдиво и только для разнообразия творят порою безобразия все мы смерды все мы смерды все мы смертны все мы смертны но перед тем как в землю лечь нас ждет немало прекрасных встреч сердце больше не печалься над судьбой родной страны столько есть у нас начальства что враги нам не страшны и в волю пляшем мы под елками стуча от радости подметками или прыгаем на бабе как телега на ухабе так что не пьянствуйте соотечественники любезные

ЕРУСЛАН елки железные

ПЕГАШ а то ваше счастье спокойное улетит не поймать

ЕРУСЛАН вот так то россияне

Виктор КРИВУЛИН

двухчастная композиция 1980 года

I
девять реплик

1

ночь на часах лобачевского млечных
в духе взмывающего геометризма
преобразованные города
распухают затекая под линзу
с отсыревших крыльев заплечных
каплет на пол светящаяся вода

в каждой лужице по звезде
шпалы лунного света
- где могила хлебникова? нигде.
- где малевич бинтующий пустоту?

где-то наверное где-то

2

- в окнах небо живет
- в окнах небо живое
- в окнах живое Боже

3

- это плач о людях чьи лица
подобны овальным торцам
бревен
в концентрических кольцах
коловращения черт

- это вопль о сплошном человеке
о человеке-пространстве
белые цирки часов
где каждую четверть востока
отмечал удар топора

и воскресший плакал малевич

- их будущее стало
областью ностальгии
лотосом буддообразным
в озере синей стали

затененные облаками
лики озер духовных
высветляются изнутри
и над ними сирин-летатлин

с веткой хрустальной в клюве

5

соловецкие розы безречья
поляны частой морошки
тяготное покрывало
мелкоцветная ткань
- но кто же уносит фамилью "флоренский"
в дантовом скрежете снега
усеянного звездами
колющих режущих звезд?

не орет бывший охранник
не вздрагивает озираясь
бывший философ бывший
узник небытия
соловей деревянный и роза
ледяная в горящих пятнах
крашеные анилином
роза и соловей

6

не дело словесное дело не дело
    но слово
о сказанном если и скажешь -
    оно бессловесно
одно бессловесное, белое
    белое в белом
явление дыма в селении бедном

    где сельский словесник -
полено в негнущихся пальцах, тетрадка
    да несколько спичек -
низводит огонь гераклитов на хаос древесный
    из Хаоса и беспорядка

    и деревом в дерево тычет

7

словоелье. Ночь на снегу
в рождественской проруби
звезды парные
наклонился олень

убиенный в шестнадцатом веке
изображенный
мастером зимней охоты
в беге в паденьи
в разделке тела на части
наклонился и видит
свое лицо человека -
слепнущего с годами
рогового стрелка

8

поэзия черных беретов
выплывающих из-за горы
и кренящихся на бок
геликоптеров

- нету русского киплинга
афроафганского гумилева
с техникой вечноголодной
бок о бок
- нету растрепанной книжки
в кармане френча и/или рядом
с полупудовой игрушкой
на коленях

- нет ничего кроме карты
слишком цветной и лоскутной
слишком разноязыкой
кричащей

9

что же в городе полуштатском
ни одного солдата на улицах
ни одной машины
серо-зеленой
по утрам
не идет не едет?

и только флажками
огражденная
полурота лётных курсантов
материнскую выкрикнет песню
по дороге в баню
из бани

снова летние вечера
и мучительно припоминаешь
фамилью чекрыгина
пумпянского
пунина

и прямоугольная песня
как незакрытая форточка
тянет
воздухом душным
молочным паром

II
четыре примечанья

1(
о Господи с одним шестым
и то неверным и невероятным
и то не чувством даже - частью чувства
одной шестой
с шестою частью света
как можно примириться и прожить
не до шестидесяти нет
хотя бы только
до тридцати шести
да как же можно
блуждая в уступительных союзах
не чувствовать мостков и ничего
не чувствовать
неужто воздух шаткий
дощатым деревом ложится под подошвы
бывалым деревом
архангельским настилом
Архангельским
и ничего не знать
)

2(
их переписка их заметки
   их дневники
на дне разрушенной беседки

на радужной поверхности реки
когда с господского обрыва
так выразительно горя
зрачки расширились и ткань заговорила
но сбивчиво и торопливо
но беспорядочно и зря

как раз тогда (при возгораньи сцены
любовной - разве только о любви
их разговор с оттенком социальным?
такой философической змеей
обвитый ствол? таким зеленым соком
напитанное соприкосновенье) и тогда

я классика захлопнул я услышал
нездешний шум из траурной коробки
соприкасанье голоса и треска
как бы живые с мертвыми сплелись
и хрустнули и посинели пальцы
и можно долго всматриваться вниз

внимательно и медленно пока
глаза не взмолятся и слух не отворится
   но где-то сбоку, у виска
)

3(
перед агрессией беззвучья
ты отступаешь тишина
переступая срезанные сучья
входя в отравленные имена
в газеты зимние садов

где ветви срезаны и вдруг обнажено
в деревьях состоянье литер
как бы свинцом подземных словолитен
оттиснув новости извечные давно
политика вошла в природу

и без того условную, в цитатах
и театральных перспективах
аллей упершихся куда-то
в какой-то скомканный обрывок
известного стихотворенья

сюда попавшего с кавказа
и вместе с местным колоритом
с дымком походного рассказа
с полком души полуразбитым
дожившего до сообщенья

о действиях за Гиндукушем
где на гранатовых деревьях
живые распустились танки
перед афганкой благородной
)

4(
"зачем" зародыша и старческого "нет"
герметизованное эхо
я вижу смерть как шаровой портрет
как то что остается после смеха

она живейшая из нас
теплом и тлением дыша куда-то в спину
промеж лопаток выдышет рассказ
что потеряла-ищет Сына

и с теплым воздухом, согретым
ее дыханием, ты поднят над собой
к таким же легким звездам и планетам
к такой же лампочке полуслепой

я свет пульсирующий льющийся неровный
оранжевая кожура
у монгольфьера над жаровней
в солярных символах и отсветах костра
)

январь-февраль 1980
Ленинград

Виктор Кривулин (1945) - ленинградский поэт. Подробно о нем - см. "Континент", 10.

Марк ЗАЙЧИК

ИСТОРИЯ

РАССКАЗ

Летом того високосного года Рита Кошелева с мужем Сережей и дочкой Ирой жила на даче, в пятидесяти километрах от Ленинграда. Плавно и немудрено проходил ее отпуск на взморье, в веселой зеленой дачке, стоявшей в просторном сосновом лесу недалеко от плоского сизоватого моря, с которого с раннего утра и до темноты неслись гулкие счастливые крики, тугие удары по мячу, захлебывающийся рокот скутеров - и все это под белесым балтийским небом с нечеткой линией горизонта и невесомыми стремительными облаками, бегущими, как приземистая стая военных катеров к фортам Кронштадта.

Вставали поздно, завтракали на крошечном дворе за безнадежно загубленным городским столом, под ласковый утренний звон чашек на скатерти, засыпанной перекрученными хрупкими иглами с ближайших к дому деревьев.

Легко гудел праздничный день и пряный густой воздух моря и сухого леса, настоянный на стрекоте и жужжании, жил вкруг сидевших. Было томительно приятно сидеть вот так просто, слушать, дышать и смотреть, и думать, что хорошо бы вот так прожить на свежем ветерке, глядя, как за хозяйским мохнатым крыжовником,за сквозным побуревшим забором деловито спешат к морю пестро одетые горожане с недавно просвистевшей электрички.

На санаторной площадке темного цвета - трамбованный морской песок - Сережа играл в волейбол. Рита с дочкой наблюдали от судейской вышки, увенчанной тщательно беспристрастным судьей-любителем в детской панаме, как мускулистый ржавоусый смугляк с белоснежной полоской влажных зубов, высоко над сеткой пружинными расставленными пальцами накидывал оранжевый мяч и Сережа делал первый краткий шаг, длинной, высоко обнаженной ногой без носка,

обутой в затертый спортивный туфель, другой - и взлетал, победно вырывая свой широкий тонкий торс, обтянутый мокрой майкой, над сеткой, и широким мощным округом руки-пращи с победным звоном вбивал мяч, поверх защитных ладоней в землю.

Па-бам - двойным разносильным разрывом лопался тягучий воздух, как будто самолет перешел звуковой барьер,и оранжевым комком мяч упрыгивал через головы стоявших зрителей на краткую свободу.

К концу августа резко похолодало, с утра зачинался и сутками, сильно и ровно, лил дождь. Погода явно сдала и как бы пошла на убыль. Гуляли, одетые в свитера, по зернистым мокрым дорожкам в просторном парке, по середине которого, параллельно линии моря, на черном шлаке насыпи лежали две полосы бархатно-белых рельсов, в Ленинград и обратно.

К вечеру Сергей приносил охапку огромных еловых поленьев в мокрой прогнившей коре, со стуком сваливал их на замызганный жестяной лист, затем доставал специально высушенное полено и кухонным ножом щепал с него кривоватые долгие волокна, составлял их в нежном от пепла зеве печи шатким шатром, внутри которого скомканный газетный лист, а снаружи шатер из поленьев, и с одной спички поджигал.

Накрывшись хозяйским ватным одеялом, прихлебывая винцо и поглядывая на огонь - "ворожит ведь, а, Рита, как?" - учил очередной язык - для общего развития или, может быть, продвижения по службе, а вернее всего, по привычке. Рита споро вязала ему лыжный шарф. Ира лежала на печи, высунувшись с книгой неизвестного автора на свет.

Перед сном он со стуком открывал небольшое окно,придерживая рвущиеся половины, и вместе с влажным ветром в комнату врывалась опьяняющая зыбь, расплывалась тревожная слабость, и Рита торопливо просила:

- Закрой, пожалуйста, у меня голова кружится.

Она плохо спала, и вставая ночью поправить на Ире сползшее одеяло, все время думала: вот сейчас наткнусь на Мишу,и он скажет, "что же ты, милая, не видишь где ходишь".

Она возвращалась, и Сережа сонно спрашивал, пытаясь обнять ее и приблизить к себе до родства: - Я муж тебе, Маргарита, или не муж?

И с трудом высвобождаясь из этого неловкого, но властного объятия, Рита прерывисто шептала: - Спи, Сереженька,ты мне муж. Муж объелся груш. - Смеясь, он засыпал.

Это хождение по влажному холодному полу за случайной мыслью в душном сне напоминало ей почему-то смутное многодавнее катание с кудрявым безымянным одноклассником, гением задней перебежки, на заснеженном льду огромного катка ЦПКО имени Кирова,исполняемой для нее под ужасающий звук резки жесткого льда новенькими коньками-канадами.

За два дня до отъезда в город, в стучащий толстым ветром вечер приехали насквозь промокшие по дороге от станции товарищ Сережи по университету Самуил, в голых сильных очках, стремительно неорганизованный в движениях,с нагнутой вперед негибкой длинной спиной, как бы постоянно рвущий финишную цветную нить,и Миша.

Распознав его голос за неотпертой еще дверью, за раскатами уходившего грома и за четким шорохом дождя, Рита, дрогнув,обнаружила в себе то, что врачи называют сердечной недостаточностью. Глядя на его долгое узкое лицо с вдавленными щеками и средневековым тонким носом, она с несколько злобным ужасом и непонятным изумлением в очередной раз призналась себе, что "маленький рыцарь", как она слегка иронично называла Мишу, который не был ни маленьким и ни рыцарем, по выражению поэтичной подруги, "совершенно и до отказа заполнил многоярусный стадион ее души".

Когда пришедшие отогрелись у остывающей печи,выпили по полстакана водки и все, кроме Иры, оставшейся с книгой, расселись пить чай с прозрачным малиновым вареньем со взвешенными янтарными крупинками ягод, Миша, полуобернувшись, спросил:

- Ира, что читаешь?

- Да так, - неопределенно сказала девочка, не отрываясь от книги.

- А кого?

- Что кого?

- Ну, кто написал?

- Не знаю, обложка оборвана.

- Хоть интересно?

- Жизненно, - ответила Ира, - корейские народные сказки.

Сема, скрестив худые ноги и часто поправляя указательным пальцем вольные очки, сел против Сережи за мерцающие шахматы,Миша - непроницаемый болельщик - сбоку и Рита напротив, со скорым вязаньем под бешеный стук сердца.

- Диагональ эта вызывает у меня определенные надежды, - бормотал Сережа, кувыркая в руках облупленную фигурку слона.

- Да, я поэт трагической забавы, - рассеянно продекламировал Самуил.

У Риты этот псевдоэнергичный ленивец вызвал в туманной памяти такой же пасмурный день прошлого года перед концертом пепельнокожего разухабистого американца, впрочем, изумительного джазового пианиста, настоящего виртуоза, которыми, как говорят, заполнены Американские Штаты.

Встретились у здания бывшей Думы. Рядом с Семой стояла глазастая еврейская девушка, очаровательно некрасивая,одетая в так называемое демисезонное пальто со слипшимся чахлым воротником из немолодой белки, поднятым к озябшему лицу.

- Моя невеста Рая, - сказал Самуил своим сиплым разящим голосом.

Энергичная рослая женщина возле них, при взгляде на которую вспоминались все народы Азии, щелкнула лакированной сумочкой с влажным поперечным бликом, посмотрелась в зеркальце, поочередно поджав нижнюю и верхнюю опавшие губы.

Вместе с поднимавшейся из станции метро "Невский проспект" на Невский проспект толпы нарастала популярная 40-я симфония Моцарта - у кого-то был включен транзистор.

И шел мгновенно таявший на мокром асфальте крупный снег.

- Дай мне, Миша, часы, я их остановлю, - сказал Сергей.

- У меня нет их, - в тон ему ответил Миша.

- Тогда без часов сдаюсь.

- А мы что, так играли, ни на что? - спросил меркантильный Сема.

- Не знаю, - серьезно сказал Сергей, - жену я тебе не отдам.

И Сема смутился. Да, Сема смутился. Он вытянул из внутреннего кармана своего грубошерстного пиджака пачечку свернутых листков.

- Читать не будешь, конечно? - спросил.

- Прости, нет, это невозможно, - развел руками Сергей.

Диалог этот нуждается в пояснениях. Дело в том, что Сережа, настоящий ценитель, принципиально читал только книги, то есть все что угодно изданное, но только не машинописное. "В глазах рябит", - жаловался он.

Сема, редактор отдела самотека толстого журнала "Невский вестник", влюбленный в свое дело, мечтающий открыть нового Платонова, молодой критик, в течение многих лет безуспешно пытался его сломать.

- Но почему нет? - отчаянно восклицал он.

- Потому что своевольны, потому что скрипят, потому что так неловко родились, да мало ли еще почему, - возражал Сергей.

- А ты сам-то? Не своеволен?

- Зато и стихов не пишу, - ставил весомую точку Сергей.

С новым Платоновым тоже было не так просто. Платонов ходил по городу неопознанным. Но Сема не отчаивался - оптимизм с детства был его отличительной чертой.

- Давайте, друзья, проведем сегодня вечер за чаем, а то все водка, водка, даже скучно, право, - сказал Сергей,степенный русский человек из хорошей старой семьи.

- Конечно, ты прав, Сережа, - произнес Миша, поднялся,хрустнув суставами, и принес из распухшего своего портфеля, под вешалкой, скромную бутылку - украшение стола.

- Я думаю, что вы оба правы, - молвил Сема, не поленился и тоже сходил к портфелю - своему.

- Две бутылки - не одна бутылка, - отметил Сережа.

- Вы что, ребята, совсем с ума сошли? - спросила Рита.

- Думаю, дорогая, что мы с тобой невольные участники еврейского заговора, но русские не сдаются, - торжественно проговорил Сергей и из застекленного полупустого книжного шкафа из-за словарей своих и нескольких книг издательства "Академия" извлек то же.

- Голова будет болеть, - удовлетворенно сказал Сема.

На другой день гуляли в сторону Сестрорецка, по пустому пляжу, глубоко зализанному волной.

- Даже поговорить не удастся, вот ведь дура я какая старая, - подумала Рита, глядя на упрямое родное мишино лицо, мрачновато вышагивавшего против ветра.

- Все утро спать не давали, - жаловался Сема. - Бес какой-то машину заводил, а за стеной в теннис рубились.

- Это не за стеной, а в сарае, - поправил Сергей, - дети хозяйские упражнялись.

И тут же Рита вспомнила, как все утро безуспешно и сухо трещало зажигание и беспрерывно и равномерно, как некий хронометр судьбы, покал теннисный шарик за стеной.

Их роман начался воскресным апрельским утром.

Ну, конечно, они были знакомы раньше. Однажды раскланялись в тесном зале кинотеатра "Титан" на последнем переполненном сеансе. В новогоднюю безумную ночь у общей подруги Лены Буферман станцевали, обсыпанные конфетти, тесное танго, с уходящим паркетным полом, сладким головокружением, сталкиваясь между не убранными дубовыми стульями с высокой спинкой с молодыми поэтами, которые танцевали друг с другом.

Но звонок ее был, конечно, неожидан.

- Вы знаете, Миша, - волнуясь сказала она в равнодушную трубку в половине девятого утра, - я к вам очень хорошо отношусь, пойдемте в Русский музей.

Миша проснулся окончательно, присел на стылый пластиковый табурет, судорожно вспоминая, кто это и чем обязан. Из мишиного окна виден был родной демократический двор с погибшими тополиными саженцами и загороженной спортплощадкой, в мелких лужах,затянутых по краям тусклым ледком.

- Посмотрим картины Александра Иванова.

Совсем она не звучала уверенной, красивой белолицей женщиной, ухоженной и любимой. У входа в филармонию взяла его под руку. Фланелевый капюшон надежно скрывал ее лицо.

Они быстро пересекли площадь с пустым разбухшим от воды сквером и по диагонали, от энергичной статуи Пушкина, вбежали в музей. В музее было неожиданно пустынно. Неделю назад счастливо закончились школьные каникулы, унеся в тревожный март шепотливую насильную тишину детских экскурсий с окриками возбужденных учителей, суровой локтевой толкотней за место возле элегантной, нетерпеливо ожидающей внимания моложавой экскурсоводши с брезгливой складкой у длинного рта.

За душной темнотой южных ночей внимательно осмотренного Куинджи, за пропущенным Айвазовским, они остановились у неширокого пресного ручья художника Иванова, с каменистым умытым дном, по которому легко вызванивала ровно поблескивавшая водица с редкой летящей травинкой или палым листом.

Свет в зале не горел. Невеселое утро через большое музейное окно скудно и уютно освещало Риту и Мишу,стоявших близко к картине и друг другу, тучную старуху-смотрительницу, вязавшую что-то бесконечно-длинное, зеленым гадом обвивавшее ее поджарые ноги в войлочных шлепанцах, ловко вырезанных из старых валенок.

Особый воздух музея, нежилой, с подстроенной температурой,с приглушенным ропотом стенных вентиляторов, отдавал разбавленным аквамарином на белое свежее лицо Риты, с бледной краской намазанным ртом, трогательной линией щеки, уходившей за слабо рыжего цвета волосы, и нахмуренной самостоятельной бровью.

- Вы знаете, Рита, - сказал Михаил не глядя, - я не все понимаю.

- Нечего понимать, - дернула плечом Рита не оборачиваясь, - я просто...

- Что? - не расслышал Миша.

- Ничего. Проехало, - буркнула Рита, жена друга.

Смех их проскакал по обширной зале, по скользкому паркетному полу, по гулким стенкам и застыл у ног смотрительницы,заставив ту вскинуть снующий подбородок и уронить зазвеневшую неодобрительно спицу.

И затем в чужой квартире на стрелке Васильевского острова, где от проходивших трамваев дрожали стекла в полукруглых венецианских окнах, а по сумрачным стенам громоздились очертания мебели в бледных от пыли чехлах - ее протяженное тело поперек узкой кровати, над которой висел в дорогой ореховой рамке фотопортрет серьезного подростка в белой футболке с синим воротником и синей же буквой "Д" на груди слева. Под фотографией было от руки написано: "Динамо" - это сила в движении". Максим Горький.

Мужа ритиного Миша знал плохо, больше понаслышке от Семы, сдержанно похваливавшего мишины упражнения словом и в слове. Двусторонний темпераментный друг говорил о Сереже часто.

- Понимаешь, это так редко сходится: лояльность и способности, древний род и счастливая карьера. Почти ничем не поступиться...

- Почти - не считается, - подмечал Миша. Ему не нравились такие судьбы.

- Как ты смеешь, - загорался Самуил (Миша был младше), - посмотрим еще на тебя, герой.

- Посмотрим, - соглашался Миша.

- Ну, а в городе-то что? А то мы здесь, как на луне, - спросил Сергей.

- Ничего, - сказал Сема, - повальный отъезд.

- Ну-у! Куда? Туда?

- Да. Меняют державу на историческую родину, - в голосе Семы были слышны кавычки. Он шагал, подавшись вперед,в своей обычной манере. Из-под его добротных башмаков взлетали шлепки мокрого песка. Свитер его был покрыт водяной пылью. Дождь все собирался и собирался, но никак не шел.

Все-таки в этой простудной прогулке висела сероватая рябь над чистейшим мелководьем, валялись по твердому берегу хлопья радужной оседающей пены; в дальнем конце пляжа, возле подводы с понурой лошадью, плечистый малый в ватнике поджигал гору мусора, от которой в воздухе крутился бумажный пепел между орущими пикирующими ласточками, и Ирина пыталась добросить до матери резиновый мяч, который из-за ветра относило в противоположную сторону.

- Так все естественно, - говорил Сергей, - здесь ведь с возрастом умирают от скуки, годам к тридцати жить уже невозможно, все кончилось,не успев начаться...

- На редкость легкомысленное заявление, я прошу тебя.

- И потом обидно, вроде бы все не по настоящему, - продолжал Сергей, который всегда в принципе замечал и слушал только себя.

- Но ведь невозможно жить в государстве с неотделенной религией? - закричал вдруг Сема с накопленной давно яростью.

- А ты не знаешь.

- И знать не хочу.

- Твое дело, но погляди, как, пардон, твои братья всё оживили, ввели слово отъезд, представляешь - оживить такую лексику... нет, милый, ты совершенно не прав.

И Сережа, внезапно остановившись, левой сухой громадной кистью мягко поймал слабо треньнувший мяч,наконец-то почти доброшенный Ирой до матери.

- На, Ира, лови, - крикнул Миша и как давешний волейбольный мяч оранжевой дугой тяжело плюхнул в песок у ириных ног невесть откуда взявшийся у Миши апельсин. Привез вчера, да позабыл, видно, вручить.

- Ну вот, пожалуйста, привет из Яффы, - показал рукой Сема, - как начнут друзья уезжать, тогда поймешь все.

- А что, уже есть кто-то? - рассеянно спросил Сережа, несколько дерзковато поглядывая мимо друга на безупречно морской вид Финского залива.

- Вот, Михаил, - сказал Сема.

Рита споткнулась.

- Это ты, конечно, ловко, - прищурился Сергей, - то-то я смотрю, он два дня рта не раскрывает, а он, оказывается,на шейха тренируется.

Мелко пошел, наконец, дождь, светло и часто штрихуя пряный воздух.

- Дождик, дождик, поливай, мы поедем к Богу в рай, - проверещала Ира и побежала от пляжа вон, к парку, увязая в темном сверху песке и обнажая резиновыми ступнями его беловатый испод.

Тяжело и ладно зашевелил развитыми плечами, сдвинулся Сергей; засуетился Сема; раскачивая полные красивые локти,пробежала три шага, остановилась и оглянулась Рита.

Миша стоял, закинув глубоко назад голову, остужая и смывая лицо.

- Это правда?

Голос ее звучал отчаянно и громко.

Не в лад хрустели по хвойному насту и посвистывали по парковой мокрой траве удаляющиеся шаги.

Миша кивнул.

- Ты прости меня, - сказал он,удивляясь,как складывается в слова это слабое движение в горле,шевеление сухого языка и нечувствительных губ.

- А как же я?

- Так же,как я, - проговорил Миша,глядя в сторону затухающей голой груды давешнего мусора, от которой крутым наклонным столбом уходила струя густого душного дыма,сливавшегося с небом и морем.

И тут она прижалась к нему,прилипла к нему и на одном вздохе, очень быстро, боясь каждое мгновение разрыдаться,выпалила в лицо:

- Я понимаю, что у меня не так построено лицо, и вообще ты из особой секты,прости,касты,но я выяснила,Софья Абрамовна - ты помнишь, я тебе говорила, из техотдела, она очень в курсе,так вот, мой брак недействителен, не в счет, я перехожу в вашу веру, есть в Ленинграде старенький очень приличный раввин,он нас венчает,и мы живем с тобой, там или здесь, где скажешь.

- А ведь накажет меня Господь за эту женщину, - подумал Миша.

- Прости, но я больше просто не могу так, - она всхлипнула;

Миша обнял ее длинной рукой,и она заплакала у него на твердом плече, очень громко, отпуская себя совсем, обнажая десны, стуча зубами.

- Рита, обещаю ради тебя начать писать письма, - твердо сказал Миша.

- Жалко всех, сейчас, сейчас пройдет, - она вытерла скомканным платком свое и его лицо, судорога последнего рыдания пробежала по ней,и она прошептала: бедный ты мой, бедный.

Когда они подошли, Сережа мельком оглядел их, повернулся к Семе и закончил фразу:

- Дай мне твой документ, я исключу тебя из евреев.

- А ты кто такой? - кричал Сема.

- Пойми,чудак,это же полная и честная реализация человеческой жизни, посмотри, как все сошлось счастливо,из дома в дом, к смыслу и солнцу, так сказать, - показывал рукой Сергей.

- Но как там все устроено неловко, как они сладились с клерикалами, с "тарабарщиной угрюмой"...

- Как смогли, так и устроили, свободные ведь люди,милый. Закон хранят.

- Закон, - попритих Сема.

- Эх, Сема, Сема, да я бы эту, как ты говоришь, "тарабарщину" за полгода бы, мне бы только... - сказал Сережа.

Они прятались от дождя на детской площадке: Сережа под синим фанерным грибом, Сема под красным, а Ира под желтым.

- Да куда тебе-то в калашный ряд? Чем тебе-то? Ты же счастливец от рождения.

- Я, Сема, дворянин, - надменно сказал Сергей, - и здесь, Сема, в этой стране, попрано и унижено мое достоинство.

- Ну хорошо, а там что, - устало спросил Самуил.

- А там демократия все же, а там посмотрим, верно, Ритуля? Может, и правда махнем, а?

- Пошли домой, Сережа, - попросила Рита.

- Погоди, у тебя ведь бабка тоже... - не мог успокоиться Сергей, - как бишь ее, Бовари?

- Бомарше, - сказала Рита, - Ревекка Гедалиевна Бомарше.

1980

Марк Зайчик - родился в 1947 году в Ленинграде. С 1973 года живет в Иерусалиме. Печатался в журнале "Менора".

Юрий ГАЛЬПЕРИН

ФУТБОЛЬНОЕ ИНТЕРМЕЦЦО

(ИЗ ЦИКЛА РАССКАЗОВ)

- Зарплату проиграл, вещи в ломбарде... Мне надоело. Я устала. Я больше так не могу!

Мама прислонилась к голой стене и заплакала. Пальцы комкали кружевной платок. Шуршало платье, задевало сухие выцветшие обои. На стене, в солнечных лучах поблескивала икона. Бог смотрел на маму и на отца. Лицо его было суровое.

- Я попробую... В последний раз. Пойми, это футбол!

- Не будет добра от таких денег. Легко досталось - легко уйдет.

Мама умолкла и сникла, будто внезапно усомнилась в чем-то. Она не смотрела ни на меня, ни на отца. Слезы исчезли, высохли как по мановению. Но глаза, полные влаги, блестели. Мама подошла к зеркалу, поправила прическу. Она хотела еще что-то сделать со своим лицом, передумала. Склонилась над маленьким Димкой.

Отец подошел к ним. Продолжалось воскресное, почти праздничное, опечаленное слезами утро.

- Оставь меня, не мучай... Не хочу ни твоего футбола,ни твоих друзей - уходи. И можешь не возвращаться. Ночуй где хочешь, тебе не в первый раз... Одевайся, - сказала она Диме, дала ему конфету и вышла из комнаты, прикрыв дверь.

Малыш одевался самостоятельно и молча. Он чувствовал ссору и отворачивался от отца.

Отец стоял у окна и смотрел на Бога. А Бог смотрел на меня, потому что я сидел на диване, а Он всегда смотрит на диван. Мама сказала, эта старая потемневшего серебра иконка - не Бог, а произведение искусства и в нашей комнате единственная сто́ящая вещь. Но я не представлял, сколько может стоить Бог. Как-то неловко было подбирать ему сходную цену.

В школе объясняли, что Бога нет, что Иисус не существовал даже как историческая личность. Но меня это не волновало. А просто очень красивая была и торжественная улыбка на серебряных устах. И часто после того, как мама поплачет, постоит у зеркала и уйдет на кухню, а отец опять исчезнет, я потихоньку молился, на ходу придумывая молитву, потому что знал: только Он один может нам помочь, только Он один еще может и больше никто. И будет плохо, если Он не поможет. Но я знал, что Его нет и никто не поможет. Но все равно молился и не снимал пионерского галстука.

- Что скажешь, Артист?

- А ты?

- Мама права, - нехотя признался он. - По-своему, конечно, она права. Но... - Он помедлил, ему было трудно подобрать слово. - Понимаешь, она... Она не понимает... футбол.

Футболист дядя Пека Мелентьев жил во втором этаже во флигеле, в проходном дворе, соединявшем нашу улицу и набережную канала. Дом стоял в саду. Отцветали тополя. Пух кружился в воздухе.

Дядя Пека сидел на подоконнике, свесив ноги на улицу, старался поймать на нос тополинку. Он увидел нас внизу на дорожке сада и весело махнул рукой:

- Спровадил своих на дачу. Поднимайтесь.

Он сунул мне яблоко, открыл бутылку пива, поставил два стакана. Один перевернул вверх дном - означало: перед игрой пить не будет. Он ушел в ванную и долго плескался под душем, фыркал и переговаривался оттуда с отцом.

- Говорят,ты здорово проигрался?

Отец усмехнулся:

- Болтают. Просто боятся заключать пари.

- Послушай, ты ведь хороший музыкант. На кой черт тебе эта лавочка?

- А долги? Кто заплатит долги? Сейчас нужна другая музыка.

- Сегодня опять поставил?

- Нашелся один. На его тысячу я отвечаю три, - сказал отец. - И мяч форы.

- Вот паскуда! - возмутился футболист. - Это ведь грабеж безбожный... Но ты его не предупредил о дожде?

- Зачем? - усмехнулся отец. - По радио прогноз самый солнечный.

- Ну и правильно, таких надо учить, - крикнул из ванной дядя Пека. - А дождь все равно будет. Ребята из аэропорта звонили: последняя сводка - к вечеру дождь.

- В дождь вы еще не проигрывали.

- Деньги где взял?

- Пальто снес в ломбард, костюм и кольцо.

- Ничего, завтра выкупишь.

Мы сидели в маленькой комнате с пыльными коврами на стенах, заставленной тяжелой мебелью красного дерева. На полу лежали гантели, боксерские перчатки, шиповки и спортивные шаровары небесно-голубого цвета. Многочисленные одежды были развешаны на стульях или просто брошены на другую тахту, тоже покрытую ковром.

В ванной журчала вода. Я грыз яблоко. Отец пил пиво. Он думал о погоде. Это ободряло его.

В то воскресенье играли турецкая команда "Голотай Сарай" и наша. Дядя Пека играл по левому краю. Его знал весь город и даже больше - может быть, весь Союз. Таких нападающих знают все. Они с отцом дружили со школы и на войне были вместе. И мама говорила: их водой не разольешь.

Дядя Пека радовался дождю. "Голотай Сарай" считалась сильной командой. Но дома турки играли на вытоптанных твердых полях почти без травяного покрытия. А наши привыкли играть на скользком поле в плохую погоду, когда ноги не оторвать от земли и тяжелый мяч.

Дядя Пека долго и старательно растирался. Наконец он вышел из ванной в длинном красно-белом халате,так выходят на ринг боксеры. Он был невысокий и мускулистый, бронзовый от загара и сероглазый. Вьющиеся волосы выгорели на солнце и казались белыми. Это был бог. Только не мой Бог, а другой. Из богов Олимпа, мы проходили их в пятом классе. Дядя Пека был замечательный и первоклассный бог. И он провозгласил:

- В дождь мы никогда не проигрывали!

Я заметил, что отец осторожно коснулся пальцами супер-орешка. Такие двойные орешки носили на счастье в карманах игроки "мазу-мазу".

А бог-футболист подмигнул мне:

- Если все обойдется, Артист - мячик с автографами за мной.

Мы ехали на футбол.

Я запомнил: улицы,ведущие к стадиону, летние дороги были забиты автомобилями. Наша помятая "победа" с пропуском на ветровом стекле медленно катила,беспомощно зажатая в стаде машин. Светофоры дергали и сдерживали ревевшие экипажи на перекрестках. По Неве плыли баржи с песком. На пляже у крепости дымилась разноцветная груда тел.

Я запомнил: отец восседал рядом,с неизменным фотоаппаратом через плечо. Мягкая шляпа сдвинулась на затылок, открыв загорелый лоб, - обычно шляпу он носил в руке и газету носил в руке или засовывал в карман пиджака, отчего карман отчаянно оттопыривался. Он обвис, мама ничего не могла с ним сделать. Но это не мешало. Мы ехали на футбол.

Отец и приятели его забывали обо мне. Они громко говорили о своем, курили и не стеснялись. А я смотрел вперед и боялся, что вот скоро мы приедем. Мне очень нравилось ехать и не хотелось никуда приезжать.

Но мы ехали на футбол.

На ровном травяном поле метались турецкие футболисты в желтых майках с черными полосами - быстрые тигры. Наша команда была одета в сине-красные цвета. И на первой минуте (Трифонов с подачи Мелентьева) туркам вкатили гол. Проход получился красивый - из самого центра. Трибуны скандировали: "Пека! Пека!.."

Папа размахивал программкой над головой.

- Ага! Что я говорил, ну что я говорил!

Но говорил-то он как раз другое - перед игрой вся надежда была на дождь. И я дернул его за пиджак.

- Перестань, па. Ничего ты не говорил.

А он возмутился и на меня:

- Ты как с отцом! - Но понял, что перегнул, и уже примирительно: - Фора у нас есть, Артист. Нельзя же ставить только на дождь.

Зеленый прямоугольник сокращался, когда атаковали тигры, и вытягивался в длину перед сине-красными, гнавшими к турецким воротам мяч. Единственный, кто не проигрывал туркам в скорости, был дядя Пека. Несколько раз он проходил к воротам, но отдать было некому. Ударить не давали. Защитники, как привязанные, бегали за ним вдвоем. Он тяжело дышал. Рубашка потемнела от пота. Я хорошо видел, как он поглядывал на небо, и у него было серое лицо.

Мяч катился от ворот до ворот, управляя на дистанции бегом игроков. Отступала волна защиты, полузащитники возились в центре с нападающими в полосатых футболках, и когда игра смещалась к штрафной, сине-красное нападение откатывалось назад,помогать. Судья назначал свободный. Вратарь выбивал. В ином сочетании цветов картинка повторялась у противоположных ворот.

Наши футболисты наступали медленно, пасуя поперек поля,спотыкаясь на неточностях. Возвращались к центру и начинали опять. Проходы девятки-Мелентьева (я следил за ним в бинокль) случались чаще. Но турки не давали ему простора.

- Опекают, - сказал отец.

Но Мелентьеву все-же удавалось играть. Четырежды мяч уходил на угол. И один раз все уже думали, что гол, когда их вратарь взял крученый низовой.

Турки играли сильнее, - каждый в отдельности, - это было заметно даже мне. И я понять не мог, почему наши зажали их и атакуют непрерывно. В воздухе разлилось напряжение, какое бывает перед голом.

- Нельзя им дать очухаться, а то они покажут нам, - бормотал отец.

Я не видел повода для беспокойства. Трибуны ровно гудели - требовали мяча. Гол собирался, как грозовой разряд.

Но пошел дождь.

Развернулись зонты, заблестели плащи. Люди укрывались газетами. Какие-то минуты мы не следили за игрой, занятые проблемой, как спрятаться от дождя. Папины друзья натягивали клеенку, укрывали меня. И никто не заметил, как упал девятый номер - дядя Пека Мелентьев.

Футболисты скользили, падали. Трудно стало различать номера. И никто не обратил внимания. А я почему-то испугался. Еще не понимая, почему. Игра продолжалась.

Он лежал неподвижно на мокрой траве. Сквозь мутную пелену дождя я увидал: он пошевелился, попробовал подняться и не смог. Наверное, он застонал, потому что пробегавшие игроки оглянулись. Судья остановил игру. На гаревой дорожке показались санитары в белых халатах. Я видел, как дядю Пеку положили на носилки и бережно понесли.

Отец схватил меня за руку, и мы стали пробираться по ступеням лестницы, где тесными рядами сидели безбилетники. Мой костюм начал промокать, а дождь все лил, и конца ему не было.

Дядя Пека, побелевший и сосредоточенный,неподвижно лежал на качающихся носилках. Струйки воды стекали по лицу. Он заметил меня. Я хотел вытереть чистым платком ему лоб, но не успел.

- Здорово они меня, - сказал он тихо. - Верно рассчитали.

И отвернулся.

Отец ответил ему что-то, произнеся слова хрипло, почти весело. И подмигнул. Пека рассмеялся. Дождь ничего не решал - они знали оба. И это их объединяло сейчас и разъединяло. И не оставалось места словам. Они оба все понимали - в утешении здесь не нуждался никто.

В перерыве много спорили и кричали: "мазу! мазу!" Но пари никто не заключал. Весь первый тайм сине-красные продолжали атаковать. Трибуны молчали - настроение переломилось. Лил дождь. Бесполезный. Турки закатили в наши ворота два мяча. Теперь дождь прекратился. Я ел пирожок и смотрел, как хлопают мокрые флаги.

Мы гуляли по дорожке над трибунами. Я старался ступать ногой в лужи, блестевшие на просыхающем асфальте. Перепрыгивал через черные трещины. Наступать на трещины запрещалось - это была игра. Я прыгал и подпрыгивал, и дергал отца за руку.

Он шел рядом, медленно, как слон, в желтых своих башмаках на толстой подошве. И не ступал в лужи.

Все пили пиво. Мы тоже пили пиво.

Отцу откупоривали бутылки. Он наливал мне в картонный стаканчик и пил сам. Он считал, что мне полезно хлебнуть пивка. Но я уже не мог. Начинал вертеться на месте. И мы спускались вниз, где было прохладно, пахло хлором и по-особенному журчала вода.

Когда мы вернулись наверх, отец выпил еще пару бутылок. Он был большой и любил пиво. Из карманов его пиджака торчали газеты, программки, испещренные цифрами и чернильными пометками. Его здесь многие знали, здоровались. Некоторые спрашивали, стоит ли делать ставки? Он пожимал плечами. Или отвечал, объясняя,размахивал руками. И не спорил никогда.

Команда проигрывала. Мы тоже проигрывали, потому что отец не угадал счет. Но он был спокоен. Я тоже был спокоен рядом с ним на мокром асфальте. Перепрыгивал трещины, путался под ногами. Ленинградцы проводили международные встречи четко,в перерыве парторги их серьезно накачивали, и я понимал - многое может измениться и не все потеряно. И понимал - отец знает, что уже ничего не изменится. Так не бывает. Слишком много бесплодных атак мы сегодня видели. Отец знал это и был спокоен и уверен. И пил пиво, потому что солнце опять начало припекать.

Мы честно досидели до конца матча. Ничего не изменилось. Публика полезла вверх по скамейкам к выходам.

Из серебристых колокольчиков-репродукторов грустно сыпались марши. Мокрое солнце падало в залив,чтобы утонуть где-то за Таллином, в нейтральных водах, у шведской границы. Яхты с малиновыми парусами скользили к берегу. За потемневшими деревьями мелькали одна за другой гоночные машины. С кольца долетал львиный рев моторов и визг тормозов на виражах.

Мы спускались по каменной лестнице мимо фонтанов. Никто из друзей не подошел к нам. Они молча прощались и проходили мимо, молча обгоняли нас. Они как будто все сговорились нас обогнать.

Отец тащил меня за руку, но мы не спешили. Я устал и глазел по сторонам, чтобы не смотреть на него. Отец поворачивал к вечернему солнцу лицо и морщился. Капли пота блестели на лбу. Необычная улыбка пряталась в уголках губ. Тогда я не знал,что может стоять за такой улыбкой. Не было у меня оснований бояться ее. А он знал все и был спокоен, и крепко держал меня за руку. Он был совсем добрый, и домой мы поехали на такси.

На автомобильной стоянке к нам подошла высокая женщина,красивая вся, словно киноактриса с обложки заграничного журнала. Я ее где-то видел. Она помахала отцу рукой и что-то сказала мне. От нее пахло такими духами, что у меня закружилась голова.

- Я уже все знаю, - сказала она и остановилась,выжидая.

Но отец ничего не собирался ей объяснять.

- Да, конечно, - сказал он и пожал плечами.

- Позвони, я что-нибудь придумаю.

- Не стоит.

- Твой сын?

Она уехала в длинном блестящем ЗИС-110, оглядев меня печальными глазами. Отец ничего ей не сказал, не попрощался. Он, верно, и не заметил, куда она делась. Он прикуривал сигарету.

Мы долго ждали такси и смотрели на дорогу,как смотрят вслед уходящему поезду. Поезд уходит, а ты остаешься. И никто не знает, как хочется уехать. И не имеет значения, куда он идет.

Через весь город мы добирались домой в такси. Нас ждала мама. Она была сердитая и ласковая. И уже знала о проигрыше: кто-то из футбольных друзей-приятелей успел позвонить. "Друзья-предатели" называла она их.

Она любила нас обоих. Она и сейчас любит и скрывает это.

Но слишком часто она оставалась права и не понимала футбол.

Юрий Гальперин родился в Ленинграде в 1947 году, занимался историей России на историческом факультете Ленинградского университета. В СССР напечатано несколько рассказов и очерков, поставлена пьеса. С 1979 года живет в Берне (Швейцария), работает в Бернском историческом музее.

Владимир АДМОНИ

СТИХОТВОРЕНИЯ

третья встреча
1928-1963

1

Влюбленность - знак неполноты,
Ущербность молодости стройной,
Порыв мечтаний беспокойный -
Любимая, так где же ты?

Да и теперь со мной в пути
По жизни, тряской и размытой,
Души мучительный избыток,
Влекущий к поискам любви.

2

Это что еще там за избыток,
Обернувшийся неполнотой,
Неуемный волшебный напиток,
Мятых трав золотистый настой?

Это словно и битва, и братство,
Это словно и солнце, и сад -
Неизбывное это богатство,
Предназначенное для растрат.

3

Это все-таки тут - тонкой нитью
Проскользнет по обочине снов,
Это - память, и это - наитье,
Тень от августовских облаков.

Проступает за осенью желчной
И белеет средь зимних огней,

Притаилось, лукавое, молча
За автобусной тряскою дней.

То воробушком глянет веселым
Из февральской, из утренней мглы,
То вонзится тяжелым уколом
Обезболивающей иглы.

4

Вы запомнились сестрою дальной,
Только были близкими слова,
В робости первоначальной
Прозвучавшие едва.

Потому что оба мы привычны
К немоте давным-давно.
Потому что мы косноязычны,
Как поэтам суждено.

5

Вы теперь со мною неотступно.
Это значит - изредка в ночи
Самым близким планом, самым крупным
Вы заглянете в глаза мои.

Потому что в черный мир обрушась
И подпав недружеской судьбе,
Так не часто удается душам
Завернуть хоть на часок к себе.

6

Мы, привыкшие судьбе перечить
Самой неуемной немотой.
Мы умеем ждать. И к третьей встрече
Добредем в ночи пустой.

Потому что осени и зимы -
Это лишь солдаты на часах.
Потому что все проходит мимо -
Все, что не прописано в сердцах.

7

Теперь на стражи мы не делим ночи -
Ты вечером рожден,так жди утра.
В холодной снежной мгле, вороньей и сорочьей,
Гляди и жди, когда придет пора.

И наши встречи - лишь ночные встречи
В той белизне, где не видать ни зги,
Где милый голос что-то пролепечет
И вдалеке прошелестят шаги.

Без точных взглядов, без прикосновений,
И приглушая человечий крик,
Так видятся потерянные тени -
И все-таки счастливые на миг.

До третьей стражи и до третьей встречи
Так долго длятся ночи в январе,
Пока кряхтит, помят и покалечен,
Мороз вчерашний на пустом дворе.

Пока мертвят неоновые нити
На улицах обледенелый снег,
И всё дивится своему дожитью
К себе домой бредущий человек.

а перекличка лет...

1966-1973

1

А перекличка лет как крики петухов
Недолгой, летней, деревенской ночью:
Всё те же возгласы все тех же голосов,
Но только каждый раз тревожней и короче.

Я просьбу узнаю и узнаю вопрос.
И снова мне никак не опознать их сути.
И все бледнее свет давно знакомых звезд.
И медленней заря в моем земном приюте.

2

Белой ночью кукушка накличет мне множество лет.
А ворона наутро накаркает множество бед.

Но не будем с тобой мы внимать предвещаниям птиц.
И не будем глядеть на ухмылки недобрые лиц.

Мы отправимся лучше нешумной, тенистой тропой.
Я пойду впереди, через мхи, а ты следом за мной.

И друзей навестим, что лежат на погосте лесном.
Где кукушка кукует - да только уже не о том.

3

Это память всегда за меня отбирала
Ту черту, по которой потом оживает предмет.
Безотчетная память меня наводила на след
Прикорнувших вещей, а другие навеки стирала.

И богатый забвеньем, я вдруг натыкаюсь на суть,
На скрещенье явлений, на их сердцевину тугую.
И иду по дороге, с которой никак не свернуть.
И никак не припомню, о чем я сегодня тоскую.

4

От жары стала жесткой листва.
И блестит словно новая жесть.

И жасмин, непомерный сперва,
За два дня успевает отцвесть.

Только странно, что нету стрекоз -
Тех, что в детстве, с прозрачным крылом,
Как предвестницы праздничных гроз
Повисали в пространстве густом.

5

Вздымается слепящий плеск
Дыханий стройных и различных.
И нет в душе свободных мест
От тонкости струны скрипичной.

На все, на все звучит ответ,
Врачуя прерванные чувства.
И гасят многоцветный свет
Филармонические люстры.

6

Оказалось, я шел прямиком -
это улицы только плутали.
Это путалась глупая даль,
это ива росла не туда.

И не в те, и не в те небеса
непутевые дни улетали.
И не в тот запыленный колодец
катилась, скатилась звезда.

Самые ранние из этих стихов пролежали в столе у автора 52 года. Более полувека в Ленинграде живет поэт, которого не печатали газеты и журналы, которого не называли в списках к торжественным датам, но которого и не клеймили за его стихи, не гнали в шею - который, словом, не получил ни одной из наград, положенных русскому поэту сегодня. Потому что этот поэт с самого начала решил не печатать и даже не показывать своих стихов. Их было двое - он и его жена, и ему было довольно того читателя, каким она оказалась. Впрочем, были еще двое-трое друзей, кому доверялось,и среди них - Ахматова, считавшая его большим поэтом. Вероятно, эти стихи все равно не стали бы печатать советские издательства. Но поэт и не пытался. Само ношение текстов по социалистическим присутствиям казалось ему оскорбительным для них. Возможно, была и осторожность - но отнюдь не трусость: в жизни его было немало поступков, за которые не хвалят в нашей стране (из всем известных - свидетельство в суде в пользу Бродского, судимого за тунеядство). Владимир Григорьевич Адмони (родился в Петербурге в 1909 г.) прожил эти годы как литературовед и переводчик, профессор филологии. Он и его жена Тамара Исааковна Сильман, тоже доктор филологии, немало сделали, чтоб ввести в русский обиход немецкую (и скандинавскую) литературу - Ибсен, Томас Манн, Гейне, Мейер,Рильке. И вообще для нас они представляли тот традиционный культурный Петербург, ради которого лишь и стоило жить в этом городе.После смерти жены Владимир Григорьевич стал показывать стихи, они ушли из-под контроля - и поэт стал постепенно открываться нам.

В.М.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РУССИКА»

ЮЗ АЛЕШКОВСКИЙ. Рука. *(Повествование палача).* 400 стр. $16.50.

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО. Три книги: **«Нечистая сила»**. **«Дети»**. **«Пантеон советов молодым людям»**. 1921—24./*Переиздание.* 303 стр. $7.95.

МИХАИЛ БУЛГАКОВ. Дьяволиада. М., 1925./*Переиздание.* Новая красочная обложка и рисунок А. Крынского. 160 стр. $5.95.

МИХАИЛ КУЗМИН. Сети. Первая книга стихов. Берлин, 1923. *Переиздание.* Обложка по оригинальному рисунку Н. Альтмана. 208 стр. $5.95.

МИХАИЛ КУЗМИН. Нездешние вечера. Стихи 1914—1920. Петербург, 1921./*Переиздание.* Обложка — по оригинальному рисунку М. Добужинского. 136 стр. $5.95.

НЕПОДЦЕНЗУРНАЯ РУССКАЯ ЧАСТУШКА. Подготовка текста В. Кабронского. Предисловие проф. В. Раскина. 220 стр. $6.95.

БОРИС НИКОЛАЕВСКИЙ. История одного предателя. Террористы и политическая полиция. Берлин, 1932 г./*Переиздание.* 374 стр. $12.00.

РУССКАЯ ЛИРИКА. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. Сост. Кн. Д. Святополк-Мирский. Париж, 1924./*Переиздание.* С новым предисловием проф. Глеба Струве. XIII, 211 стр. $6.95.

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ. Собрание стихов. Париж, 1927. /*Переиздание.* 184 стр. $5.95.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА. Избранная проза в двух томах. Предисловие И. Бродского. 2 тома, 835 стр. $30.00.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА. Стихотворения и поэмы в 5 томах. Том I. Иосиф Бродский. Об одном стихотворении. (Вместо предисловия). Виктория Швейцер. «Своими путями». (Биографический очерк). «Вечерний альбом». «Волшебный фонарь». «Юношеские стихи». «Версты 1». (1916). Стихи, не вошедшие в сборники. 380 стр. $20.00.

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ:

НИНА БЕРБЕРОВА. Курсив мой. Издание второе, исправленное и дополненное. С предисловием автора.

ЗИНОВИЙ ЗИНИК. Перемещенное лицо. Роман.

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ. Россия в письменах./*Переиздание.* С предисловием д-ра Ольги Раевской-Хьюз.

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ. Крыса. Подготовка текста и комментарий д-ра Рональда Вруна.

МАГАЗИН «РУССИКА» ПРЕДЛАГАЕТ:

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО. Перед восходом солнца. Под ред. и со вступ. статьей **Веры фон Вирен.** Нью Йорк, 1973. 315 стр. $6.95.

ИНДИЙСКИЕ ТРАКТАТЫ О ЛЮБВИ. Нью Йорк, 1977, 133 стр. $4.00.

НИКОЛАЙ КАТЕНЕВ. Костя Попандопуло и я. Нью Йорк. 1977. 325 стр. $6.95.

ЭДУАРД ЛИМОНОВ. Это я — Эдичка. 1979. 281 стр. $9.50.

АНАТОЛИЙ ЯКОБСОН. Конец трагедии. Нью Йорк. 1973. $6.50.

«Руссика» принимает оплату исключительно в виде Международных денежных переводов в долларах США.

RUSSICA BOOK & ART SHOP,
799 Broadway, New York, N. Y. 10003.
U.S.A.

Георгий ВЛАДИМОВ

10 ноября 1980 года председатель русской секции организации "Международная Амнистия" писатель Георгий Владимов был вызван на допрос в Лефортово по делу Татьяны Осиповой, недавно арестованной за участие в работе Московской Хельсинкской группы. Владимова допрашивали в связи с тем, что он подписал в январе 1980 года документ № 119 Московской Хельсинкской группы, в котором осуждается советское вторжение в Афганистан. Допрос продолжался семь с половиной часов. После этого Георгий Владимов был с инфарктом отправлен в больницу.

Владимир ВОЙНОВИЧ

Как я уже сообщал, в начале этого года мне было предложено покинуть Советский Союз. Предложение было сделано в два этапа: сначала в день выборов 24 февраля пришедшим ко мне в дом под видом агитатора партийным функционером Богдановым. Месяц спустя на моем горизонте возник новый персонаж, которого я не называл, а теперь назову: Юрий Идашкин, ответственный работник Госкомиздата СССР, член Союза писателей, кандитат психологических наук.

Идашкин, которому власти доверили роль посредника между ними и мною, начал с предупреждения, что мне грозят большие опасности: я могу попасть в автомобильную катастрофу, могу оказаться участником уличной драки или жертвой провокации,которая приведет меня на скамью подсудимых. Возможно, на Западе в связи с этим возникнет какая-нибудь шумиха, но нам, сказал Идашкин, теперь на нее наплевать, мы и так проигрываем, а с каким счетом - 0:4 или 0:6 - неважно.

За двенадцать последних лет я угроз подобного рода и даже похуже выслушал немало, я их презирал и сейчас презираю.

Однако эти годы не прошли для меня даром, я устал бороться за право быть самим собой.

Я сказал Идашкину, что если цель тех, кто его направил,состоит в том, чтобы я добровольно покинул Советский Союз,им осталось выслушать несколько моих пожеланий и сообщить, принимаются они или нет. Пожелания мои были весьма скромны: я вывожу свой небольшой архив, библиотеку,в квартире,остающейся родителям жены, до моего отъезда включается телефон. Идашкин,а вместе с ним и те, кого он собой представлял, были потрясены умеренностью моих условий и решили проявить ответное благородство. Мне было предложено выехать с советским паспортом на любой срок, в любую страну, по любому приглашению. Небольшое препирательство возник·

ло относительно срока отъезда. Начальники Идашкина хотели, чтобы я это сделал до Олимпиады, наступления которой они боялись, как войны. Но услыхав от меня, что во время Олимпиады я в Москве оставаться не собираюсь, они согласились на срок, названный мною - сентябрь.

В ОВИРе, который, как известно, не подчиняется ни Идашкину, ни даже Госкомиздату, меня встретили с распростертыми объятиями, из чего я заключил, что мой посредник действительно обладает серьезными полномочиями.

Все лето мы готовились к отъезду, прощались с родственниками и друзьями. Мне в жизни пришлось перенести немало,но это испытание было одним из труднейших.

5 августа у меня был первый сердечный приступ, затем еще несколько.

21 августа, не выдержав стресса, вызванного ситуацией, один за другим скончались родители моей жены. В тот же вечер со мной случился самый тяжелый приступ, и если бы не наш товарищ врач, оказавшийся рядом, моя жена могла потерять не только родителей, но и мужа. После этого я решил, что если уж уезжать,то как можно скорее.

3 сентября через Идашкина я просил власти не затягивать выдачу паспортов. Мне было сообщено, что паспорта давно готовы,меня не торопили только из гуманизма, из сочувствия к нашему горю. Но теперь, конечно, все будет сделано в самое ближайшее время. Второй раз я напомнил о себе 1 октября, третий раз - еще через две недели. 20 октября я получил ответ, которого, конечно, следовало ожидать, зная, с кем имеешь дело. Мне было сказано, что вопрос о моем отъезде еще не решен, будет решен не раньше, чем через три недели, и как именно будет решен, еще неизвестно. Значит, все беды, доставленные нашей семье, включая убийство (я назову вещи своими именами) двух беспомощных стариков, были сделаны до решения вопроса, предварительно?

Я обращаюсь к тем, от чьего имени вел со мною переговоры Идашкин.

Бесстыжие наглецы! Я не хотел усугублять свой конфликт с государством, я готов был вести себя лояльно, но терпеть глумление над собой не собирался и не собираюсь.

Меня давно уже не удивляют ваши коварство, жестокость и беспринципность. Но недостатку у вас не то что государственного,а обыкновенного практического ума,признаюсь,не перестаю удивляться. Упиваясь своей властью, вы никак не хотите усвоить, что ваши карательные возможности по отношению к состоявшемуся писателю не просто ограничены, а даже близки к нулю. Любого из вас можно выгнать с работы, и он в тот же миг станет никем. А меня,как всякое живое существо, уничтожить, конечно, можно,но выгнать из литературы нельзя. Это вне вашей компетенции. Хотя бы из отечественной истории вам пора понять, что чем больше травят писателя, тем дольше живут его книги, переживая не только его самого, но и его гонителей.

Мое письмо придется вам не по вкусу, но в том, что оно появилось, виноваты вы, а не я. Я не хотел скандала. Я хотел и хочу писать то, к чему меня влечет мое призвание, то есть романы

или рассказы, а не открытые и закрытые письма. Поэтому теперь я желал бы с вами расстаться и как можно скорее. Я вам надоел, но и вы мне тоже вполне надоели. Если же вы хотите унизиться и употребить всю вашу власть для сведения счетов со мною, я пока еще к вашим услугам.

Владимир Войнович

23 октября 1980 года

Впервые в жизни я делаю заявление для печати. Вынуждает меня к этому ситуация, в которой находится сейчас моя семья.

Я не ставлю перед собой задачу описывать жизнь,прожитую нами в те семь лет, которые прошли после исключения моего мужа,писателя Владимира Войновича, из Союза писателей. Друзья и близкие, да не только близкие, а многие читатели знают о реальности подчас трудной, а иногда и трагической жизни писателя, избравшего подобную судьбу. Не хочу здесь рассказывать и о том, какой трагедией казался мне все это время наш вынужденный отъезд.

Расскажу только о части истории, той части, которая связана с моими родителями.

Родители мои люди консервативные и достаточно старые. Маме исполнилось в марте этого года 72, отцу в феврале - 73. Когда 10 лет назад они построили кооперативную квартиру в дальнем районе Москвы, они не решились в нее переехать (далеко,непривычно) и остались жить в коммунальной квартире с соседями. Теперь, после принятого решения мне предстояло сообщить им о необходимости уехать из Москвы, из страны, уехать неизвестно куда и начать жить сначала.

Друзья и близкие уговаривали меня не тянуть, дать им время привыкнуть к этой мысли. Но я чувствовала, что привыкнуть к ней они не смогут. Я чувствовала, что убью их этим сообщением: они не смогут уехать с нами и не смогут остаться без нас.

И действительно, с той минуты, как они узнали о случившемся, начались страшные муки для всех: для меня, для них, для мужа. Положение казалось им безвыходным, таким же оно казалось и мне: я понимала, что не могу увезти их насильно, но не могла себе представить, как переживут они минуту расставания, пусть даже ненадолго, на несколько месяцев, как мы думали.

Когда после окончания Олимпиады мы вернулись в Москву,необходимость срочного решения проблемы стала очевидной. На следующий день после приезда с сильными сердечными приступами свалился мой муж. В эти же дни, вернее ночи, начались сердечные приступы и у мамы. Представьте мое положение: ночной приступ у мужа, причем не характерный, не такой, который снимается определенным набором лекарств. Телефона нет (он у нас отключен),и чтобы вызвать скорую помощь, я должна на полчаса уйти из квартиры, хотя не знаю, что будет с ним в следующую минуту.

Когда приступы начались и у мамы, наверное я должна была забрать обоих родителей к себе. Но опять представьте: что я буду делать, если приступ начнется у обоих?

Было решено положить маму на две недели в кардиологическую клинику для улучшения ее состояния.

Как не хотела она ложиться в больницу, как отнекивалась,как придумывала причины, чтобы этого избежать! Когда уже легла,сказала: "Мне осталось видеться с Олечкой месяц, а две недели я буду в больнице. Что же останется?"

А ничего не осталось. 10 августа я положила маму в больницу, причем врачи вовсе не считали ее особо тяжелой больной, она лежала в обычной,не реанимационной палате,ей были разрешены прогулки, а 21 августа после ночного приступа она вдруг неожиданно умерла в одну минуту.

Но и это еще не все. Заметьте,сколько раз в этой истории роковую роль сыграло отсутствие телефона. А ведь это только одна, вовсе не самая важная деталь жизни писателя,все преступление которого заключается в том, что он захотел остаться самим собой, таким, каким его создал Бог.

Ввиду отсутствия у меня этого трижды проклятого телефона,из больницы с сообщением о маминой смерти позвонили не мне,а отцу. Он, человек вполне бодрый и жизнедеятельный, выскочил из дома - бежать ко мне - в шоке от этого сообщения и упал замертво около дома.

Он умер через час после мамы.

Не думаю, что эта история нуждается в комментариях. Мои родители умерли оттого, что им не по силам было справиться с этой жестокой жизненной ситуацией. До сих пор я не говорила о тех, кто заставил нас в ней находиться, кто заставил меня нанести родителям этот удар. До самого своего последнего дня я буду виновата перед ними.

Но сегодня мы видим, что оказались в другой, еще более зловещей ситуации. Оказывается, вопрос о нашем отъезде вовсе не был решен весной, как говорили мужу с самого начала. Называются все новые сроки, и последняя отсрочка - еще 3 недели - окончательно убеждает меня в том, что мы находимся в центре каких-то странных интриг, какого-то гнусного эксперимента. Кто может поручиться мне, что смерть моих родителей и тяжелые сердечные приступы мужа не вдохновили этих экспериментаторов на новый творческий поиск? А может быть, и он сляжет с инфарктом? И не захочет в больницу лечь в подобных обстоятельствах?

Во всяком случае, сколько бы я сейчас не гадала,ни думала о случившемся, как бы ни билась в догадках, пытаясь понять, жертвой чего стали мои родители: жестокой жизненной ситуации или чьей-то гнусной игры - одно я знаю точно: их уже нет. Нет у меня мамы и папы, а у моей дочки Оли нет больше бабушки и дедушки. Нет двух трогательных неповторимых существ,давших мне жизнь и не причинивших зла никому на свете.

В заключение еще раз хочу сказать: никогда я не выступала ни с какими политическими заявлениями, не занималась никакой политической деятельностью. Это мое заявление я делаю в память трагически погибших моих родителей, которых я так любила и которых не сумела спасти.

Ирина Войнович

22 октября 1980 года

Виктор КРИВУЛИН

7 декабря 1980 года часть неофициальных писателей, поэтов и редакторов самиздатских журналов г. Ленинграда решила объединиться в Свободный культурный цех, существующий на правах профсоюза.

обращение к общественности

Вследствие все ухудшающегося социального и политического положения в стране и невозможности свободно творить,выражать мнения и обмениваться информацией мы решили объединиться в Свободный культурный цех, существующий на правах профсоюза.

Наши цели следующие:

1. Взаимозащита членов профсоюза и тех деятелей культуры, которые подвергаются преследованиям.

2. Способствование обнаружению и опубликованию наиболее интересных и ярких произведений литературы, поэзии, философии, публицистики, созданных авторами, не входящими в официальные профсоюзы.

3. Мы обращаемся к мировой общественности с просьбой поддержать нас в обмене информацией и идеями, в диалоге между Востоком и Западом.

4. Мы выступаем ради сохранения всего наиболее ценного и достойного в культурном наследии, не охраняемом официальными советскими учреждениями.

5. Мы стоим за глубокое ознакомление с фактами как отечественной, так и зарубежной культуры путем опосредственных и непосредственных личных контактов между деятелями культуры в России и за рубежом.

От имени Свободного культурного цеха в Ленинграде, заявившего свое существование на правах профсоюза, обращение подписали редакторы ленинградского самиздатского журнала "37":

поэт Виктор Кривулин и литератор Сурен Тахтаджан.

Сообщение и текст Обращения поступили от Татьяны Горичевой, ленинградской правозащитницы-феминистки, недавно вынужденной эмигрировать из СССР и живущей во Франкфурте-на-Майне. Сообщение было передано ей по телефону из Ленинграда.

16 декабря на квартире Кривулина был произведен обыск органами УКГБ СССР под руководством сотрудника КГБ Носова, который известен тем, что он "занимается профсоюзами".

В результате обыска у Кривулина были конфискованы книги и рукописи в количестве 56 наименований, среди них собрание номеров самиздатского журнала "37", редактором которого уже несколько лет является Кривулин. Отнята также пишущая машинка Кривулина.

БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Андрей Платонович Платонов (1899 - 1951)

Составители А.КИСЕЛЕВ и В.МАРАМЗИН

(Начало в № 4, 1979)

1925

1. газ. "Воронежская коммуна" (Воронеж) № 1,1 января 1925 г., стр. 3. Огни Волховстроя. [*Статья.*]
2. там же, № 43, 21 февраля 1925 г., стр. 3. Мелиоративная война против засухи. [*Статья.*]
3. там же, № 59, 12 марта 1925 г., стр. 2. Как единственно возможно ликвидировать засуху. [*Статья.*]
4. там же, № 126, 6 июня 1925 г., стр. 3. Организация победы над засухой. Губернское мелиоративное совещание. [*Статья.*]
5. там же, № 168, 26 июля 1925 г., стр. 3. Итоги общественно-мелиоративных работ в губернии. (Доклад губ. мелиоратора тов. А. Платонова).

1926

1. "Журнал крестьянской молодежи" № 21, 7 ноября 1926 г.,стр. 2-4. Как зажглась лампа Ильича. [*Рассказ. Впервые в книге "Епифанские шлюзы", М. 1927, под назв. "О потухшей лампе Ильича". В ж. "Сельская молодежь" № 12,1965,под назв. "Лампочка Ильича". В книге "Течение времени",М. 1971,под назв. "О лампочке Ильича".*]
2. ж. "Всемирный следопыт" № 12, 1926, стр. 3-15. Лунная бомба. Научно-фантастический рассказ инж. А. Платонова. [*Впервые в кн.: "Потомки солнца", М. 1974,там назв. в кавычках, без подзаголовка.*]

**Звездочкой помечены материалы, которых составители не имели возможности просмотреть (отсутствующие в общедоступных биб-ках газеты, журналы и т. д.)*

1927

1. ж. "Молодая гвардия" № 6, 1927,стр. 55-77. Епифанские шлюзы. Рассказ. [*Повесть. Впервые в кн. "Епифанские шлюзы", М. 1927.*]
2. газ. "Литературные среды" № 21 (приложение к "Красной газете" № 221), 28 сентября 1927 г., стр. 6-7. Песчаная учительница. [*Рассказ. Со сноской: "Отрывок из сборника "Епифанские шлюзы".*]
3. ж. "Молодая гвардия" № 11, 1927, стр. 68-101. Ямская слобода. Повесть. [*Впервые в кн.: "Сокровенный человек", М. 1928.*]

1928

1. ж. "Красная новь" № 4, 1928,стр. 38-49. Происхождение мастера (Рассказ). [*Начало романа "Чевенгур". Впервые в кн.: "Происхождение мастера", М. 1929, как начало повести "Происхождение мастера" (под этим названием печаталась примерно первая пятая часть романа "Чевенгур", впервые в кн.: "Чевенгур", Париж, 1972; там роман опубликован как раз без первой пятой части).*]
2. там же, № 6, 1928, стр. 84-115. Потомок рыбака (из повести). [*Отрывок из повести "Происхождение мастера". См. примеч. к публ. в ж. "Красная новь" № 4,1928. В качестве отд. рассказа впервые в кн.: "Избранные произведения в двух томах", т. 1, М. 1978.*]
3. ж. "Новый мир" № 6, 1928, стр. 136-141. Приключение. Рассказ. [*Отрывок из романа "Чевенгур".*]
4. Литературно-художественный сборник "Красной панорамы" (приложение к ж. "Красная панорама"). Л, сентябрь 1928. Город Градов. [*Повесть. Свед. из "Материалов" и "Рус. сов.проз." В ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина сентябрьский выпуск отсутствует. Из кн.: "Епифанские шлюзы", М. 1927.*]**
5. то же, октябрь 1928,тир. 50 000 экз. стр. 3-10. Город Градов. (Окончание).
6. ж. "Новый мир" № 12, 1928, стр. 249-258. Че-Че-О. (Областные организационно-философские очерки). [*В соавторстве с Бор. Пильняком.*]

1929

1. ж. "Октябрь" № 6, 1929,стр. 70-77. Государственный житель. Рассказ.
2. там же, № 9, 1929, стр. 28-41. Усомнившийся Макар. Рассказ.
3. "Литературная газета" № 26, 14 октября 1929 г.,стр. 2. Против халтурных судей. (Ответ В. Стрельниковой). [*На статью в газ. "Вечерняя Москва" № 224,28 сентября 1929 г. Со сноской "От редакции". Редакция считает неправильной характеристику Платонова, которую дала В. Стрельникова.*]

1930

1. ж. "Октябрь" № 2,1930, стр. 159-168. "Первый Иван". Заметки о техническом творчестве трудящихся людей. [*Очерк.*]

1931

1. ж. "Красная новь" № 3, 1931, стр. 3-39. Впрок. (Бедняцкая хроника). [*Повесть.*]
2. "Литературная газета" № 22, 24 апреля 1931 г., стр. 4. За развернутую самокритику. (Письма в редакцию). [*Письмо писателей по поводу нападок газ. "Вечерняя Москва" на Е. Тагера за его рецензию на тонкие журналы. Подписи: Вс. Иванов, Д. (?) Багрицкий,Федор Гладков,М. Голодный,Андр. Платонов, Вл. Луговской, П. Парфенов, Л. Никулин, Б. Пастернак, Г. Коренев, Н. Асеев, К. Зелинский, А. Митрофанов.*]

1934

1. ж. "Тридцать дней" № 2, 1934, стр. 69-71. Любовь к дальнему. Рассказ.
2. ж. "Красная новь" № 9, 1934, стр. 82-93. Такыр. Рассказ. [*Впервые в кн.: "Река Потудань", М. 1937.*]
3. В книге: Айдинг-Гюнлер. Альманах к десятилетию Туркменистана. 1924-1934. Издание юбилейной комиссии ЦИК-ТССР. [*М. 1934.*],тир. 5 500 экз.,стр. 47-60. Такыр. (Рассказ) [*См. примечание к публикации в ж. "Красная новь" № 9, 1934.*]

1936

1. ж. "Красная новь" № 1, 1936, стр. 148-158. Третий сын. Нужная родина. Рассказы. [*Впервые в кн.: "Река Потудань", М. 1937, последний под назв. "Глиняный дом в уездном саду".*]
2. ж. "Колхозные ребята" № 4, 1936, стр. 3-11. Красный Лиман. Рассказ. [*Другое назв. рассказа "Бессмертие". Здесь вместо "станция Красный перегон" - "станция Красный Лиман" и вместо "Левин" - "Цейтлин". См. ж. "Литературный критик" № 8, 1936.*]
3. ж. "Советское студенчество" № 5, 1936, стр. 59. О "цвете" темы. [*Ответ на анкету "Почему вы не пишете о вузовцах?" Упоминает о незаконченном произведении "Счастливая Москва".*]
4. ж. "Литературный критик" № 8, 1936, стр. 114-145. Бессмертие. Фро. Рассказы. [*С редакционной статьей "О хороших рассказах и редакторской рутине", стр. 106-113. Впервые в кн.: "Река Потудань", М. 1937.*]
5. ж. "Литературное обозрение" № 18, 25 сентября 1936 г.,стр. 47-50. Лепящий улыбку. (Драма в 7 действиях с эпиграфом) [*В разделе "Преступление и наказание". Пародия, в стихах. Подпись: Ф. Человеков.*]

6. ж. "Красная новь" № 11, 1936, стр. 27-33. Семен (Рассказ из старинного времени). [*Впервые в кн.: "Река Потудань", М. 1937. См. публикацию в "Литературной газете" № 9, 26 февраля 1969 г.*]
7. ж. "Колхозные ребята" № 12, 1936, стр. 6-10. Стрелочник. [*Рассказ, сокращенный вариант. Впервые в кн.: "Течение времени", М. 1971, под назв. "Среди животных и растений". В ж. "Индустрия социализма" № 4, 1940, под назв. "Жизнь в семействе".*]

1937

1. "Литературная газета" № 5, 26 января 1937 г., стр. 5. Преодоление злодейства. [*Статья о процессе Пятакова, Радека и др.*]
2. ж. "Литературный критик" № 1, 1937, стр. 46-61. Пушкин - наш товарищ. [*Статья. Впервые в кн.: "Размышления читателя", М. 1970.*]
3. там же, № 2, 1937, стр. 171-178. Книги о великих инженерах. [*О книгах Л. Гумилевского "Дизель", "Творцы паровых турбин" и др. Впервые в кн.: "Размышления читателя", М. 1970.*]
4. ж. "Литературное обозрение" № 6, 25 марта 1937 г., стр. 61. Письмо в редакцию. [*О публикации рассказа "Стрелочник" в ж. "Колхозные ребята" № 12, 1936.*]
5. ж. "Знамя" № 5, 1937, стр. 154-159. Старик и старуха. Рассказ.
6. ж. "Литературный критик" № 6, 1937, стр. 63-84. Пушкин и Горький. [*Статья. Впервые в кн.: "Размышления читателя", М. 1970.*]
7. ж. "Литературное обозрение" № 13, 10 июля 1937 г., стр. 3-6. Страдания молодого единоличника. [*О первой части повести К. Горбунова "Семья", ж. "Новый мир" № 11, 12 - 1936, и № 1 - 1937. Подпись: Ф. Человеков.*]
8. там же, № 15, 10 августа 1937 г., стр. 11-19. "Творчество". [*О романе Ф. Панферова "Творчество", ж. "Октябрь" № 2 и 3 - 1937. Подпись: Ф. Человеков.*]
9. там же, № 21, 10 ноября 1937 г., стр. 23-26. "Из дневника пилота". [*О книге: Г. Ф. Байдуков. Из дневника пилота. М. 1937. Подпись: Ф. Человеков.*]
10. ж. "Литературный критик" № 10-11, 1937, стр. 241-255. Павел Корчагин. [*Статья. Впервые в кн.: "Размышления читателя", М. 1970, с некот. сокращениями. Тот же вариант в ж. "Дон" (Ростов-на-Дону), № 9, 1969.*]
11. "Литературная газета" № 69, 20 декабря 1937 г., стр. 6. Возражение без самозащиты. По поводу статьи А. Гурвича "Андрей Платонов". [*Под рубрикой "Письма в редакцию". Ответ на статью А. Гурвича в ж. "Красная новь" № 10, 1937.*]
12. ж. "Литературное обозрение" № 24, 25 декабря 1937 г., стр. 35-37. "Шадринский гусь". [*О книге: Евгений Федоров. Шадринский гусь. Челябинск, 1937. Подпись: Ф. Человеков. Впервые в кн.: "Размышления читателя", М. 1970, в переработан-*

ном для издания 1938 года виде, под названием "Общие размышления о сатире - по поводу одного частного случая". В еженед. "Литературная Россия" № 27, 3 июля 1964 г., отрывок под назв. "Общие размышления о сатире по поводу, однако, частного случая".]

1938

1. ж. "Литературное обозрение" № 2, 25 января 1938 г., стр. 23-26. "Золотая Колыма". [*О книге: И. Е. Гехтман. Золотая Колыма. Хабаровск, 1937. Подпись: Ф. Человеков.*]
2. там же, № 4, 25 февраля 1938 г. Стр. 45-49. Рассказы А. Грина. [*О книге: А. Грин. Рассказы. М. 1937. Подпись: Ф. Человеков. Впервые в кн.: "Размышления читателя", М. 1970.*] Стр. 57-62. Творчество народов СССР. [*О книге: Творчество народов СССР. Под ред. А. М. Горького, Л. З. Мехлиса, А. И. Стецкого. Изд. ред. "Правда", 1937.*]
3. там же, № 6, 20 марта 1938 г., стр. 32-36. "Так начиналась жизнь". [*О книге: Ал. Савчук. Так начиналась жизнь. Свердловское обл. изд. Подпись: Ф. Человеков.*]
4. ж. "Литературный критик" № 3, 1938, стр. 118-127. Джамбул (О книге "Песни и поэмы"). [*Подпись: А. Фирсов.*]
5. там же, № 5, 1938. Стр. 192-205. "Сущий рай" (По поводу романа Р. Олдингтона "Сущий рай"). [*Со сноской: "Печатается в порядке обсуждения". Впервые в кн.: "Размышления читателя", М. 1970. В еженед. "Литературная Россия" № 27, 3 июля 1964 г., под назв. "Агония. По поводу романа Р. Олдингтона "Сущий рай".*] Стр. 237-240. "Гордубал", повесть К. Чапека. [*О книге: Карель Чапек. Гордубал. Повесть. Гос. изд. "Художественная литература", М. 1937. Подпись: А. Фирсов. Впервые в кн.: "Размышления читателя", М. 1970, под назв. "Гордубал".*]
6. "Литературная газета" № 36, 30 июня 1938 г., стр. 2. Горе безоружным! [*О романе Хемингуэя "Прощай, оружие". Первый вариант статьи о Хемингуэе. См. ж. "Литературный критик" № 11, 1938.*]
7. ж. "Литературный критик" № 6, 1938, стр. 235-237. Книга о человеческом достоинстве. [*О книге: Эдуард Ньюхауз. Спать здесь не разрешается. М. 1938. Подпись: А. Фирсов.*]
8. ж. "Новый мир" № 7,1938,стр. 17-31. Ольга. [*Рассказ. Впервые в кн.: "Избранные рассказы", М. 1958, под назв. "На заре туманной юности". Отрывок в книге "Комсомольское племя", М.-Л., 1938, под назв. "На крутом уклоне".*]
9. ж. "Литературный критик" № 7, 1938, стр. 174-191. О "ликвидации" человечества (По поводу романа К. Чапека "Война с саламандрами"). [*Статья.*]
10. ж. "Литературное обозрение" № 13-14,июль 1938 г.,стр. 3-8. "Танкер "Дербент". [*О повести Ю. Крымова "Танкер "Дербент", ж. "Красная новь", 1938, № 5. Подпись: Ф. Человеков. Впервые в кн.: "Размышления читателя", М. 1970. См. также вариант в ж. "Колхозник" № 4, 1939, под назв. "Стахановец Басов. (По поводу романа "Танкер "Дербент" Ю. Крымова)".*]

11. "Литературная газета" № 43, 5 августа 1938 г., стр. 5. Возвращение на родину. Рассказ. [*Начало повести "Джан". В более расширенном виде впервые в кн.: "Избранные рассказы", М. 1958, под назв. "Счастье вблизи человека" (рассказ). В книге отрывок неверно датирован 1947 годом, очевидно по дате публикации его в ж. "Огонек" № 15, 1947 – В. М.*]
12. ж. "Литературное обозрение" № 15, 5 августа 1938 г., стр. 9-16. "Высокое давление". [*О романе Леонида Соловьева "Высокое давление", "Год XXI. Альманах тринадцатый". М. 1938. Подпись: Ф. Человеков.*]
13. там же, № 16, 20 августа 1938 г., стр. 22-26. Ярославский альманах. [*О книге: Альманах. Лит.-худ. и краеведч. сборник Ярославской обл. Ярославль, 1938.*]
14. там же, № 17, 5 сентября 1938 г., стр. 16-19. Несоленое счастье. [*О пьесе С. Вашенцева "В наши дни". М. 1937. Подпись: Ф. Человеков.*]
15. ж. "Литературное обозрение" № 18, 20 сентября 1938 г., стр. 3-9. "Клятва". [*О книге: Геннадий Фиш. Клятва. История одного отряда. М. 1938. Подпись: Ф. Человеков.*]
16. "Литературная газета" № 54, 30 сентября 1938 г., стр. 4. Июльская гроза. Рассказ. [*Впервые в книгах "Июльская гроза", М.-Л. 1940 (для детей, с сокращениями) и "Избранные рассказы", М. 1958. В ж. "Дружные ребята" № 1, 1939, вариант под назв. "Гроза".*]
17. ж. "Литературное обозрение" № 20, 20 октября 1938 г., стр. 22-25. Рассказы в журнале "Знамя". [*О рассказах: Евг. Колесникова. Среднеазиатские новеллы; М. Слонимский. Летним утром; В. Курочкин. Именной торт – "Знамя" № 7, 1938. Подпись: Ф. Человеков.*]
18. газ. "Труд" № 264, 17 ноября 1938 г., стр. 4. Михаил Семенович Щепкин. К 150-летию со дня рождения. [*Статья. Подпись: А. Платонов. Однако стилистически совершенно не похоже на Платонова. Нет уверенности, что это его материал. Свед. из "Рус. сов. проз." – В. М.*]*
19. ж. "Октябрь" № 11, 1938, стр. 124-133. Июльская гроза. Рассказ. [*См. "Литературную газету" № 54, 30 сентября 1938 г.*]
20. ж. "Литературный критик" № 11, 1938. Стр. 158-171. Навстречу людям (По поводу романов Эрнеста Хемингуэя "Прощай, оружие" и "Иметь и не иметь"). [*Впервые в кн.: "Размышления читателя", М. 1970. См. также "Литературную газету" № 36, 30 июня 1938 г. В еженед. "Литературная Россия" № 27, 3 июля 1964 г., под назв. "Разрушение хижины одинокого человека. По поводу романов Хемингуэя "Прощай, оружие" и "Иметь и не иметь".*] Стр. 145-147. Александр Архангельский. [*Некролог. Подпись: Ф. Человеков. Впервые в кн.: "Размышления читателя", М. 1970.*]
21. ж. "Литературное обозрение" № 23, 5 декабря 1938 г., стр. 15-19. Сборник начинающих писателей Красноярского края. [*О книге: Сборник произведений начинающих писателей Красноярского края. Красноярск, 1938. Подпись: Ф. Человеков.*]
22. газ. "Труд" № 292, 22 декабря 1938 г., стр. 3. Писатель-большевик. К двухлетию со дня смерти Н. Островского. [*Статья.*]

23. В книге: "Комсомольское племя". Сборник рассказов и очерков. (XX лет ВЛКСМ). Детиздат, М.-Л. 1938, тир. 75 300 экз, стр. 155-162. На крутом уклоне. [*Отрывок из рассказа "На заре туманной юности". См. примечание к публикации в ж. "Новый мир" № 7, 1938.*]

1939

1. ж. "Дружные ребята" № 1, 1939, стр. 5-10. Гроза. [*Рассказ. См. примечание к публикации в "Литературной газете" № 54, 30 сентября 1938 г.*]
2. ж. "Литературное обозрение" № 6, 20 марта 1939 г., стр. 28-31. "Вратарь республики". [*О романе Льва Кассиля "Вратарь республики", ж. "Красная новь" № 10 и 11, 1938. Подпись: Ф. Человеков.*]
3. ж. "Колхозник" № 4, 1939, стр. 126-128. Стахановец Басов. (По поводу романа "Танкер "Дербент" Ю.Крымова). [*Подпись: Ф. Человеков. См. примеч. к публикации в ж. "Литературное обозрение" № 13-14, июль 1938 г.*]
4. "Литературная газета" № 30, 30 мая 1939 г., стр. 3. "Ирина Годунова". [*О повести А. Митрофанова "Ирина Годунова", ж. "Красная новь" № 1, 1939. Подпись: Ф. Человеков.*]
5. там же, № 31, 5 июня 1939 г., стр. 3. Над Пиренеями. [*Под рубрикой "Новые произведения". Со сноской: "Из рассказа "По небу полуночи".*]
6. ж. "Литературное обозрение" № 12, 20 июня 1939 г., стр. 21-23. "Разбег". [*О книге: Разбег. Сборник произведений авторов Сталинградской области. Сталинград, 1938. Подпись: Ф. Человеков.*]
7. ж. "Индустрия социализма" № 6, 1939, стр. 6-10. Родина электричества. Рассказ. [*Впервые в кн.: "Рассказы", М. 1962.*]
8. там же, № 7, 1939, стр. 10-15. По небу полуночи... Рассказ. [*Впервые в кн.: "Рассказы", М. 1962. См. отрывок в "Литературной газете" № 31, 5 июня 1939 г.*]
9. ж. "Литературное обозрение" № 13, 5 июля 1939 г., стр. 15-17. "Орел". [*О книге: Сергей Беляков. Орел. Рассказы о нашем городе. Орел, 1939. Подпись: Ф. Человеков.*]
10. там же, № 18, 20 сентября 1939 г., стр. 26-30. Курский альманах. [*О книге: Литературный альманах. Курское обл. изд. 1939. Подпись: Ф. Человеков.*]
11. ж. "30 дней" № 8-9, 1939, стр. 7-15. Свет жизни. [*Рассказ. Впервые в кн.: "Под небесами родины", Уфа, 1942.*]
12. "Литературная газета" № 57, 15 октября 1939 г., стр. 6. Семен Оков. [*Некролог. Подписи: Андрей Новиков, Ник. Кауричев, А. Платонов, Д. Ясиновский.*]
13. ж. "Литературное обозрение" № 22, 20 ноября 1939 г., стр. 28-32. "Земля в ярме". [*О книге: Ванда Василевская. Земля в ярме. 1939. Подпись: Ф. Человеков.*]
14. ж. "Детская литература" № 10-11, 1939, стр. 5-6. Два рассказа. [*О рассказах: В. Боков. Дорога; В. Осеева. Бабка — ж. "Дружные ребята" № 7-8, 1939. Подпись: Ф. Человеков. Впервые в кн.: "Размышления читателя", М. 1970.*]

1940

1. ж. "Литературное обозрение" № 2, 20 января 1940 г., стр. 8-11. "В поисках родины". [*О книге: А. Ершов. В поисках родины. Рассказы. 1910-1937. Новосибирск,1939. Подпись: Ф.Человеков.*]
2. там же, № 4, 20 февраля 1940 г., стр. 7-12. "В родных долинах". [*О книге: Павел Кучияк. В родных долинах. Новосибирск, 1939. Подпись: Ф. Человеков.*]
3. ж. "Детская литература" № 1-2, 1940, стр. 53-55. Вашингтон Ирвинг. [*О книге: В. Ирвинг. Рассказы и легенды. М.-Л. Детиздат, 1939. Подпись: Ф. Человеков. Впервые в кн.: "Размышления читателя", М. 1970.*]
4. ж. "Дружные ребята" № 2, 1940, стр. 1-7. Алтеркэ. Рассказ. [*Впервые в кн.: "Потомки солнца", М. 1974.*]
5. ж. "Литературный критик" № 2, 1940, стр. 106-116. О рассказах В. Козина. [*О книге: В. Козин. Рассказы о простоте. Подпись: А. Фирсов.*]
6. ж. "Литературное обозрение" № 7, 5 апреля 1940 г., стр. 11-19. Размышления о Маяковском. [*Статья. Подпись: Ф. Человеков. Впервые в кн.: "Размышления читателя",М. 1970.*]
7. там же, № 8, 20 апреля 1940 г., стр. 32-35. "Дальневосточная поэма". [*О книге: Б. Дальний. Дальневосточная поэма. Воронежское обл. книгоизд. 1939. Подпись: Ф. Человеков.*]
8. ж. "Индустрия социализма" № 4, 1940, стр. 18-24. Жизнь в семействе. Рассказ. [*См. примеч. к публ. в ж. "Колхозные ребята" № 12, 1936.*]
9. ж. "Литературное обозрение" № 12, 20 июня 1940,стр. 37-40. "Гроздья гнева". [*О романе Джона Стейнбека "Гроздья гнева", ж. "Интернациональная литература", 1940,№№ 1, 2, 3-4. Подпись: Ф. Человеков.*]
10. ж. "Детская литература" № 6, 1940, стр. 55-57. П. Бажов. Малахитовая шкатулка (Свердлгиз, 1939). [*Рец. Подпись: Ф. Человеков.*]
11. ж. "Литературное обозрение" № 14,20 июля 1940 г.,стр. 3-5. "Литературный Сталинград". [*О книге: Литературный Сталинград. Лит.-худож. сборник произв. писателей Сталинградской обл. 1939. Подпись: Ф. Человеков.*]
12. там же, № 17, 5 сентября 1940 г., стр. 53-56. "О Маяковском". [*О книге: Виктор Шкловский. О Маяковском. М. 1940. Подпись: Ф. Человеков.*]
13. ж. "Детская литература" № 9, 1940, стр. 37-40. Константин Паустовский. Рассказы (М.-Л. Детиздат,1940). [*Рец. Подпись: Ф. Человеков. Впервые в кн.: "Размышления читателя",М.1970, под назв. "Константин Паустовский".*]
14. ж. "Литературное обозрение" № 20, 25 октября 1940 г., стр. 3-7. "Неодетая весна". [*О повести Михаила Пришвина "Неодетая весна (Путешествие)", ж. "Октябрь" № 4-5, 1940. Подпись: Ф. Человеков.*]
15. там же, № 21, 5 ноября 1940 г., стр. 9-15. Ванда Василевская. [*О книгах: Облик дня, Земля в ярме, Родина, Пламя на*

болотах. Подпись: Ф. Человеков. См. также ж. "Литературное обозрение" № 22, 20 ноября 1939 г.]

16. ж. "Литературное обозрение" № 22, 20 ноября 1940 г., стр. 24-26. "Пробуждение героя". [*Рец. на поэму Джека Алтаузена "Пробуждение героя", ж. "Знамя" № 8, 1940. Подпись: Ф. Человеков.*]
17. ж. "30 дней" № 11-12, 1940, стр. 44-47. Старый механик (рассказ). [*Впервые в кн.: "Избранные рассказы", М. 1958, под названием "Жена машиниста".*]
18. ж. "Детская литература" № 11-12,1940,стр. 89-92. В. Г. Короленко. Избранные произведения (М.-Л. Детиздат,1940). [*Рец. Подпись: Ф. Человеков. Впервые в кн.: "Размышления читателя", М. 1970, под назв. "В. Г. Короленко".*]
19. ж. "Вокруг света" № 12, 1940, стр. 3-9. Неродная дочь. Кинематографический рассказ. [*Киносценарий по рассказу "На заре туманной юности". См. примеч. к публ. в ж. "Новый мир" № 7, 1938.*]

1941

1. ж. "30 дней" № 2, 1941, стр. 25-29. Александр Мальцев (рассказ). [*Сильно сокращенный рассказ "В прекрасном и яростном мире". Впервые в кн.: "Избранные рассказы", М. 1958, под назв. "В прекрасном и яростном мире (Машинист Мальцев)". В ж. "Дружные ребята" № 3, 1941, вариант под назв. "Воображаемый свет".*]
2. ж. "Дружные ребята" № 2, 1941, стр. 21-23. Ты кто? [*Сокращенный рассказ "Железная старуха". Впервые в кн.: "Под небесами родины", Уфа, 1942, под назв. "Железная старуха".*]
3. ж. "Вокруг света" № 2, 1941, стр. 49. Путешествие в страну удэхейцев. [*О книге В. К. Арсеньева "В горах Сихотэ-Алиня".*]
4. ж. "Литературное обозрение" № 6, 25 марта 1941 г., стр. 15-17. Лев Кассиль. Великое противостояние. (М.-Л. Детиздат, 1941). [*Рец. Подпись: А. Климентов.*]
5. ж. "Дружные ребята" № 3, 1941, стр. 14-18. Воображаемый свет. [*Сильно сокращенный рассказ "В прекрасном и яростном мире". См. примеч. к публ. в ж. "30 дней" № 2, 1941.*]
6. ж. "Детская литература" № 3, 1941, стр. 39-40. С. Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением "Семейной хроники" (М.-Л. Детиздат, 1941). [*Рец. Подпись: Ф. Человеков. Впервые в кн.: "Размышления читателя", М. 1970, под назв. "Детские годы Багрова-внука".*]
7. ж. "Смена" № 4, 1941, стр. 25-28. Великий человек. Рассказ. [*Впервые в кн.: "Течение времени", М. 1971.*]
8. ж. "Литературное обозрение" № 8, 25 апреля 1941 г., стр. 80-82. Акакий Церетели. Пережитое (Перевод с грузинского Елены Гогоберидзе. М. 1940). [*Рец. Подпись: А. Климентов.*]
9. ж. "Детская литература" № 4, 1941, стр. 27-29. В. Сафонов. Власть над землей. (М.-Л. Детиздат, 1941). [*Рец. Подпись: Ф. Человеков.*] Стр. 52-53. Серая Сова. Саджо и ее бобры. (Предисловие М. Пришвина. М.-Л. Детиздат,1940). [*Рец.*]

10. ж. "Литературное обозрение" № 9,10 мая 1941 г.,стр. 11-14. В. Закруткин. Академик Плющов. Повесть. (Ростов-на-Дону, Ростовское обл. книгоизд. 1940). [*Рец. Подпись: А. Климентов.*]
11. там же, № 11, 10 июня 1941 г., стр. 66-68. Песни и устные рассказы рабочих старой Сибири (Сборник. Сост. Александр Гуревич. Иркутское обл. изд. 1940). [*Рец. Подпись: А. Климентов.*]
12. ж. "30 дней" № 6, 1941, стр. 38-40. От хорошего сердца. [*Рассказ.*]
13. ж. "Пионер" № 10, 1941, стр. 18-23. Дед-солдат. Рассказ. [*Впервые в кн.: "Рассказы о родине", М. 1943. В кн.: "Броня", М. 1943,под назв. "Дед-матрос".*]

1942

1. газ. "Красная звезда" № 209, 5 сентября 1942 г., стр. 3. Броня. Рассказ. [*Впервые в книгах: "Рассказы о Родине", М. 1943; "Броня", М. 1943.*]
2. там же, № 222, 20 сентября 1942 г., стр. 4. Старик. Рассказ. [*В ж. "Октябрь" № 12, 1942,под назв. "Рассказ о старике". Впервые в кн.: "Под небесами Родины", Уфа, 1942,под назв. "Рассказ о мертвом старике". В кн. изменено имя по сравнению с другими публ.: Савва вместо Тишка. В кн. "Броня", М. 1943, под назв. "Старик". В кн. "Рассказы о Родине", М. 1943, под назв. "Рассказ о мертвом старике". В ж. "Октябрь" № 12, 1942, под назв. "Рассказ о старике".*]
3. ж. "Красноармеец" № 18, сентябрь 1942, стр. 19-20. Дед-солдат. Рассказ. [*См. примеч. к публ. в ж. "Пионер" № 10, 1941.*]
4. ж. "Знамя" № 10, 1942, стр. 93-100. Броня. Рассказ. [*См. примеч. к публ. в газ. "Красная звезда" № 209, 5 сентября 1942 г.*]
5. ж. "Октябрь" № 10, 1942, стр. 97-103. Крестьянин Ягафар. Очерк. [*Впервые в кн.: "Под небесами Родины",Уфа,1942.*]
6. ж. "Краснофлотец" № 21, ноябрь 1942, стр. 2-13. Слава. Рассказ. [*Первонач. вариант рассказа "Одухотворенные люди". Впервые в кн.: "Одухотворенные люди", М. 1942, под назв. "Одухотворенные люди". В ж. "Знамя" № 11, 1942 и в кн. "Броня", М. 1943 под назв. "Одушевленные люди". В кн. "Бессмертный подвиг моряков. Фильченко, Одинцов, Паршин, Цибулько, Красносельский", М. 1943, под назв. "Бессмертный подвиг моряков. Фильченко, Одинцов, Паршин, Цибулько, Красносельский". В кн. "Одухотворенные люди. (Рассказ о небольшом сражении под Севастополем)" под назв. "Одухотворенные люли. (Рассказ о небольшом сражении под Севастополем)".*]
7. ж. "Знамя" № 11, 1942, стр. 115-137. Одушевленные люди. (Рассказ о небольшом сражении под Севастополем). [*См. примеч. к публ. в ж. "Краснофлотец" № 21, ноябрь 1942.*]
8. ж. "Октябрь" № 12, 1942, стр. 46-50. Рассказ о старике. [*См. примеч. к публ. в газ. "Красная звезда" № 222, 20 сентября 1942 г.*]

9. ж. "Краснофлотец" № 18, 1942. Дед-солдат. Рассказ. [*См. примеч. к публ. в ж. "Пионер" № 10, 1941. Свед. из "Материалов".*]*

1943

1. газ. "Красная звезда" № 57, 10 марта 1943 г., стр. 4. Труженик войны. [*Вариант рассказа "В сторону заката солнца". Впервые в кн.: "В сторону заката солнца", М. 1945, под назв. "В сторону заката солнца". В кн. "Солдатское сердце", Детгиз, М.-Л. 1946, под назв. "Иван Толокно – труженик войны". В книге "Одухотворенные люди", М. 1963, под назв. "В сторону заката солнца (Иван Толокно)".*]
2. ж. "Новый мир" № 2-3, 1943, стр. 75-82. Рассказы: Сампо. [*Впервые в кн.: "В сторону заката солнца", М. 1945.*] Дерево родины. [*Впервые в кн.: "Под небесами Родины", Уфа, 1942.*]
3. ж. "Знамя" № 4, 1943, стр. 135-139. Железная старуха. Рассказ. [*См. примеч. к публ. в ж. "Дружные ребята" № 2, 1941.*]
4. газ. "Красная звезда" № 122, 26 мая 1943 г., стр. 3. Оборона Семидворья. [*Отрывок из рассказа. Впервые в кн.: "Одухотворенные люди", М. 1963. В кн. "Смерти нет!", М. 1970, под назв. "Смерти нет! (Оборона Семидворья)".*]
5. ж. "Октябрь" № 4-5, 1943, стр. 27-31. В сторону заката солнца. Рассказ. [*См. примеч. к публ. в газ. "Красная звезда" № 57, 10 марта 1943 г.*]
6. газ. "Красная звезда" № 137, 12 июня 1943 г., стр. 3. Земля и небо Курска (От специального корреспондента "Красной звезды"). [*Корреспонденция.*]
7. там же, № 140, 16 июня 1943 г., стр. 3. Маленький солдат. [*Рассказ. В конце: "Действующая Армия". Впервые в кн.: "Избранные рассказы", М. 1958.*]
8. там же, № 148, 25 июня 1943 г., стр. 2. Присяга. [*Рассказ. В конце: "Действующая Армия".*]
9. ж. "Знамя" № 5-6, 1943, стр. 7-29. Оборона Семидворья. [*Рассказ. См. примеч. к публ. в газ "Красная звезда" № 122, 26 мая 1943 г.*]
10. газ. "Красная звезда" № 177, 29 июля 1943 г., стр. 4. Два дня Никодима Максимова. [*Рассказ. В конце: "Орловское направление. Июль 1943". Впервые в кн.: "В сторону заката солнца", М. 1945, под назв. "Никодим Максимов".*]
11. там же, № 212, 8 сентября 1943 г., стр. 4. Домашний очаг. [*Рассказ. В конце: "Действующая Армия". Впервые в кн.: "В сторону заката солнца", М. 1945.*]
12. ж. "Дружные ребята" № 8-9, 1943, стр. 8-9. Маленький солдат. [*Вариант рассказа. См. примеч. к публ. в газ. "Красная звезда" № 140, 16 июня 1943 г.*]
13. газ. "Красная звезда" № 255, 28 октября 1943 г., стр. 4. Мать. [*Рассказ. Впервые в кн.: "В сторону заката солнца", М. 1945. В книге "Смерти нет!", М. 1970, под назв. "Мать (Взыскание погибших)", с эпиграфом.*]

14. ж. "Знамя" № 9-10, 1943, стр. 270-273. Гроза под Орлом (очерк). [*Впервые в кн.: "В сторону заката солнца", М. 1945, под назв. "Бой в грозу (рассказ)".*]

15. В книге: Сталинское племя (XXV лет ВЛКСМ). Изд. "Молодая гвардия", М. 1943, тир. 25 000 экз., стр. 90-109. Одухотворенные люди. [*См. примеч. к публ. в ж. "Краснофлотец" № 21, ноябрь 1942.*]

(Продолжение в следующем номере.)

опечатки,

замеченные в предыдущем номере
№ 2 (10), 1980

Стр. 110, строка 21 сверху. Следует читать:
М.-Л. 1967,

Стр. 154, строка 23 снизу. Следует читать:
15. ж. "Путь коммунизма" (Краснодар) № 2, март-апрель 1922 г.

в номере:

Ежеквартальный литературный журнал

Основное содержание - литературный процесс в России в течение последних десятилетий. Проза, стихи, литературная критика. Публицистика. Публикации. Юмор. Более двух третей журнала - материалы литературного самиздата. Многие имена годами работающих в литературе писателей появляются в печати впервые. Единственный в эмиграции журнал, регулярно печатающий библиографические материалы.

ТОЛЬКО В ЕВРОПЕ:

Условия подписки в редакции - 105 французских франков (4 номера в год), с доставкой
Университеты и с целью поддержки - 140 фр. франков

В других странах журнал можно приобрести:

В Германии:
A.Neimanis Buchvertrieb, Bauerstrasse 28, 8000 München 40, Germany, tél.37.05.34

В США и Канаде:
1. Издательство "Ардис", *"RLT/Ardis Publishers", 2901 Heatherway, Ann Arbor, Michigan 48104, U.S.A. tél.(313) 971.2367*
2. *Mr Edward McDermott, 320 E. 23 Street, New York, N.Y. 10010, U.S.A. tél. (212) 982.2252*
3. Вадим Бытенский, *Mr Vadim Bytensky, 751 Steeles, Avenue West, Unit. 53, Toronto, Canada tél. (416) 225.48.47*

В Англии:
Представительство изд-ва "Посев", *"Possev-Verlag", 18 Downs Rd.,Beckenham/Kent BR32JY, England*

В Австралии и Новой Зеландии:
Михаил Ульман, *Michael Ulman, P.O.Box 335, Maroubra, N.S.W., Australia, tél.349.84.84*

В Израиле:
Ирина Гробман, *Irina Grobman, 28 Ephraim str. Bak'a Jerusalem, Israel, tél. (02) 712.493*

В Париже журнал продается во всех русских магазинах
Цена номера - 45 франков

Joseph FLOCH, Maître-Imprimeur à Mayenne 26 - 1 - 1981 n° 7378

ЭХО ECHO

PARIS 1980